

Эффект Шимпанзе

Пролог

chapter[1] = "Cogito ergo sum"

chapter[2] = "In flagrante delicto"

chapter[3] = "Quis custodiet ipsos custodes"

chapter[4] = "Auribus teneo lupum"

chapter[5] = "Terra incognita"

chapter[6] = "Deus ex machina"

chapter[7] = "Amor vincit omnia"

Приложения

Пояснение 1: Азиатская война

Пояснение 2: Климат

Что предложил Докинз?

Пояснение 3: "Жизнь после антропоцентризма..."

Иллюстрации

*«Люди будут любить того, кто отнял у них свободу, они даже могут простить отнявшего их благополучие, но никогда не простят того, кто заберет их иллюзии»
— Неизвестный автор¹*

Смесь дождя и града барабанила по лобовому стеклу с такой силой, будто стремилась заглушить шипение двигателя. И без того тусклое зимнее солнце скрылось за черными грозowymi облаками, покрывающими небо до самого горизонта. Непредсказуемые порывы ветра швыряли группу легких истребителей из стороны в сторону, словно опавшие листья, и даже вынуждали окруженный ими тысячетонный самолет испуганно махать элеронами.

Командир авиагруппы Стив Сандерс, вымотанный долгим рутинным перелетом, сидел настолько расслабленно, насколько это в принципе позволяло кресло пилота, и задумчиво всматривался в облака. Хотя реальную работу выполнял автопилот, от человека в кабине все равно требовалось сохранять бдительность. На всякий случай.

— Группа М81, это Мальпенза. Планы изменились. Внегабаритная полоса закрыта, — прервал его размышления диспетчер.

— В смысле? Это из-за погоды? — спросил Стив, встрепенувшись.

— Похоже, что нет. Мы в процессе выяснения.

— Да вы издеваетесь. А ближайший аэродром с внегабариткой находится...

— С открытой в данный момент — только в Берне.

— Далековато. Если там погода еще хуже, Икарус может просто не долететь, — встревоженно заметил Стив.

— Это 40 минут от твоего текущего положения. Если подняться над облаками... А сколько топлива осталось?

— Примерно 50 минут. А если там придется ждать? Нет уж, это слишком рискованно.

— Ладно, ты прав. Тогда переходи на облет города в обратном направлении, а я запрошу заправщик.

Стив быстро ввел в автопилот новую траекторию, и вся группа подконтрольных ему машин, включая гигантский «Икарус», начала подъем к облакам.

Заправщик оказался в воздухе довольно быстро — Стив даже не успел сделать полный круг над городом. Самолет с характерным утолщенным фюзеляжем вынырнул из облака справа и стал аккуратно сближаться с Икарусом. Истребители сопровождения разлетелись в стороны, освобождая

---

¹ Мне почему-то кажется, что фраза принадлежит Докинзу, но связать ее с оригинальным источником так и не удалось. Буду очень рад уточнениям.

двум громадинам место для маневрирования...

И только благодаря этому уцелели. Потому что, подобравшись к Икарусу достаточно близко, заправщик исчез в ослепительной вспышке. Ударная волна настигла машину Стива и швырнула ее в неуправляемый штопор. Впрочем, автопилот стабилизировал полет быстрее, чем шокированный пилот успел осознать произошедшее.

Выйдя из оцепенения, Стив тотчас принялся озираться в поисках Икаруса. Найти его оказалось несложно: из снесенного хвоста правого фюзеляжа вырывалась струя белого пламени. При ближайшем рассмотрении также выяснилось, что все двигатели и органы управления на правом крыле снесены, и лишь необоснованная прочность каркаса еще удерживает его от полного разрушения. Самолет опасно покачивался из стороны в сторону и стремительно терял высоту.

— Стив?! Что у тебя случилось? — слышался испуганный голос Жерара, напарника Стива, который должен был подменить его в Милане. Таким голосом, да еще и на вдохе, обычно задают вопрос, когда предполагают худшее.

— А я-то почему знаю? Икарус накрылся!

— Как так? Это он горит?

— Давай живо сюда! Ты где?

— Три километра до тебя, отсюда уже видно огонь. Сейчас буду.

— Мальпенза, это М81, у нас ЧП! — Стив тем временем уже описывал ситуацию диспетчерам.

— Да, мы потеряли связь с главным судном и двумя беспилотниками. Сейчас подключаемся к твоей машине, нужен видеосигнал... О, господи.

— Почему нет связи с Икарусом? Он явно еще жив, — недоуменно спросил Стив.

— Основные антенны располагались на хвостах. Видимо, они обе уничтожены.

— А резервные?

— Возможно, тоже. Не знаю. Похоже, там еще и программная проблема. ИИ должен был уже сбросить груз...

Именно эта деталь и заставляла Стива обливаться холодным потом. Пассажирский блок с тысячей человек внутри, хоть и целый, до сих пор висел между фюзеляжами транспортника. Сама конструкция Икаруса создавалась именно ради такого сценария: в случае критической неполадки самолета блок полезной нагрузки должен отделяться, раскрывать парашюты и безопасно приземляться. Проблема в том, что отделение должен инициировать ИИ, и по какой-то причине он отказался это сделать. С другой стороны, опасных повреждений блока не наблюдалось: можно предположить, что пассажиры еще целы.

— M81, вам придется вручную отсоединить груз, — упавшим голосом проговорил диспетчер.

Стив прошипел серию проклятий и отдал автопилоту команду на стыковку с Икарусом, а затем поинтересовался:

— А он не должен рвануть?

— Хуже, чем уже горит — не должен. У Икаруса же водородные батареи. Это криогенный бак может взорваться... — напомнил Жерар.

Конечно, в заправщиках, чтобы увеличить полезную нагрузку, использовались криогенные баки. Но вероятность их самопроизвольного взрыва все равно слишком мала. Произошедшее должно объясняться иначе.

— От него, кстати, куски отваливаются, — заметил Стив.

— Нууу... Будем надеяться, что они не слишком важные.

Тем временем истребитель пристроился сверху на центральном крыле Икаруса, скрепляющим вместе фюзеляжи и груз. Дождавшись защелкивания стыковочного узла, Стив отстегнулся, выскочил из кресла и нырнул в еще не до конца открывшийся проход между самолетами. Тем временем весь конвой уже погружался в облака.

— Кажется, проблемы не с ИИ, — заметил Стив через пару секунд, — Здесь вообще питания нет. Тьма полнейшая.

— На чем экономить вес, когда строишь тысячетонный самолет? Конечно, на проводке, — пробормотал Жерар.

— Тогда все еще сложнее, — подключился к проблеме уже другой диспетчер, который лучше знал особенности Икаруса, — Тебе надо спуститься ниже и открепить все руками.

— Экипаж сообщает, что пассажирский блок слабо поврежден и работает в штатном режиме, — сообщил тем временем первый диспетчер.

— Они не могут отсоединиться со своей стороны? — спросил Стив.

— Только оторвав крепление от фюзеляжа. Это было бы безумием.

— Так, я на месте. Что именно отсоединять?

— Все. Сначала коммуникации, потом крепления.

— ...Черт, нет времени. Можно их просто перерезать?

— Действуй.

Икарус вынырнул из облаков снизу, так что диспетчеры снова могли наблюдать за происходящим.

Следующие полминуты они ждали, затаив дыхание. Эфир наполняло лишь шипение сжатого воздуха, покидающего оборванные Стивом шланги. Наконец последовал мощный удар металла о металл, и пассажирский блок резко ушел вниз, а облегченный самолет покачнулся и, будто в надежде на лучшее, приподнял нос.

— Я возвращаюсь, — сообщил Стив.

— Супер. Постарайся теперь выбраться оттуда, — взволнованно ответил Жерар.

— Уже почти.

Сложно сказать, что именно произошло дальше — отчасти потому, что самолет снова влетел в облако. Как один из вариантов, ИИ Икаруса, не знавший о пристыкованном к нему истребителе, что-то напутал с вычислениями; а может, разваливающийся правый фюзеляж случайно образовал сопло, и пламя от горящей внутри него батареи собралось в реактивную струю, резко сместив центр тяги. Никто так и не смог сказать наверняка. Как только истребитель отстыковался, Икарус вздернул нос вверх и влево, ударив средним крылом машину Стива, которая от неожиданности перевернулась и попыталась удержаться на месте, развернув двигатель, в результате затормозила относительно самолета-гиганта и врезалась в остатки его хвостового оперения. Во все стороны полетели куски металла, а истребитель с погнутыми крыльями рухнул вниз, выплюнув пилота из искореженной кабины.

chapter[1] = "Cogito ergo sum"

Кто я? Где я? Жив ли я?

В таком состоянии — на грани жизни и смерти — становится очень сложно отличить реальность от сна, а настоящее от прошлого. Время перестает быть таким, каким мы привыкли его воспринимать, оно как бы разворачивается поперек. Я ничего не помню — но вместо этого вижу все, что было, есть и может быть, одновременно. Что из этих лоскутов, мелькающих передо мной, — реальность? Белый потолок со светодиодными панелями дневного света, пропитанный каким-то неприятным запахом? Или кабина пилота и мертвый серый город за ее стеклом? Или вообще песчаный берег, шелест спокойного моря, полузатопленные кирпичные развалины и заходящее вдали солнце?

Я слышу, как разговариваю с кем-то, но не могу понять, что именно говорю, и в каком из лоскутов это происходит. Тело не повинуется мне ни в одном из них, что очень усложняет поиск единственной настоящей реальности.

Медленно, в течение нескольких часов, все возвращается в норму. Я наконец убеждаюсь в том, что являюсь Стивом Сандерсом, нахожусь в больничной палате, и начинаю разбираться в собственных ощущениях. Голова болит. Сильно. Из разъема в левом плече торчит капельница с питательным раствором. По какой-то причине я довольно быстро возвращаю под свой контроль руки и ноги, но практически не ощущаю туловища. Чем они отличаются? Ну, очевидно, тем, что руки и ноги у меня механические. Но тогда с какой стати они слушаются меня лучше, а не наоборот?

Ответ пришел сам, как только ко мне вернулась четкое зрение. Во-первых, на часах было 17:49, 12 октября 2056 года. Во-вторых, все это время на мои глаза было выведено руководство пользователя искусственного позвоночника. Это многое объясняет — в том числе и то, почему болит только голова. Наверняка коэффициенты обратной связи были кем-то заботливо выставлены на минимум. Надо будет разобраться, как эта штука работает.

Но прямо сейчас разбираться ни в чем не хотелось. Тело не требовало никаких действий с моей стороны, так что я переключился на память. И быстро понял, что не знаю о происходящем вообще ничего. Ни почему я здесь, ни где это — здесь.

Сумев наконец приподнять голову, я огляделся. Идеально белые стены, окрашенные лучами заходящего солнца, и весьма качественная мебель вокруг выглядели слишком дорого, чтобы покрываться страховкой ВВС. Очень интересно. Кроме того, я увидел у стены напротив андроида в элегантном белом корпусе, достаточно нового. Его глаза-объективы, расположенные один над другим по центру трапециевидной головы, неотрывно смотрели на меня, и ни один его привод не шевелился.

Вероятно, робот заметил, что я подаю признаки жизни, и сообщил врачу, потому что тот появился спустя пару минут. Вошедший представился как Марко, нейрохирург. Типичный крупногабаритный

итальянец средних лет, с доброжелательным по умолчанию лицом, под которым в данный момент скрывались какие-то более сложные эмоции — разобрать их было затруднительно, да я и не пытался.

Марко объяснил мне ситуацию. При аварии — подробности которой ему не сообщали — у меня были сильно повреждены голова и позвоночник. Из остальных органов живые остались сравнительно целыми, а механические уже отремонтированы. Еще недавно такие травмы были бы безнадежно смертельными.

Последние четыре дня я валялся здесь без сознания. Позвоночник был полностью заменен на искусственный. Подключить к нему конечности через машинный интерфейс ничего не стоило, а вот живым нервам туловища требовалось некоторое время на адаптацию. Задняя часть черепа была заменена на металлическую пластину, которая, по обещаниям дерматологов, уже через месяц будет покрыта здоровой кожей в комплекте с волосами. Сложнее всего дело обстояло с травмой мозга. Каким-то образом хирургам удалось восстановить основные функции поврежденной части, но за децентрализованные — в частности, память — они не ручались, предупредив, что ожидают большого количества пробелов, особенно в эпизодической памяти, и других странностей, так что едва ли стоит удивляться хоть чему-то.

Искать подробности о происшествии, из-за которого я тут оказался, он порекомендовал в личных сообщениях — ВВС не хотели разглашать подробности своих промахов кому попало. Я и сам заметил присланный мне отчет еще до прихода Марко, но не успел его посмотреть.

Задав все положенные вопросы о самочувствии и записав мои невнятные ответы, врач задумался на несколько секунд, а затем рассказал об еще одном крайне любопытном обстоятельстве. Мной заинтересовалась исследовательская группа из Миланского НИИ нейрофизиологии. Почему-то им был очень нужен пациент с подобным повреждением. Руководитель группы по имени Винсент Лоран просил вызвать его, как только я решу, что готов с ним поговорить. И он не просто просил. Непонятно откуда он раздобыл увесистый грант, часть которого группа вложила в мое медобслуживание «в надежде» на мое с ними сотрудничество. Впрочем, сарказм я оставил при себе — рациональных причин отклонять предложение не было. Все, что им требовалось — наблюдение, а скрывать мне нечего. Вроде бы.

Логика их выбора я так и не понял: что нового можно узнать от киборга, которому невозможно сделать МРТ? Этот вопрос я тоже оставил при себе, по крайней мере, до выяснения более насущных. В конце концов, наука о разуме уже зашла в такие дебри, которых не знала и квантовая хромодинамика, так что на пальцах мне бы никто ничего не объяснил.

Марко наконец спохватился, что я до сих пор работаю на внутривенном питании, и скомандовал роботу принести ужин. Который, впрочем, представлял собой все тот же питательный раствор, только теперь адаптированный для желудка. Начать употребление твердой пищи врач разрешил только через сутки. Но, по крайней мере, от капельницы и прочих внешних зависимостей я избавился.

— Какие есть прогнозы по срокам выздоровления? — спросил я.

— С функциональной точки зрения мы ждем только восстановления иннервации и зарастания шрамов. При должном лечении это займет пару недель. Но мозг — совершенно другой разговор. Мы должны полностью убедиться в твоей дееспособности. Это потребует больше времени, поэтому я предлагаю поступить так. Этот андроид, — врач показал на робота в углу, — некоторое время будет твоим² сопровождающим. Заметив скептическое выражение на моем лице, он вздохнул:

— Понимаю, но это мера безопасности. Либо так, либо тебя придется держать в больнице неопределенное время. А этого не хочешь ни ты, ни мы, ни финансовые возможности Винсента.

С небольшой помощью Марко мне удалось встать. К счастью, разработчики позаботились, чтобы позвоночник не нужно было настраивать с нуля — неуклюже пройтись получилось с первой попытки. Врач порекомендовал мне отработать основные рефлексы поскорее, пока нервы врастают в свои интерфейсы. Андроид, откликающийся на имя Дилос, должен был мне в этом помочь.

Марко ушел, и я, наконец, смог задуматься, что мне вообще стоило спросить. Во-первых, где я? Учитывая упоминание НИИ и тот факт, что Милан уже стал чем-то вроде столицы европейской медицины, скорее всего, в нем я и нахожусь. Чтобы удостовериться в этом, я включил больничный терминал, вмонтированный в стену над кроватью. На экране высветилась стилизованная аббревиатура «МЦНФ». Я тут же загуглил «мцнф больница» через свой экзокортекс³ и удостоверился в первом предположении: это была больница, непосредственно примыкающая к НИИ. Можно было просто задать этот вопрос роботу, но мне почему-то не хотелось заговаривать с ним первым. Как будто это могло на что-то повлиять.

На часах было 18:49. Тем временем терминал отобразил оповещения. Выяснилось, что за прошедшее время у меня был один посетитель, отказавшийся назваться. Ко мне его, само собой, не пустили. Что ж, мне не остается ничего, кроме как ждать его возвращения. Я слабо представлял, кто это мог быть. Кого я здесь вообще интересую, кроме коллег и ребят из НИИ?

В общем-то, никого.

Я примерно полминуты перегонял эту мысль из одного угла мозга в другой, и в итоге вконец расклеился. Как выйду отсюда — начну с того, что разберусь с личной жизнью. Во второй половине третьего десятка этот вопрос уже нельзя оставлять без внимания. Конечно, человек сегодня может легко жить без семьи, дома и вообще чего-либо: встраиваемая в тело техника заменяет практически все предметы, которыми раньше были наполнены дома, а дешевые блочные отели, сверхзвуковые поезда и малая авиация позволяют не привязываться даже к континенту. Но человеческая природа от этого никуда не делась. К тому же, «кочевой» образ жизни явно вредит здоровью.

Официальный отчет ВВС не блистал деталями. В частности, там не было сказано, что именно произошло со мной — только то, что мое бессознательное тело нашли на земле под автоматически

---

² Здесь и далее: по логике сюжета все персонажи говорят по-английски и используют местоимение "you", поэтому вместо языко-специфичных переходов с "вы" на "ты" будет сразу использоваться "ты".

³ Экзокортекс — внешняя система обработки информации, которая позволяет усилить интеллект или выступает нейропротезом для коры головного мозга (Википедия).

раскрывшимся парашютом. Из материалов дела были запись с камеры Жерара и расшифровка черных ящиков, и их я пристально изучил.

Конец истории выглядел не так уж плохо. ИИ Икаруса приложил все усилия для минимизации ущерба и дотянул распадающееся судно до Венецианского залива, в котором благополучно затонул. Все пассажиры уцелели, или, по крайней мере, находились в пределах ремонтпригодности. Проблемы только с заправщиком: о причинах его взрыва имелось три следственные гипотезы, причем ни одна не имела под собой твердых оснований. Две предполагали террористическую атаку.

Отчет не полностью удовлетворил мое любопытство. Но, кроме него, моим единственным источником информации был Жерар. Я отправил ему просьбу перезвонить, когда закончит сегодняшнюю работу, хотя и не надеялся, что разговор с ним сильно прояснит ситуацию.

Уже почти самостоятельно, хотя андроид честно пытался меня поддерживать, я встал и вышел на балкон. Балконы теперь имеются почти в любой внешней комнате любого здания. И не просто балконы, а целые оранжереи. Вот только их значение — сугубо практическое. Это единственный экономически целесообразный способ прокормить город.

Я прошел мимо рядов аппетитной гидропоники, в которых копошился маленький робот-садовник, к полностью прозрачной внешней стене. Далеко подо мной раскинулся красивый матовый мегаполис: я находился, может, чуть выше двадцатого этажа. Нижний уровень города закрывал синеватый туман, из которого опасно выглядывали скопления домов высотой до пятидесяти этажей. Их поверхность имела два возможных цвета: либо зеленый — там, где обитали растения, либо темно-синий — служебные блоки с солнечными панелями, и в обоих случаях она выглядела темнее, чем должна, потому что с жадностью поглощала солнечный свет. При необходимости такие здания могли отключаться от внешнего мира, переходя на замкнутый цикл жизнеобеспечения и солнечную энергию — в каком-то смысле подобно самим людям. Последние экспериментальные варианты даже обладали способностью уползать под землю, но издержки на их постройку пока не оправдывались. И во всем этом действительно имелась необходимость: даже сравнительно мягкий средиземноморский климат мог в любой момент подбросить какой-нибудь подарок под дверь.

Век назад фантасты представляли такими наши города на других планетах. Если бы только они знали... Нет, я не имею в виду, что они бы расстроились. Если бы они могли предсказать все это — может, мы и избежали бы самых страшных аспектов кризиса. Нужно было нарисовать персонажей, проходящих через этот кошмар, которым можно сопереживать. Заставить людей задуматься. Иногда удачная смерть персонажа спасает реальные жизни.

О том, каковы условия в других частях света, европейцы предпочитали просто не думать. Целые континенты — например, Австралия — стали совершенно непригодны для жизни в том виде, какой она была в начале века. Местные жители теперь полностью зависят от искусственных систем жизнеобеспечения и инженеров, ведущих гонку на выживание с природой. Ближний восток первым проиграл эту гонку, став земным филиалом Меркурия — с предсказуемыми последствиями для Европы. В других частях света теплые континентальные регионы каждое лето пожирают гигантские пожары, оставляя после себя лишь черную пустыню, а прибрежные так же часто разрушаются

колоссальными ураганами. Средиземноморье, пострадавшее не так сильно, вновь, как в античности, стало центром мировой культуры; здесь хотя бы можно жить под открытым небом. Полуострова и прохладные Альпы теперь застроены по самое некуда и населены людьми со всех концов света. А Милан, после затопления Рима, принял на себя статус столицы Италии.

Когда старые города начали исчезать под волнами или смогом, лишаться продовольствия или питьевой воды, разноситься в щепки ураганами невиданной прежде силы, промерзнуть или прожариваться, очень многим людям пришлось искать новый дом. Почти половине населения планеты. Количество погибших невозможно уместить в голове — все войны в истории, взятые вместе десять раз, не принесли столько же разрушений, сколько одна всемирная засуха.

Мне повезло родиться в Англии, вдалеке от горячих — во всех смыслах — регионов. Но и там были свои проблемы. Гольфстрим рассасывался на глазах, каждая зима была холоднее предыдущей, и океан неумолимо наступал. Люди не успевали адаптироваться к новым условиям. Пробираясь по полузатопленному городу в один из особенно холодных дней, я не заметил границы между землей и льдом, за что в итоге поплатился ногами. Впрочем, я быстро оценил преимущества механических конечностей. К тому времени они уже не требовали внешних источников питания, получая энергию так же, как и живые ткани — из крови, а во время отдыха запасали ее в аккумуляторах, чтобы на короткое время предоставлять пользователю сверхчеловеческую силу. По точности и подвижности они также не уступали биологическим аналогам. Позже, достигнув совершеннолетия, я по собственной воле заменил близорукость глазами, с которыми меня бы не пустили управлять самолетами. А там уже и замена рук не казалась слишком радикальной идеей... Потом я уехал на материк учиться на инженера аэрокосмических систем. Причем я не помню, что чувствовал по этому поводу сам, а лишь знаю факты.

Тем временем Европе нужно было что-то делать со своими непрошенными гостями с Ближнего востока и других ныне необитаемых регионов. Сама она не справилась бы. Положение самым нестандартным способом спас Китай. К концу 30-х годов он подготовил свое секретное оружие: генетически модифицированных киборгов, каждый из которых стоил взвода обычных солдат. Впоследствии их емко и незатейливо нарекли «Непобедимыми». И первым делом они были направлены на Россию. Война — если это вообще была война — длилась недолго и обошлась сравнительно малыми жертвами: противопоставить Непобедимым было абсолютно нечего, так что за несколько суток они захватили все стратегические центры страны. России еще повезло: за ней осталась большая часть европейской территории. Некоторые азиатские страны сразу присоединились к новой империи или стали ее сателлитами, других пришлось «уговаривать». Как эта история не закончилась ядерной войной — до сих пор загадка. Видимо, сотни подозрительных болванок, запущенных Китаем на орбиту незадолго до войны, сыграли свою роль. Остальной мир мог лишь с разинутым ртом наблюдать за происходящим, а предшествующая империя, США, только оправлялась от собственной гражданской войны.

Вскоре Китай, будто стремясь не остаться в памяти человечества абсолютным злом, перенаправил поток беженцев из Европы на территорию, принадлежавшую России — наименее пострадавшую в результате изменения климата. Привлекая лучших инженеров, используя новейшие технологии и

отправляя на переплавку все, что плохо лежало, китайцы за десятилетие возвели в Сибири инфраструктуру, способную кое-как поддерживать более чем миллиард человек. Именно туда летел Икарус, который мы сопровождали.

Несмотря на это, потери беженцев были колоссальны, а Европа едва дышала под их давлением. Здравомыслие оценив свои возможности, руководство Евросоюза — кстати, успевшего пару раз развалиться и собраться уже на новых условиях — приняло спорное решение: укрепить города на безопасных территориях и соорудить вокруг них более дешевые «города второго уровня» — пригороды для беженцев, право жить в которых получают те, кто будет достаточно лоялен правительству. Они также наделялись обязанностью защищать город от набегов со стороны оставшихся за его границей. В итоге новые города разделились на три четко очерченные зоны: «белую» — центральную, «серую» — пригородную и «черную», включавшую все окрестности за границей пригорода, в которых обычно располагались унылые поселения наименее удачливых беженцев и базы повстанческих группировок. Система оказалась не такой жестокой, как могло показаться вначале: белые и серые зоны постоянно расширялись, обеспечивая устойчивые социальные лифты. Таким образом была достигнута относительная стабильность, которая и сохраняется до сих пор.

Вернуться в реальность меня заставил ожидаемый вызов с ресепшена по поводу посетителя.

Вошедший через пару минут мужчина в длинном халате был заранее представлен мне как профессор Винсент Лоран, нейробиолог и немного философ. Худой, слегка сутулый, седой или просто очень светловолосый, с большими искусственными глазами и слегка натянутой улыбкой, возрастом около полувека. Настроен он был максимально доброжелательно, однако избегал смотреть глаза в глаза.

— Ну что ж, кому я тут должен выразить свою благодарность? — весело сказал он, входя.

— Не знаю, но добрый день, — ответил я куда менее весело.

— Как себя чувствуешь?

— Себя я пока еще не чувствую.

— Ну да...

Винсент ненадолго замолчал, а затем перешел к основной теме:

— Я... хорошо понимаю всю неловкость создавшегося положения. С одной стороны, мы повели себя совершенно некорректно, навязав свои планы человеку без сознания. С другой — наша работа теперь в подвешенном состоянии, поскольку только от тебя зависит, получат ли продолжение исследования.

— Да нет, мне очень даже повезло. Не хотел бы попасть в таком состоянии в военный госпиталь.

— Хорошо, если так, — снова улыбнулся Винсент, присев на стоявший у двери стул, — я не буду тебя ничем напрягать, до выздоровления уж точно. А вообще нам бы хотелось... — и он все-таки попытался на пальцах объяснить, что исследует и почему мой случай настолько уникален. Получалось

не очень. Я быстро потерял нить повествования, и точно не смог бы пересказать его лекцию.

После этого Винсент обсудил со мной еще несколько технических вопросов, взглянул на часы, покачал головой, встал и направился к выходу, велел мне хорошо отдохнуть в ближайшие дни.

— Если что, я живу недалеко, так что могу подъехать в любой момент. И звонить можешь в любое время. Короче, я к твоим услугам, — добавил профессор, выходя.

Около получаса после этого я лежал, медленно переваривая всю навалившуюся информацию. Казалось бы, мне стоило радоваться — я практически вышел сухим из воды, отделавшись потерей одного, вполне заменяемого органа и каких-то кусков памяти. Теперь — несколько месяцев безделья, а там видно будет. Можно, например, вытянуть из ВВС все, что мне причитается, послать их наконец лесом и уйти пастухом автопилотов в какую-нибудь частную контору... Если там еще осталась такая вакансия. Все профессиональные знания при мне; потерянные рефлексы должны быстро восстановиться на симуляторах. На самом деле, я терпеть не мог военных: их субординацию, их раздутое самомнение, бесполезную растрату ресурсов, не говоря уж об изредка возникающей необходимости использовать эти ресурсы по назначению. До сих пор я мирился с этим ради самих машин, ради непередаваемого чувства бреющего полета на полной тяге...

Которого я совершенно не помню. Почему? Как я могу с точностью до сантиметров помнить расположение аппаратного указателя скорости на «Пегасе», но не помнить, ради чего вообще в него полез?

Конечно, не менее важным соображением была возможность когда-нибудь добраться до космоса. Тогда. Потом первая марсианская экспедиция трагически погибла, климат и экономика окончательно испортились, и пилотируемые полеты были официально отложены в долгий ящик. Да и я с тех пор стал несколько серьезнее. Может, оно и к лучшему? Не стоит ли воспользоваться ситуацией, чтобы найти другую работу, осесть где-нибудь на Адриатическом побережье, начать, наконец, нормальную жизнь?..

Нет. Чем дальше я углублялся в планы, тем настойчивее зудело на границе подсознания какое-то глубокое сомнение. Что-то не так. Слишком много подозрительных мелочей в этой истории. Слишком неслучайны провалы в памяти. И слишком много незаслуженного внимания к моей персоне.

И тут вспыхнула мысль. Зияющая дыра в полотне рассказанной мне легенды. Врачи не имели права разглашать информацию о моей травме! Даже несмотря на все юридические преимущества, которыми, вполне заслуженно, обладали ученые Евразийского союза, это было грубым нарушением закона.

Сначала подсознание попыталось куда-нибудь упрятать неприятный факт, но быстро проиграло схватку с врожденным любопытством.

Отлично, и что теперь? Я едва могу встать с постели, не имею ни малейшего представления о происходящем, ни единого человека, которого можно попросить о помощи... Что мне остается, кроме как улыбаться и махать?

И более того — я даже не могу быть уверен, что это происходит на самом деле, а не в виртуальной реальности! Информацию с глаз я получаю от их контроллера, в котором может быть бекдор. С позвоночником, и, следовательно, осознанием теперь то же самое. Уши легко обмануть. Получается, что доверять я могу только носу, языку, коже лица, вестибулярному аппарату... Ну ладно, этого не так уж и мало.

Я дотронулся до своей щеки и ощутил прохладный, гладкий металл обнаженной ладони (обычно киборги носят специальные перчатки, имитирующие кожу). Принюхался: слабо пахло дезинфицирующим раствором. Ладно, будем считать, что это все-таки реальность — в противном случае я все равно бессилён что-то изменить. Да и незачем сразу кидаться в крайности.

Попробуем рассуждать логически. Если бы кому-то что-то нужно было сделать *со мной*, для этого было более чем достаточно времени. Значит, они хотят, чтобы я *что-то сделал*. И это как-то связано с моей травмой, если не рассматривать чистые совпадения как серьезные гипотезы. То есть до этого места их легенда выглядит правдоподобно. Но дальше начинается ерунда. Они могли узнать мою историю болезни, как положено — спросив. Всего-то и нужно было подождать несколько дней. Вместо этого они заплели интригу на пустом месте. Значит, место не такое уж и пустое. Либо им нужно, чтобы я о чем-то не знал для успеха исследования, но это наиболее оптимистичный вариант. Либо суть исследования такова, что по доброй воле я бы не согласился в нем участвовать. Либо, наконец, все это вообще не связано с наукой.

Черт возьми, как же я ненавижу тайны.

Поиск по имени «Винсент Лоран» быстро привел меня к правильному человеку, и открытых данных оказалось предостаточно. Родился в 2006 году, получил первое образование по, внезапно, прикладной математике и уже второе по нейрофизиологии. Опубликовал около сотни статей по целому спектру направлений. Чем больше я читал, тем больше утверждался во мнении, что этот человек не ввязался бы ни в какое сомнительное мероприятие без крайней на то необходимости — он мог слишком многое потерять. Если не рассматривать всерьез варианты, что у него поехала крыша или что ко мне приходил его двойник, то... Да я и не могу придумать других вариантов. Ради чего можно поставить на карту десятилетия своего труда и даже пойти на преступление, пусть и административное? Я ведь уже сейчас могу подать иск против него, и что он будет делать? Бред какой-то.

Мои размышления прервал входящий вызов. Экзокортекс отобразил в верхнем правом углу поля зрения фотографию Жерара. Недолго думая, я моргнул, глядя на существующую только в моем глазу кнопку «Принять». Фотография тут же заменилась голограммой лица собеседника. Выглядела она немного неестественно за счет того, что мы использовали не камеры, а виртуальные модели, которые анимировались датчиками мимики — такой подход позволял использовать видеосвязь, не нося с собой отдельных устройств с камерами.

Несколько секунд Жерар просто вглядывался в мое лицо, но, сообразив, что голограмма ему ничего не скажет, довольно неуклюже попытался завести разговор. Впрочем, то была скорее неуклюжесть с непривычки, чем попытка скрыть тайну — это видно даже по голограмме. Я достаточно хорошо знал

Жерара, чтобы убедиться, что к моей проблеме он непричастен. Отразив его расспросы дежурными оптимистичными репликами, я смог, наконец, перейти к волновавшей меня самого теме:

— А ты мне объяснишь, что вообще произошло?

— Ну как... Ты ведь уже видел отчет?

— Конечно.

— Я сам не знаю практически ничего, что не было бы там написано.

— Практически?

— Ну, есть еще четвертая гипотеза — что это наши внутренние разборки. И все.

— А кого мы везли-то?

— Беженцев из Африки. Причем явно не простых беженцев, к ним бы эскорт не приставили. Большого сказать не могу.

— Ладно. А почему Икарус не смог приземлиться в Милане?

— Система быстрой дозаправки рванула и разнесла часть негабаритной полосы. Сажать такую машину на оставшуюся часть было бы рискованно.

— Два взрыва за полчаса?

— Мало того, что это случилось, мы еще и не нашли прямой связи между инцидентами. Чтобы списать их на одну причину, нужны хоть какие-то доказательства.

— То есть, причины обоих нам неизвестны?

— Официально, взрыв негабаритки произошел из-за цепи ошибок и утечек, в результате которых в трубу подачи водорода начал закачиваться обычный воздух. Сейчас аэропорт закрыт и в нем куча народу из полиции, ВВС и АТП.

— Антитеррористическое подразделение? Они тоже участвуют?

— Да, конечно. У нас же две официальные версии предполагают атаку. Причем одна другой краше. Поскольку ничего, что было бы похоже на остатки бомбы, в обломках заправщика не нашли, можно предположить либо что маленькое взрывное устройство было «заправлено» прямо внутрь, либо что самолет прострелили снаружи. И в обоих случаях нужно, чтобы в баках изначально был кислород, чтобы было, чему взрываться.

— То есть это в любом случае заговор?

— Ну, либо кибератака на системы аэропорта, либо да, враг на нашей территории. Вот только никаких следов нет.

— Да, ну мы и влипли, — покачал головой я.

— А тебе-то зачем в этом копать? Отдыхай пока. С отчетностью я сам разберусь, — весело ответил Жерар.

— Может, ты и прав... А может, все это — только вершина айсберга, и мы все по шею в воде барахтаемся вокруг него, — задумчиво процедил я.

— Ой, да не заливай, — фыркнул Жерар, — Это даже не наши проблемы. Мы все сделали правильно. Точнее, ты сделал.

— Хорошо, если так. У тебя все?

— Пока да. Позвони, когда выйдешь из больницы, разберемся с мелочами.

— Конечно. До связи.

Я уставился в потолок невидящим взглядом. Нет, все-таки происходящее не имеет ни малейшего смысла. Почему именно я должен быть в эпицентре такого количества заговоров одновременно? Даже если допустить, что я случайно оказался не в то время не в том месте, что противник — действительно противник и что информацию врачи слили случайно, это не объясняет их поведения. Как минимум, они бы постарались скрыть утечку, а не сотрудничать с НИИ. Значит, связей здесь больше.

Все осложняется тем, что я не знаю, какие воспоминания у меня повредились. В этом, собственно, и состоит проблема амнезии — ты не можешь знать, что именно забыл. Но если и Жерар не понимает, что происходит — значит, дело не в этом.

Худшее, что я мог сделать в сложившейся ситуации — сесть и попытаться осмыслить ее глубже. Перебирать все объяснения подряд бесполезно. Если идея и появится, то лишь по собственной инициативе. А длительное разглядывание одной и той же мысли с разных углов приведет лишь к страху и депрессии. Так что мне следовало заняться чем-то более практичным — например, почитать руководство к позвоночнику.

Примерно через полтора часа снова позвонили с ресепшена. Этого я уже не ждал, поэтому был немного взволнован, нажимая «принять вызов». На этот раз я использовал видеосвязь терминала. Теперь я видел то же, что и робот-портье внизу. Тот, в свою очередь, отображал меня на своем экране.

Прямо перед роботом стояла девушка моего возраста. Весьма милая, с живыми карими глазами, округлым лицом и глубоко черными волосами, ниспадающими по спине за пределы моего поля зрения. Это была Мишель Фавро. Кажется, мы познакомились в вузе и что-то делали вместе, но что именно — я не помню. Почему она здесь? Точнее, почему именно она?

Видеосигнал от меня, видимо, появился с запозданием — Мишель еще секунду напряженно смотрела в экран на своей стороне, прежде, чем на ее лице отразилась реакция узнавания (которая

всегда сопровождается еле заметным поднятием бровей).

— Стив? — тихо прошептала она. Ее глаза широко раскрылись, так что стала видна краснота их краев. Однако следующая фраза прозвучала уже совсем иначе:

— Впускай меня, немедленно.

Я был несколько ошарашен таким контрастом. И, конечно, не собирался повиноваться. Но и создавать конфликт тоже было бы плохой идеей. Поэтому я попробовал перевести разговор в рациональное русло:

— А почему ты сначала не связалась со мной?

— Да какая, к черту, разница? — Мишель начинала медленно краснеть, а в ее голосе уже слышались признаки приближающейся истерики. Стало понятно, что ничем хорошим это не кончится.

— Хорошо, а зачем ты здесь?

На тот момент я никак не мог предсказать последствий своих слов. Просто не было данных.

— ЗАЧЕМ???! — армированные стекла на первом этаже здания вздрогнули, — Ты в своем уме?!

Мишель зарыдала. На шум уже сбегались несколько человек персонала и дюжина роботов, почтительно ожидающих возможности предложить помощь. Но я еще хуже, чем они, понимал, что происходит, и некоторое время бестолково хлопал глазами, пытаюсь хотя бы собрать воедино мысли, и сам не заметил, как передал портье свое согласие.

Выйдя из ступора спустя какое-то время, я хлопнул себя по лбу и сделал самое логичное, что мог: открыл свою переписку с Мишель и натравил на нее простейший аналитический алгоритм, надеясь быстро восстановить недостающие фрагменты информации. Но то, что я нашел, превосходило все возможные опасения.

Слово «моя» встречалось более двухсот раз. В словосочетании «моя королева» — 19. Число слов, однокоренных или связанных со словом «любовь», переваливало за триста. Соотношение частей речи намекало на то, что около половины всех сообщений, отправленных за последние два года, вообще были виртуальным сексом. Сделать вывод теперь не составляло никакого труда.

Мишель застала меня в состоянии глубокого шока, хотя сама уже значительно успокоилась. Дверь открыл Дилос. Она появилась в дверном проеме и молча застыла на пороге, прожигая меня взглядом. Сначала в ее покрасневших глазах читались тоска и пассивная злость, но они быстро уступили место неуверенности, передающейся от меня.

— Ты ничего не хочешь объяснить? — язвительно спросила Мишель.

— Я... сам ничего не понимаю. То есть, не помню.

— Это невозможно, — начала было Мишель, но остановилась и задумалась, склонив голову.

— О чем ты? — неуверенно спросил я.

Мишель не ответила, но через несколько секунд сказала:

— Рассказывай все, что помнишь обо мне. Без фокусов.

Мне удалось вспомнить лишь, что она родилась во Франции, приехала в Турин, где мы и познакомились, а сейчас жила в Милане. Я регулярно навещался сюда и хорошо знал город... Но не знал, зачем. По крайней мере, на момент пробуждения — сейчас это стало понятнее. Слушая мой недолгий рассказ, девушка мрачнела на глазах. Я уже начал опасаться второй истерики.

— Этого. Не. Может. Быть. — дрожащим голосом проговорила она, — Я знаю, как работает память. Ее невозможно повредить *так*.

Я уже понял, что она имела в виду. Любовь меняет мозг целиком; никаким единичным повреждением ее не удалить — по крайней мере, сразу.

Мишель подняла на меня глаза и продолжила:

— Либо ты лжешь мне... Либо я не знаю, что за чертовщина тут вообще происходит.

— Могу сказать тебе то же самое.

Девушка села и обхватила голову руками.

— Если происходит что-то очевидно невозможное, — начала она, — то я либо сплю — она безуспешно ущипнула себя за ушко, — либо не так что-то понимаю. И тогда единственное объяснение состоит в том, что... — она снова подняла на меня глаза, на этот раз с подозрением сощуренные, — что ты не Стив.

***

Мы расстались расстроенные и рассерженные. Она не нашла способов подтверждения моей личности, а я так и остался при своих вопросах. К тому же, гипотеза «самозванца» оказалась для Мишель наиболее психологически комфортной (а для меня — как раз наоборот). Однако, если быть честным с самим собой — могу ли я утверждать, что она права? В принципе да, но за счет единственного аргумента — отсутствия у людей технологии перезаписи памяти. Который лишь мешает распутывать этот клубок дальше.

Ладно, предположим, что технология все-таки существует. Тогда есть две возможных гипотезы. Первая — я настоящий Стив, которому случайным на первый взгляд образом затерли куски памяти. Можно еще предположить, что удалить хотели что-то конкретное, но в итоге из-за сырости технологии повредили все. Вероятно, меня надо было убрать как свидетеля... чего-то. Но почему не сделать это традиционным способом?

Вторая гипотеза, еще более сумасшедшая — это «самозванец». Она предполагает, что кто-то целенаправленно создал полную копию тела Стива, или, что еще хуже, использовал оригинал с

другим мозгом; записал в память нового мозга — то есть, меня — его воспоминания с какой-то погрешностью... Нет, это полнейший бред. Даже будь это технически выполнимо. Невероятность обеих гипотез сама по себе превышает невероятность наблюдения, которое заставило нас их сконструировать.

Не имея пока возможности активно действовать, я начал с проверки по гуглу всех фактов, которые помнил. Долгие поиски не выявили никаких несоответствий; более того, я мог найти подтверждение почти каждому воспоминанию. Я далеко не сразу понял, что это означает: я не помнил ни одного события, которому был бы единственным свидетелем. И это очень, очень подозрительно.

Если серьезно, то все мои гипотезы теперь выглядят кошмарно: включают предположение заговора и не удовлетворяют принципу заурядности. Все они сводятся к тому, что какие-то высшие силы вплетают меня в свои туманные планы. В приличном обществе такое предположение отменили бы с порога. Но какие у меня альтернативы?

Есть ли основания предполагать связь между атакой на конвой и вторжением в мою память? Осуществившие первое хотели меня убить; второе — нет. Но если связи нет, то ко всем, кто уже находится под подозрением — будем называть их фракцией А — добавляется еще менее доброжелательная и еще менее определенная фракция Б, и мое положение ухудшается как минимум вдвое. К тому же, пропорционально возрастает масштаб происходящего. Если я действительно оказался в центре такой истории, действовать надо с большой осторожностью.

Все это по-прежнему выглядит как бредовый сон. Кстати, насчет сна — уже третий час ночи. Не пора ли...

***

Следующее утро, как и следующее за ним, и за ним тоже, уже не принесло ничего принципиально нового. Доступные источники информации были исчерпаны. Все, что мне оставалось — лежать и читать интернет в надежде случайно наткнуться хоть на что-то полезное.

«Успешно развернуты первые рефлекторы Международного космического щита. При текущем финансировании ожидается введение щита в эксплуатацию в 2090...»

«Huawei Arch 13 обещает перевернуть ваши представления о биосовместимости...»

«Парижа больше не существует.

Бывшая столица Франции затоплена более чем на 80%. Значительная часть разрушений последних лет обусловлена обрушением глубинных пещер, которое не было учтено в первоначальных расчетах. В то же время нарастающие проблемы с логистикой поднимают стоимость восстановления пригодных для жизни районов до неприемлемой высоты. Высока вероятность, что город будет заброшен навсегда».

Я не раз видел, как старшие начинали плакать, просматривая новости. Их можно понять: они родились в совсем другом мире, но слишком поздно, чтобы его спасти. Всю жизнь они беспомощно

наблюдали, как исчезает то, что казалось им незыблемым: леса, реки, озера, льды, рифы, города... И пытались выжить в сложившихся обстоятельствах. Но страшнее всего была несправедливость. Сама идея ответственности детей за преступления своих родителей отвратительна, а уж в таком масштабе... Но научились ли мы чему-нибудь на их ошибках? Ведь сегодня мы точно так же беспокоимся лишь о собственном выживании, а будущее... Но мне-то легко вести эти рассуждения в новейшем здании с климат-контролем, а каково тем, за чье выживание действительно стоит беспокоиться?

Нельзя сказать, что я сидел совсем без дела. Много времени отнимали тренировки и настройка новой нервной системы, приближавшие меня к освобождению, а еще больше — поиск в ней бекдоров. Мишель боролась с собой, чтобы не зарыдать снова, и диалог с ней не задавался. Жерар весело рассказывал мне о работе, но беспомощно пожимал плечами, если разговор наталкивался на мою проблему. Винсент наведывался еще пару раз, но быстро исчерпывал темы для обсуждения и уходил. Дилос, как и подобает андроиду, увивал от любого диалога. В действительности он мог говорить почти на человеческом уровне, но, в некотором смысле, не хотел. Таковы были ограничения, наложенные на робототехнику международными соглашениями: андроиды не должны становиться слишком антропоморфными.

В 30х годах был период, когда в продаже появились роботы, внешне вообще неотличимые от людей. Ничего хорошего из этого не вышло. Дело даже не в юридической путанице: куда большей проблемой оказалось наше бессознательное восприятие, для которого знание реальной природы роботов ничего не значит. Наша эмпатия автоматически распространилась на андроидов, многие стали предпочитать их обществу человеческому. Дошло до того, что люди по-настоящему влюблялись в роботов.

Теперь для андроидов запрещены покрытия, имитирующие кожу, человекоподобные лица и глаза, моделирование эмоций, а их реальные речевые способности разблокируются только в чрезвычайных обстоятельствах. Отказываться от общей формы тела не стали, чтобы не терять совместимости с инфраструктурой, построенной для людей. Давать роботам имена не рекомендуется, но без этого обращаться к ним становится слишком сложно.

Впрочем, эффективность этих мер под вопросом. Если человек сам того захотел, он сможет очеловечить и пылесос... Ну, или «расчеловечить» своих врагов — смотря чего требует ситуация.

Новый позвоночник нравился мне все больше. С ним руки и ноги получили некоторую самостоятельность, открывая невероятные возможности в координации движений. Особенно с прошивкой военного образца. Детская радость от новой игрушки слегка приглушила экзистенциальные проблемы...

Пока не пришло неожиданное сообщение от Мишель.

«Я нашла историю запросов МЦНФ на донорские органы. Несколько месяцев им было нужно цельное тело в максимальной сохранности, предпочтительно киборг. 8 октября запрос был удовлетворен. А через несколько часов был открыт абсолютно аналогичный.»

*При этом в базе действующих граждан ЕС ты до сих пор есть.
Мне страшно»*

Можно подумать, мне не страшно. 8 октября — очевидно, день моей аварии. Несколько месяцев. Вероятность совпадения чертовски низка. Кажется, гипотеза самозванца обросла достаточным количеством доказательств, чтобы встать на первое место, сколь бы сильное отторжение она у меня не вызывала.

Остался еще один оптимистичный сценарий: запрос закрыли по ошибке, потому и создали копию позже.

С одной стороны, чтобы тело Стива могли передать МЦНФ, его смерть должна была быть зарегистрирована. И в таком случае он (или все-таки я?) не числился бы живым жителем Евросоюза. Да и ВВС никакого уведомления о его (моей?) смерти, очевидно, не получали. Но *кто* должен был ее зарегистрировать? Сами врачи. Вероятнее всего, они снова нарушили закон: зафиксировали событие лишь в своей внутренней системе, но не передали данные наверх. Мутная ситуация.

Еще одна сумасшедшая гипотеза: Стива (в таком случае, меня) могли как-то воскресить. Такой вариант мог бы дать моей истории хеппи-энд в недалекой перспективе, но интуитивно я уже чувствовал, что он нереален. Равно как и случайная ошибка.

Ясность мышления мне с большим трудом удавалось сохранять, но зубы уже стучали. Дрожь в остальном теле подавлял позвоночник. Нельзя, чтобы мой страх заметили врачи, и уж тем более группа НИИ. Надо валить отсюда, а разбираться потом. Хотя, «отсюда» — неподходящее слово. Врачи и так хотят от меня избавиться, что и сделают не сегодня-завтра. Бежать надо от Винсента.

Естественно, эта идея мне не нравилась — по многим причинам. Но чем больше я взвешивал «за» и «против», тем меньше сомневался.

Помнится, в университете одной из наших курсовых работ было создание ИИ без использования нейросетей. Во всех реализациях, сколь бы они ни отличались в деталях, была важная общая черта. Первое ветвление в модуле принятия решений осуществлялось по принципу максимизации свободы. То есть: при прочих равных выбранное действие должно оставлять как можно более широкий выбор решений на следующем шаге. Одного этого условия уже хватало, чтобы наши программы обыгрывали нас самих в шахматы, а при хорошей реализации других модулей они становились едва ли не разумными. Жаль, что в итоге программирование стало для меня лишь хобби — я пропустил много интересных разработок последних лет.

Действительно ли это мои воспоминания — сейчас вопрос вторичный. Принцип максимизации свободы верен объективно. И сейчас он однозначно говорит мне: беги. Просто потому, что, оставшись, я ничем не смогу управлять. Это будет свободным падением в неизвестность.

Но что, если именно этого он от меня и ждет: потому и приставил робота? Такой вариант стоило проработать. Допустим, избавиться от Дилоса несложно. Как еще за мной можно следить? Через мои же части тела. В них я копался сутки напролет: поубивал все подозрительные компоненты прошивки

и настроил фаервол так, чтобы любая передача данных по сети требовала моего подтверждения. Стоило бы еще физически отключить GPS, но это слишком сильно замедлит мое передвижение, да и вряд ли поможет: есть масса других способов отслеживать людей...

А если им не нужно меня преследовать? Если мой план — часть их плана? Если подозрительные сервисы в прошивке позвоночника и андроид-надзиратель — лишь красные тряпки, призванные действовать мне на нервы и заставлять делать глупости? Хоть это и напоминает паранойю, в моей ситуации и такой сценарий нельзя исключать.

...Насколько же глубока эта кроличья нора?

***

До моего выхода из больницы ситуация так и не сдвинулась с мертвой точки. Мне запомнилось лишь одно событие из этого периода.

Я уже мог свободно передвигаться по зданию и выходить во внутренний двор. Собираясь сделать именно это, я спускался со своего этажа в вестибюль — по лестнице, чтобы не упускать шансов наработать рефлексы. Выходя из-за угла последнего пролета, я окинул взглядом помещение первого этажа и замер в нерешительности.

Перед стойкой ресепшена, расположенной у противоположной входу стены, стоял Непобедимый, увлеченно спорящий о чем-то с администратором. Само его присутствие уже натягивало нервы окружающих, а тут он еще и добивался чего-то. Администратора, непроизвольно вжавшегося в кресло, можно было только пожалеть.

Я знал, что после войны многие Непобедимые постарались сбежать подальше от своего прошлого, но никогда не видел их своими глазами. Отличить их от обычных китайцев позволяли высокий рост, лысая голова и необычная форма конечностей с торчащими наружу гидравлическими усилителями. Кроме того, все они имели примерно одинаковые лица, которые быстро распознавались экзокортексом.

Наконец, подозрительный гость попрощался с администратором и развернулся, чтобы выйти из здания. В процессе наши взгляды на долю секунды встретились, и мне показалось, что в вестибюле стало слегка холоднее.

chapter[2] = "In flagrante delicto"

— Дилос, сходи, забери оставшуюся одежду и еду.

Робот кивнул и вышел. У меня было достаточно времени, чтобы исчезнуть. Благо, дополнительная одежда мне не нужна: «умный» комбинезон и так годится для чего угодно. Главное — найти, где его изредка стирать...

Я в последний раз обежал глазами комнату, в которой мог бы провести ближайшие месяцы после выписки; подхватил тяжелый, заранее подготовленный рюкзак и подошел к окну. Открыл его, полной грудью вдохнул влажный холодный воздух с легким привкусом мертвой листвы, падающей откуда-то сверху, и вылез наружу. Я специально выбрал блок, окна которого выходили на безлюдный переулок. В ответ на специальное движение узкие крышки на предплечьях щелкнули и раскрылись, вытягивая за собой куски парашютного шелка. В разложенном виде конструкция сильно напоминала перевернутое крыло, лишь непропорционально маленькое. Это были всего лишь воздушные рули. Однако...

«Однажды здесь будут настоящие крылья» — прочитал я слегка выгоревшую надпись на внутренней поверхности левого руля. Не помню, чтобы я это писал. Впрочем, из общей картины это никак не выбивается.

Я наконец встал на подоконник и шагнул на улицу с пятого этажа.

Равновесие при ударе я все-таки потерял, неуклюже приземлившись на все четыре конечности. Недавняя операция давала о себе знать. Бегло осмотрев кисти, я не заметил повреждений, сложил обратно рули, и, приняв самое невинное выражение лица, направился к своей первой цели.

На улице роботов было больше, чем людей. Не из-за многочисленности первых, а, скорее, из-за редкости последних. Даже в центре города, защищенного от любых невзгод лучше крепости, мир за стенами домов не вызывал ни у кого доверия.

Сегодня погода мне благоволила: температура чуть выше нуля, мягкое солнце и никаких аномалий. Можно еще многое успеть — даже больше, чем я запланировал.

Первой моей остановкой был склад индивидуального хранения. За небольшие деньги здесь можно оставить свои вещи или транспорт. Если потребуется — на годы. Особенно часто такими услугами пользуются люди без определенного места жительства (как любопытно изменение тона этого словосочетания: раньше так называли бедных, не имеющих денег на жилье; сегодня же оно обозначает людей настолько успешных, что привязка к одному месту мешает им строить карьеру). Жерар переслал сюда мое служебное оружие, подобранное на месте аварии. Это не слишком законно, но мне уже наплевать.

Помещение приема и возврата предметов можно было описать как стойку регистрации аэропорта,

втиснутую в объем уличной французской булочной. Работали здесь, само собой, автоматы. Я подошел к первому попавшемуся терминалу, вбил в него переданные Жераром коды и встал в ожидании, провоя взглядом ящики на общей ленте транспортера. Наконец автомат передвинул один из этих ящиков на короткую ленту «ввода-вывода», по которой тот сразу направился ко мне.

В большом ящике оказался маленький ящик. Точнее, сейф. Как только я достал его и шагнул назад, контейнер отправился обратно, а на терминале отобразилось какая-то стандартная благодарность. Жерар уже оплатил все, и сказал, чтобы я даже не пытался рассчитываться.

Выйдя обратно на улицу, я огляделся и сравнил обстановку с панорамной фотографией, которую незаметно сделал на входе, проверяя, не ждал ли меня кто-нибудь. Ничего подозрительного. Прохожие все так же спешили по своим делам. Люди спешили, потому что не хотели задерживаться в пути, а роботы — потому что прогулочный шаг для них энергетически неэффективен.

Вернувшись в переулки, я нашел место достаточно уединенное, чтобы открыть сейф. Внутри было то, что и должно быть: силовой нож и «Хеликс». К сожалению или к счастью, оба не считались за серьезное оружие. Хеликс, компактный пистолет системы Гаусса, стреляет флешеттами, которыми очень сложно кого-то убить. А нож — он и есть нож: приспособление скорее бытовое, нежели боевое. Даже если он режет железо, словно масло.

Лезвия силовых ножей сделаны из гиперстойкого металл-органического сплава, а на режущую кромку нанесены микроскопические зазубрины. При включении они начинают мелко вибрировать на большой частоте, превращаясь в пилу, с легкостью рвущую металл. Острый конец при этом становится мощным перфоратором.

Будем надеяться, мне не придется использовать сильные стороны этих предметов — выглядят они достаточно устрашающе, чтобы просто отпугивать возможных противников. В иной ситуации я бы так и оставил их на складе, но сейчас они действительно могли потребоваться.

Еще по дороге я купил легкую куртку, чтобы спрятать некрасивую лысину на затылке под капюшоном и просто ощущать себя чуть защищеннее. Теперь следовало убраться подальше. Достаточно далеко, чтобы оказаться вне досягаемости Винсента, но и не слишком: начальство поставило мне условие не выезжать из Милана. Просто спрятаться тоже не вариант: тогда я ничего не смогу узнать.

Перспективы моего расследования в любом случае не впечатляли. Разобраться в делах «фракции А», активно избегая контакта с ней, крайне сложно. На «фракцию Б» нет даже зацепок.

Кое-какой план у меня, тем не менее, был. Наивный, рискованный, детский, готовый обвалиться на любом повороте, но по сути простой: украсть информацию, которую от меня скрывают.

Но всему свое время. Начать следовало с поиска жилья. Условия были такими: как можно дальше от центра, но в нормальном, современном здании — надо признать, что я слишком привык к высокотехнологичному быту. Постоянного дома у меня на тот момент не было: оно и к лучшему, это усложнит отслеживание моих передвижений.

Дом, в котором я поселился, внешне напоминал шоколадный батончик с торчащими из него орехами — модульными квартирами, призванными сильно удешевить строительство здания, ремонт и переезды жильцов. Конечно, на практике это привело к появлению сотен конфликтующих стандартов для модулей... Я не особенно интересовался этими вопросами, поскольку предпочитал снимать квартиру, а не таскать ее за собой по всей Европе. Прикинув все за и против, я выбрал однокомнатный модуль на задворках белой зоны города.

К тому времени, когда все организационные вопросы уладились, было уже далеко за полночь. После целого дня непрерывных оглядок через плечо у меня едва хватило сил доползти до кровати.

***

— Странно, я готов поклясться, что уже видел этот камень. Только в прошлый раз он был слева, — задумчиво пробормотал я, уставившись на плоскую скалу длиной около трех метров. Казалось, что раньше она торчала здесь, на гребне горы, вертикально вверх, но кто-то повалил ее набок, чтобы проложить по самому гребню узкую тропинку, по которой я сейчас шел. Склоны горы, очень крутые и частично покрытые снегом, просматривались вниз лишь метров на двадцать из-за густого тумана — парадоксально белого и темного одновременно.

— Очень может быть, — совершенно безэмоционально ответил мне парень, назвавшийся Оскаром, в черном пиджаке, еще более черном блестящем цилиндре и с невероятно привлекательными короткими усами, идущий параллельно мне прямо по воздуху. Ширины тропинки не хватило бы на двоих.

— И ты тогда шел справа, — добавил я, — когда успел туда перейти? Я же все время тебя видел!

— Я нигде не переходил. Вопрос исключительно к геометрии местного пространства, — все так же отрешенно ответил Оскар.

— И твой способ передвижения — тоже?

— И да, и нет. Вопрос не совсем корректен.

Я пожал плечами и пошел дальше. Мой спутник не отставал ни на сантиметр, но скорость, с которой он переставлял ноги, немного не согласовывалась со скоростью движения. Как будто он шел по невидимой ленте, ползущей вперед.

— Меня вот заинтересовал такой вопрос, — сказал Оскар после недолгого молчания, — Как думаешь, тиктаалики, или кто там был первым позвоночным, вышедшим на сушу... Кто едва-едва научился ходить. Так вот, *хотели* ли они ходить? Или делали это только из крайней необходимости? Могли ли они чувствовать, что, выбираясь на сушу, становятся чем-то большим?

— Я вообще не врубаюсь, что ты несешь.

Оскар обреченно вздохнул, но все же соизволил пояснить свою идею:

— Я к тому, что очень странно выглядит у людей эта тяга к полетам. Они все мечтают летать — кто-то открыто, кто-то в глубине души. Многие ради этого рискуют жизнью. То есть очевидно, что это инстинкт. Но зачем он может быть нужен?

— А, то есть ты намекаешь, что у него может быть эволюционное предназначение?

— Я не утверждаю, что понятие «эволюционное предназначение» вообще имеет смысл, но... Честно говоря, затрудняюсь предложить иное объяснение. Знаешь, Карл Саган однажды сказал интересную вещь. Якобы его коллега изучал какой-то изолированный аборигенный народ в Новой Гвинее. Этот народ практически ничего не знал о западной цивилизации. И одной из немногих вещей, о которых они все-таки знали, была миссия «Аполлон-11». Причем с точностью до имен астронавтов. Теперь уже сложно проверить, правда ли это. Если да, то это очень интересно. Даже поразительно. Или вот еще. Товарищ Туполев как-то сказал: «Некрасивый самолет не полетит». Учитывая, как это высказывание разлетелось по миру, хотя бы доля истины в нем есть. И достаточно очевидно, что законы аэродинамики первичны по отношению к человеческому вкусу. Так зачем людям врожденная способность определять, что может летать?

— А это имеет какое-то отношение к тому, где мне искать выход?

— Да, — неожиданно для меня подтвердил Оскар.

— И какое же? — поинтересовался я.

— Сложность задачи не всегда состоит в поиске решения. Зачастую сложнее всего понять, что решение уже перед тобой.

— Ты можешь ответить прямо хоть на какой-то вопрос? — раздраженно спросил я.

— На какой-то — возможно. Но точно не на тот, который тебя интересует.

— Почему?

— Вот как тебе кажется, этот цилиндр круглый? — еще раз нагло сменил тему Оскар, сняв свою шляпу и протянув ее мне.

— Похоже на то.

— А вот ничего подобного. Он 256-угольный. Знаешь, почему?

— Понятия не имею, — буркнул я, переведя взгляд себе под ноги.

— Потому что это всего лишь модель. Нет никаких причин тратить на ее отрисовку больше ресурсов, если разницы никто не заметит. Я мог бы быть и просто кубом, если бы у тебя не возникало затруднений при обсуждении с кубом палеонтологической философии.

— Кто...

— А вот твоя голова, — продолжал Оскар, указывая на меня рукой, — она действительно круглая. Жаль, сейчас измерить ее будет проблематично. Так что просто поверь на слово.

— Если ты думаешь, что я хоть что-то из этого понял... Да черт же тебя дери!

Оскар снова непонятным образом оказался справа от меня. И теперь я был абсолютно уверен, что скала, выступающая из тумана впереди — та же самая, что уже встречалась мне на пути дважды. Точнее, она была зеркальным отражением предыдущей, и торчала слева.

Я подошел поближе и осмотрел скалу, утвердившись в своем заключении. Затем сел на землю, обхватил голову руками и некоторое время сидел, погружившись в размышления. А затем скалы, аборигены и тиктаалики неожиданно встали на свои места.

Я вскочил и развернулся к Оскару, собираясь спросить у него, верно ли я все понял. Но это оказалось излишним. Парень в цилиндре уже растворялся в воздухе, снисходительно улыбаясь мне. Через пару секунд он исчез. Ну и черт с ним.

Я еще раз осмотрел злосчастный камень и провел рукой по его подозрительно сухой поверхности. Глубоко вдохнул. И, наконец, побежал — вверх по скале, стараясь набрать как можно большую скорость, пока это возможно. С силой оттолкнувшись от вершины, я нырнул в непроглядный туман, интуитивно ощущая, что никакой горы внизу уже нет, да и низа-то, как такового, тоже нет...

Непроизвольно дернув ногой в поисках опоры, я ударился об стену, и от этого проснулся.

***

И вновь я остался один на один с вопросом — «Что дальше?». Нырять еще глубже в водоворот событий было страшно, но сидеть на месте — безумно. И уже через несколько часов залипания в потолок необходимость действовать победила.

— Почему я должен быть уверен, что пропуск рабочий?

[Прикрепленная видеозапись]

— Ясно. А что с биометрической пропускной системой?

— Ее приоритет ниже. Пропуска достаточно, чтобы попасть внутрь. С охраной придется разбираться отдельно.

— По рукам. Оплата какая?

— При получении.

Конечно, я не был настолько глуп, чтобы полагать, будто сделка с неизвестными личностями на окраине города, да еще и в восемь вечера — хорошая затея. Пусть даже у них был неплохой рейтинг, пусть даже я мог постоять за себя. Я со всей серьезностью посчитал степень риска, и она выглядела допустимой. Теперь вопрос лишь в том, насколько достоверные данные я взял для расчета...

Местом встречи было здание старого города, торчащее посреди затененного и плохо спроектированного квартала, оплетенное бесчисленными переулками по полтора метра шириной. Взглянув на него, я проглотил комок в горле, но все же шагнул навстречу.

На двери, которая меня интересовала, висел небольшой терминал с выведенным на дисплей предложением ввести ID заказчика. Приняв ответ, он вывел еще один уровень проверки:

«Будущее — это не то, что дано нам, ...»

Я невольно хихикнул. Они и вправду используют это как пароль. Как мило.

«это то, что мы должны взять сами» — напечатал я. Приглашение терминала сменилось надписью «пожалуйста, подождите». И почти сразу я услышал справа от себя невероятно тихие шаги — только благодаря тому, что заблаговременно выкрутил чуткость слуха до опасного уровня. Источником звука оказалась подозрительная темная фигура в дальнем конце коридора, неразличимая для обычного глаза. Вначале я думал изобразить полное безразличие, не наводить подозрения... Но эта идея рассеялась сразу же, как мы с подозрительной фигурой встретились взглядами, и она резко рванула в мою сторону.

План бегства уже был готов и висел у меня перед глазами. Я заранее выяснил, что из этого коридора два выхода. Один, который мне преградили — нормальный, а другой — через балкон, непосредственно на улицу с четвертого этажа, в один из этих узких переулков. Впрочем, это и хорошо: погнаться за мной будет крайне затруднительно.

Рывок, прыжок на стену для быстрого поворота, еще рывок — и выход уже передо мной. Преследователь, впрочем, не отставал, а то и догонял меня — из чего я мог сделать вывод, что он тоже киборг. Все равно — амортизаторы, способные вынести такую нагрузку в сочетании с воздушной стабилизацией найдутся у единиц. Главное — выбраться из здания...

Стараясь не терять скорости, я подпрыгнул и кувырнулся через парапет, уже в полете натягивая капюшон. Амортизаторы тоскливо скрипнули... дважды. Это меня насторожило, поскольку могло сигнализировать о неисправности в ногах. Но нет, подняться в вертикальное положение мне ничего не помешало. Значит, источник звука должен быть снаружи...

Я поднял глаза и неподвижно застыл, холодея всем телом — даже теми его частями, которые не ощущали температуры. Нет, это не ошибка в моих расчетах. Это перебор какого-то астрономического уровня.

Метрах в десяти впереди меня стоял Непобедимый. В его руке поблескивал силовой меч, свободно опущенный и почти касающийся земли. И он пристально рассматривал меня.

Силловые клинки были изначально разработаны именно для Непобедимых. Технология так и не была раскрыта полностью: китайцы опубликовали вариант с другим сплавом, прочности которого хватало лишь на ножи. Полноценные силловые мечи, с легкостью рассекающие танки и баллистические ракеты, так и остались полулегендой.

Но использование меча предполагает соответствующую тактику, конкретно — быстрое сближение с противником, прежде, чем он успеет воспользоваться собственным оружием. Вместо этого он *стоит на месте*. Тогда в чем вообще логика его поведения? Он намеренно принуждает меня к схватке? Зачем? Это точно происходит на самом деле?

Я непроизвольно попятился, и в ответ противник поднял меч в боевое положение, явно показывая, что намерен драться. И он по-прежнему не спешил сокращать расстояние.

Мне оставалось лишь одно: выхватить пистолет. Я уже знал, что ничего хорошего из этого не выйдет: при минимальном уровне владения оружием стрелять я мог только благодаря цифровой системе наведения, а запасные магазины лежали далеко в рюкзаке. Но соперник явно давал понять, что белый флаг не предусмотрен.

Еще несколько секунд мы оба сверлили друг друга взглядами с оружием наизготовку. А затем китаец сделал первый шаг в мою сторону, вынуждая меня нажать на курок. Я ожидал, что у Непобедимого будет какая-то хитроумная защита от пуль, но чтобы до *такой* степени...

Меч повернулся в его руках настолько быстро, что создал небольшую ударную волну. Сразу за ней раздался резкий удар металла о металл. Он отбил пулю! Оружие у него, конечно, легендарное, но ему что, вообще законы физики не писаны?

В панике я с силой зажал курок, и Хеликс перешел в автоматический режим. Непобедимый продолжал размеренно наступать, неся перед собой сверкающее облако металла, шумно распыляющее пули во всех направлениях, кроме исходного. Пули, которых у меня оставалось все меньше.

Я был слишком сильно поражен, чтобы рассуждать, и просто отступал назад. Когда пистолет опустел, я в отчаянии отбросил его и принялся нащупывать нож. «План закончился» — проскочила мысль в голове, — «В следующий раз надо повысить уровень паранойи порядка на два».

В свою очередь, противник тоже остановился и опустил оружие. Ножны, в ходе боя висевшие у него на спине, услужливо переползли на пояс, позволив Непобедимому убрать меч и достать его собственный нож. Сделав это, он продолжил наступление.

Теперь враг был совсем рядом. Еще три-четыре шага, и он сможет нанести первый удар. Бежать некуда: со всех остальных сторон меня окружают стены — древние, кирпичные и беспристрастные. Я чувствовал, как мои руки и ноги двигаются все тяжелее, а сердце бьется... медленнее???

Сначала это выглядело так, будто меня парализует страх; но потом я заметил, что движения врага также замедлились. Вообще все вокруг каким-то образом замедлилось. Я уже физически не мог

верить в реальность происходящего. Каждый раз, когда кажется, что ресурс удивления исчерпан, Вселенная демонстрирует, что способна на большее.

Непобедимый нанес первый удар. Я сформировал неуклюжий блок, который едва не разбился под давлением мощной руки противника. Тот даже удивился и слегка отпрянул. Но через несколько мгновений удары посыпались снова. Для стороннего наблюдателя наша схватка представлялась бы набором стоп-кадров, на каждом из которых мы стояли в новом положении, скрестив клинки. Переходы между кадрами были неувлимо быстры.

Скорость Непобедимого не была неожиданностью: он использовал улучшенные нейромедиаторы, многократно повышающие человеческую скорость реакции. Полный список генетических модификаций Непобедимых засекречен даже от них самих, но, чтобы ужаснуться, достаточно и общеизвестных. Нейромедиаторы, толерантность к имплантам, отрегулированные гормоны, повышенная устойчивость ко всему, вплоть до радиации... Конечно, это означало, что все Непобедимые — клоны единственного «образца», которому удалось пережить столько изменений. Их врожденные возможности дополнялись революционной для своего времени техникой, заменяющей большую часть тела, и уровнем боевой подготовки, который я не могу даже представить. Что подобному существу могло понадобиться здесь, и уж тем более от меня?

Хоть как-то держать оборону я мог только за счет замедления времени, сознательно прослеживая и предсказывая каждое движение врага. Каждый его выпад вынуждал меня слегка сдвинуться назад, прижаться еще ближе к стене; а каждое мое движение на пределе мощности мышц на процент снижало заряд аккумуляторов. О контрнаступлении не могло идти и речи.

Наконец отступить стало некуда. И неожиданно Непобедимый приостановил натиск. Я не сразу понял, почему: он отводил руку назад для точечного удара острием ножа, который мне не отразить, при этом открывшись для быстрого выпада с моей стороны. Увы, я слишком поздно это понял, и успел лишь замахнуться. Этим противник и воспользовался. Со сверхзвуковой скоростью его клинок рассек воздух прямо перед моим лицом, вонзился мне в запястье, и, не останавливаясь, пригвоздил его к стене.левой рукой Непобедимый поймал выпавший из сломанной руки нож и поднял его в положение, позволяющее нанести быстрый и окончательный удар в шею. Несколько секунд мы стояли так, не шевелясь и даже не дыша. А затем противник... снисходительно ухмыльнулся и отступил.

— Да, все-таки ошибочка вышла, — были его первые слова, которые я услышал. Произнесенные не только без следа агрессии, но в безалаберно-жизнерадостном тоне, будто адресованные старому знакомому.

Я даже не пытался поднять упавшую челюсть. Пока я сползал по стене в полнейшем ступоре, а течение времени незаметно возвращалось в норму, Непобедимый убрал мой нож, вытащил свой, сходил за Хеликсом, вернулся и протянул мне все мои вещи. Я тупо уставился на него, моргая глазами по очереди.

— Ремонт за мой счет, не беспокойся, — все так же безмятежно заметил китаец, — Там же все равно

не было ничего важного?

Нервно дергаясь, я осел на землю и выдал многоэтажную матерную конструкцию, под конец запутавшись в собственном языке. Непобедимый покачал головой:

— Ну-ну, не все так плохо. Ты уже в безопасности. Я просто кое-что проверял. Ничего личного.

— Какой нахрен безопасности? Что за хрень вообще происходит?!

— Разумный вопрос, — заметил китаец, доставая из сумки на поясе пластиковую карту и протягивая ее мне. Это было удостоверение, очень похожее на наши карточки пилотов ВВС, служащие для подтверждения полномочий. Только наши были голубыми, а эта — серой. На ней я прочел:

«Чжао Мун, антитеррористическое подразделение, Милан»

Я поднес к карте уцелевшую ладонь, в которой, помимо прочего, располагался ридер. Спустя секунду эзотерик подтвердил ее действительность. Наконец с моих плеч свалился камень, лежавший там с момента, когда я впервые увидел Непобедимого. Он действительно не может мне угрожать. Конечно, это еще не означает, что ему можно доверять.

Антитеррористического подразделения я никогда раньше не видел. Подчиняется оно то ли армии, то ли полиции, непонятно где располагается и из кого составлено. Не то чтобы это было секретной информацией — просто вспоминать о «сером подразделении» было как-то... не принято. Теперь становится понятнее, почему.

И тут я осознал один интересный факт. Вот он — мой шанс раскопать правду. Для Непобедимого забраться в лабораторию и незаметно вытащить всю ценную информацию — тривиальная задача. Вот только как заставить его это сделать?

— Но это все равно нифига не объясняет, — тем временем заметил я вслух.

— Согласен, — ответил Чжао Мун, — я как раз думаю, что объяснит. А пока тебе, наверное, стоит наведаться в сервис.

Я наконец поднял правую руку, чтобы оценить повреждения. Кисть не двигалась ни по одной оси, замерев в неестественно скрюченном положении; от запястья вверх по предплечью тянулась неприятного вида трещина, а в самом запястье зияла сквозная дыра, с тыльной стороны которой торчали разноцветные обрывки шлейфов.

Кроме того, вся моя одежда оказалась насквозь мокрой, а тело — невероятно горячим. Особенно голова, с которой пот до сих пор стекал ручьями. Я никогда раньше не пытался выжать из механических мышц столько усилий, и поэтому не знал, насколько сильно они должны нагревать кровь. Но внутренние ощущения подсказывали мне, что как минимум часть тепла пришла не от них. Да и израсходовать 90% заряда аккумуляторов таким образом я бы не смог. Следовало проверить логи энергопотребления, как только выдастся возможность. Хотя гораздо больше меня беспокоил этот фокус со временем. Может, здесь есть связь? Но какая?

Я поднялся на ноги, забрал у Муна пистолет с ножом и снял капюшон, чтобы остыть. Взглянув на меня, Мун моргнул глазами по очереди, а затем хлопнул себя по лицу обеими руками. Я в недоумении ждал.

— Чувак, — проговорил китаец, отняв руки от лица, — я тебя искал все это долбаное время. Как это, черт побери, возможно?

— Только что ты сказал...

— Да нет, не как подозреваемого. Как участника аварии восьмого числа. Черт, тут слишком темно, твое лицо в капюшоне не распознавалось.

— Ну и зачем же я нужен?

— ВВС передали нашей службе параллельное расследование на следующий день после аварии. У них была целая куча гипотез, переваливающих всю вину на абстрактных террористов. Причем они сделали это слишком поздно, чтобы мы могли застать что-то на месте преступления, и раньше, чем разобрались в собственных хвостах. Ну и в итоге мы застряли. Я сразу же отправил своих людей опрашивать свидетелей, но ты был в коме. Я пытался организовать разговор позже, но меня элегантно повернули, утверждая, что никаких показаний у тебя нет и быть не может. Оно может и так, но...

— Ну да, их нет. Я все еще нужен?

— Ты потерпевший, свидетель, и, к тому же, специалист по авиации. Как думаешь, нужен ты мне или нет?

— Тебе не объяснили, что я примерно такой же свидетель, как любое дерево, над которым мы тогда пролетали?

— Объяснили. Но дело не в этом. Есть немного разные типы свидетельства. Ты можешь не знать, что именно произошло в данной ситуации, но ты знаешь, что ей предшествовало — хотя бы за какое-то время, и можешь неосознанно дать важные зацепки.

— Не могу. С чего ты взял?

— Потому что я уже лет пять этой дурью занимаюсь, и кое-что успел заметить. К тому же, разве ты сам не хочешь докопаться до развязки?

— Ну не буду же ради этого к тебе наниматься.

— А это и не требуется. Просто не увольняйся пока из ВВС. Необходимый уровень доступа у тебя есть, свободное время, полагаю, тоже?..

— Кончай предполагать тонкости моей личной жизни и предложи что-нибудь конкретное.

— Тогда ты сразу спросишь, что я предлагаю в качестве оплаты за твои услуги, — усмехнулся Мун.

— Еще бы.

— Ну, я понятия не имею, что тебе может быть нужно. Предложи сам. И кстати, ближайший сервис в 1617 метрах вон туда, — указал Мун.

— В серой зоне? — с недоверием уточнил я, но, сверившись с собственным навигатором, убедился в его словах.

Дело в том, что в серой зоне практически не живут киборги. Здесь на нас лишь смотрят косо, а в черной могут и стрелять без предупреждения. Слишком уж отличается культура в разных частях города. А найденное навигатором учреждение — не просто сервисный центр, а средних размеров клиника. Интересно, что она здесь делает?

И выходило, что идти туда я должен вместе с Муном. Чтобы стряхнуть с него возмещение ущерба, надо прежде оценить его, а для этого нужен инженер сервисного центра. Внутренне мне хотелось отвязаться от нового знакомого — даже невзирая на его предложение. Но это означало бы, что я на неопределенное время останусь с одной рабочей рукой, потому что баснословно дорогой ремонт не покрывается ни государственным медстрахованием, ни, по очевидным причинам, гарантией производителя. Выбора нет.

Я пожал плечами, запихнул все, что держал, в рюкзак, неуклюже закинул его на одно плечо и последовал за Муном. Мы молчаливо договорились идти пешком.

— Ты так и не объяснил, что вообще сейчас произошло, — напомнил я.

— Да-да, — закивал китаец, — Просто так вышло... Ты попался в ловушку, приготовленную для другого человека. Я, к сожалению, не могу раскрывать детали этого дела.

— Вот потому вас никто и не любит, — ухмыльнулся я, — Секретность и юрисдикция необъятные, а толку — шиш.

— Иди и сделай лучше, — предложил Мун, — Нет, а серьезно. Мне бы пригодился человек с такими навыками.

Я не сразу понял, о каких навыках он говорил. Конечно, о замедлении времени. Черт, что я буду отвечать, если он спросит, как я это сделал? Я тряхнул головой и ответил:

— Ну уж нет. Я и из ВВС уже собирался уходить.

— Логично. Кому сейчас нужна армия? А вот внутренние угрозы — совсем другое дело.

— Какие конкретно угрозы?

— Во! И ты еще говоришь, что мы плохо работаем! — засмеялся Мун.

Атмосфера разговора постепенно становилась теплее. Непобедимый определенно нагревал ее со своей стороны. Как будто я и вправду был ему нужен. Что ж, может, оно и к лучшему.

— А что за фокус ты провернул с мечом? И вообще, почему меч, а не нормальное оружие?

— Если ты понимаешь школьный курс физики, могу объяснить.

— Я вообще-то инженер.

— Окей. Твой Хеликс — это койлган. Пули у него намагниченные, то есть их можно тормозить противоположно направленным магнитным полем. Так вот, в лезвии этого меча довольно мощный электромагнит. Когда пуля приближается, в нем появляется индукционный ток, который подхватывается усилителем и в итоге замедляет пулю раз в двадцать. После чего сенсорная система наведения довольно легко ее отбивает.

— А если бы у меня был огнестрел?

— У него начальная скорость меньше. При определенных навыках тоже отбивается. В конце концов, я мог просто меньше церемониться.

— Да, я думаю, последний вариант был бы гуманнее.

— Ну, еще меч полезен для запугивания. Практика показывает, что люди немного более сговорчивы с мечом у горла, нежели чем с пистолетом у виска.

— Ну ты и... специалист, — пробормотал я.

В похожем ключе разговор продолжался всю оставшуюся дорогу. Оправдания Муна, конечно, звучали странно, но со здравым смыслом согласовывались.

Мне с самого начала хотелось спросить, что здесь вообще делает Непобедимый, но прозвучало бы это крайне нетактично. Биографии этих ребят, все как одна — готовые сценарии для психологических триллеров, если не для хорроров. Каждый пятый уже покончил с собой. А те, кто остался, заслуживают уважения хотя бы за это.

Клиника, расположенная в низком по городским меркам здании, продолжала меня беспокоить. Впрочем, человек, наткнувшийся на нее случайно, ничему бы не удивился. Проблема была не в самом заведении, а в череде «совпадений», которые меня к нему привели. Еще одной долбаной чередой долбанных «совпадений». Как же они меня достали.

Входная дверь автоматически отворилась перед Муном, идущим на шаг впереди. Андроид за стойкой ресепшена проговорил одно из стандартных приветствий. Непобедимый, однако, проигнорировал его, сразу свернув в коридор справа, к лифтам.

— Это на девятом этаже, — сказал он. Мои подозрения начали стремительно затвердевать: Мун явно спланировал все заранее, и даже не скрывал этого. Но конкретных причин давать задний ход пока не было. Посмотрим, что будет дальше.

По какой-то причине на панели управления лифтом этажи с нулевого⁴ по девятнадцатый были окрашены в зеленый, а все остальные до двадцать пятого — в красный.

Двери лифта сразу выходили в еще один небольшой вестибюль со своим ресепшеном, за которым на этот раз сидел человек.

— О, приветствую... постоянного клиента, — сказал он, причем вторую часть фразы добавил после того, как заметил меня, несмотря на то, что относилась она к Муну, — Что это у вас случилось?

— Очень неудачное совпадение, — невесело ответил Мун, — Это я виноват. Надо бы вернуть, как было.

Я тем временем подошел к стойке администратора и просканировал закрепленную на ней карту подтверждения медицинской лицензии. Так, на всякий случай.

Подошедший спустя несколько секунд инженер быстро осмотрел мою руку и спросил:

— А файлы модели есть?

— Есть, — ответил я, зарываясь в глубины своего облачного архива, — секундочку.

— Предплечье вроде бы не пострадало, так что менять надо лишь кисть и кусок корпуса. Хотя точно я сказать не могу, пока не разберу ее.

Инженер дождался передачи файла, параллельно открутив поврежденную руку от плечевого гнезда, и скрылся вместе с ней в глубине служебных помещений. Нам с Муну не оставалось ничего, кроме как разместиться на диванах в вестибюле: я должен был дожждаться руки, а он — выставления счета.

— Сам собирал модель? — спросил он.

— Руки-то? Только внес несколько поправок в стандартную комплектацию, — беспечно ответил я.

— А кто ты, говоришь, по образованию?

— Авиаконструктор.

— Это действительно помогает пасти ИИ?

— Если бы мы только этим занимались, давно бы пошли под сокращение, — недовольно заметил я.

— А что еще делают пилоты ВВС? Я не издеваюсь, мне правда интересно.

— Подменяем ИИ, когда проводка сгорела, — ляпнул я первое, что пришло в голову. Мун сразу же понял, о чем речь, и нахмурился. Снова повисла тишина.

Я откинулся на спину и задумался, набираясь решимости, чтобы подойти к намеченной цели. Все

---

⁴ В Европе нумерация этажей начинается с нуля.

складывалось как нельзя более удачно. Нельзя упускать шанс.

— А начальство нормально к твоим... следственным методам относится? Я имею в виду то, что ты только что делал? — наконец спросил я.

— Если честно, то да, во многом ради этого они меня и наняли. А что?

— Это по поводу ответной услуги. У меня и правда есть один косвенный подозреваемый по нашему делу. Или не по нашему — пока сложно сказать. Но чтобы разобраться, что именно он натворил, надо будет сильно превысить полномочия. Именно в твоём стиле.

— Звучит... заманчиво, — усмехнулся Мун, — я бы все-таки хотел знать, кого ты имеешь в виду, прежде чем соглашаться.

Я не ожидал, что все пройдет так удачно, и даже не знал, как поступать теперь. Не только мне был нужен Мун; очевидно, что и я был нужен ему. Зачем? Его собственное объяснение — ложь, явно придуманная по ходу дела. Никакой связи между мной и той аварией уже нет. Как один из вариантов — его могла заинтересовать моя «сверхспособность», проявленная в бою. Недаром он не спрашивает о ней напрямую. То есть мы снова возвращаемся к теме Винсента. И хорошо еще, если Мун хочет докопаться до истины из личных соображений.

Что ж, я сам создал ситуацию, в которой мне придется рассказать свою историю человеку, который только что напал на меня с ножом. Пришлось приложить все усилия, чтобы в процессе не дать выползти наружу внутренним страхам и сумасшедшим гипотезам. Мун слушал с явным интересом, периодически посвистывая от удивления.

— Кажется, полная картина ситуации перестает уместаться у меня в голове, — пожаловался он, когда я закончил, — и ведь мы только начали расследование.

— Ну, я не утверждаю, что Винсент как-то связан с нашей авиакатастрофой. Просто хочется копнуть его дела поглубже, — развел руками я.

— Да нет, я отлично тебя понимаю, — посерьезнел Мун, — Но давай так: либо мы сначала заканчиваем с основным расследованием, а потом возвращаемся к этому ответвлению, либо находим веские доказательства, что ответвление — на самом деле прямая дорога к решению. Иначе возникнут проблемы с отчетностью.

— По рукам, — немедленно ответил я, — Конечно, если основное расследование не затянется навечно.

— Вот тут ничего не могу обещать, — признался Мун.

— Ладно, еще раз: чего ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы ты... составил мне компанию во время всех расследований, связанных с ВВС.

— У вас правда нет других спецов по авиации? — поинтересовался я.

Мун вздохнул, наклонился ко мне, понизил голос и проговорил, глядя исподлобья:

— Я могу попросить BBC прислать их человека, но где гарантия, что он сам не окажется участником этой оперы? Ты — единственный потерпевший, и, следовательно, единственный, у кого есть алиби.

— По-моему, ты переусложняешь себе жизнь, — нахмурился я.

— Нет. Просто я немного лучше знаю свое дело. Видишь ли, высокая концентрация власти меняет законы поведения социума. Это как относительность. В большинстве задач ее эффектами можно пренебречь, но вблизи черной дыры только она может дать хоть немного правдоподобный ответ. Точно так же, когда расследуешь рабочих из серой зоны, рассматривать гипотезу заговора не имеет смысла; но когда в деле фигурирует серьезная политика...

Мун замолчал, вернулся в прежнюю позу и многозначительно уставился на меня.

— А она фигурирует? — задумчиво поинтересовался я.

— А как же? Мало того, что любой вопрос, касающийся оборонки, неминуемо включает политику, еще и груз самолета был вопросом международных отношений. И не абы каких, а между Европой и Китаем. Поэтому ты его и охранял.

— Ну, я могу охранять его только от врагов, которых вижу...

— Да нет, я тебя не обвиняю. Наоборот, тебя бы наградить надо, и не просто деньгами. Но это, к сожалению, не мне решать.

Я было ухмыльнулся, но мимолетную гордость тут же затмила коварная мысль: а *меня ли* надо награждать? Чтобы не давать ей ходу, я решил сменить тему:

— Ладно, я понял. Какие наши дальнейшие действия?

— Ждем твою руку, а затем расходимся по своим делам. И, если ты согласен, то приготовься завтра прогуляться.

— Куда?

— Предположительно, в Мальпензу. Ориентируйся на то, чтобы к полудню быть... Да прямо здесь.

— Почему именно здесь?

— Увидишь, — загадочно ответил Мун.

***

Логи энергопотребления и правда выглядели странно. Почти 30% заряда было израсходовано «системой» — собирательным наименованием множества мелких контроллеров и экзокортекса. Это притом, что номинально их потребление вообще не должно зависеть от моих действий и не может превосходить десятой доли процента. Может, замена руки задним числом вызвала какой-то глюк?

Скорее всего, нет. Я уверен, что разогрелся гораздо сильнее, чем должен был. Значит, что-то израсходовало заряд. И это точно не экзокортес, он бы банально сгорел. Но что тогда? Что за приспособление мог спрятать во мне Винсент? Почему я не могу его найти?

Не менее интересно, что думает по этому поводу Мун. Тут было ясно одно: *его* мне не перехитрить. Надо либо вежливо отказываться от нашего договора, пока еще не поздно, либо уж играть по его правилам до конца и будь что будет. Второй вариант казался мне куда перспективнее.

chapter[3] = "Quis custodiet ipsos custodes"

На следующий день я снова вошел в лифт той клиники. Мун сказал, что будет ждать на двадцатом этаже. Когда я поднес руку к панели управления, кнопки с двадцатой по двадцать пятую окрасились в зеленый цвет.

Буквально за секунду до того, как я выбрал этаж, в боковом поле зрения показался блестящий золотистый вихрь, держащий курс на столкновение. При ближайшем рассмотрении он оказался невысокой девушкой в белом халате, возрастом порядка двадцати. Ее руки были заняты, по-видимому, коробкой с запчастями. Войдя в лифт, она бросила взгляд сначала на панель управления, а затем на меня. На секунду мы встретились взглядами, и мне показалось, что в тот момент произошло что-то странное. Нет, «искорка» или любая другая романтическая метафора не подходит: скорее оно походило на механическую волну, прошедшую по моим мыслям. Это, впрочем, не означает, что девушка мне не нравилась: напротив, мне стоило больших усилий оторвать взгляд от ее длинных русых волос.

— Девятый, — скомандовала она лифту. Тот сразу же закрылся и поехал вверх. Ее голос, звонкий и высокий, кажется, физически не мог опускаться. Любые слова, сказанные им, будут звучать дружелюбно и радостно, независимо от их смысла.

Я же по никому, включая меня самого, неизвестным причинам не любил голосовые интерфейсы, и по возможности использовал тактильные или визуальные. Когда я повернулся обратно к кнопкам, верхняя их половина снова горела красным. Я попробовал нажать десятый. В ответ вокруг кнопки образовался красный запрещающий символ, а на дисплее выше отобразились пояснения:

Стивен Сандерс — доступ разрешен

Эми Шеннон — доступ запрещен

Убедитесь, что все пассажиры имеют доступ в секцию В

Эми обратила на это внимание, снова бросив взгляд на дисплей.

— Привет, Эми, — сказал я, перехватив ее взгляд и аккуратно изобразив дружелюбную улыбку.

— Привет, Стив, — ответила она, игриво прищурившись, — Ты здесь новенький?

Мне бы так быстро соображать.

— Верно, а откуда ты знаешь?

— Иначе ты бы знал, как тут работают допуски.

Я кивнул, соглашаясь с ее выводами.

— Ну, я тоже недавно тут работаю, — добавила Эми, ловя повисающую паузу в свободном падении.

То, что ее заботит продолжение разговора — хороший знак. Наверное. Надо было что-то ответить. Тем временем лифт уже открыл двери на девятом этаже и стоял в ожидании следующей команды.

— А кем работаешь? — задал я наиболее очевидный вопрос.

— Стажируюсь в мастерской, — кивнула она в сторону отделения, которое я посещал вчера, — А ты... Хотя, о твоей работе я спрашивать не буду.

Интересно, почему? Сколько информации она уже получила из, казалось бы, незначительной сцены? Конечно, задавать эти вопросы ей я не стал.

К этому времени Эми уже стояла по ту сторону двери лифта, повернувшись ко мне. Чувствуя, что разговор иссякает, я поднял в ее сторону раскрытую левую ладонь. Она сразу поняла намек — взяла свою коробку под мышку и поднесла к моей руке свою, со смарт-браслетом на запястье. Таким образом мы обменялись контактами.

— Ну, еще увидимся, — улыбнулся я ей. Эми кивнула, повернулась и пошла по своим делам.

Не слишком ли активно она идет на сближение? Или у меня просто разыгралась паранойя? Ей, впрочем, простительно.

Я вернулся к панели лифта и смог, наконец, нажать двадцатый этаж.

***

Что бы ни находилось на этом этаже, оно точно не было клиникой. Мой параноидальный взгляд сразу же отметил в стене коридора нишу для охранного робота и пару оружейных шкафов, а на потолке — демонстративно крупную камеру, направленную прямо на меня. Где-то в отдалении слышались бодрые голоса.

Я осторожно пошел по коридору, читая надписи на дверях, каждая из которых подтверждала мои подозрения. Впрочем, я не сделал и десятка шагов прежде, чем впереди появился Мун. Я сразу же проследовал за ним в помещение, оказавшееся просторной, хорошо освещенной переговорной. За овальным столом в центре, закинув ноги кто куда, сидела разношерстная компания мужчин, что-то живо обсуждающих.

— Ребзя, встречайте Стива, — объявил Мун, входя. Разношерстная компания лениво развернулась в нашу сторону.

— Тебя познакомить? — предложил Мун.

— Объясни для начала, какого черта тут происходит, — ответил я.

— Ну, я думал, ты уже и сам догадался, — пожал плечами Мун.

— Я предполагаю, что клиника снизу — это прикрытие для штаба твоего подразделения?

— Ну, почти. Мы не то чтобы прячемся здесь, просто стараемся минимизировать контакт с общественностью.

— Звучит не очень, для государственного агентства-то. Почему нельзя было организовать все в белой зоне?

— Просто логистика. Позже тебе все станет яснее.

Я лишь недовольно покачал головой. Тем временем, разговор за столом продолжился.

— Ну так вот, представьте себе такую ситуацию, — обратил на себя внимание компактный лысый парень; как я понял из контекста прерванного диалога, звали его Скотт, — Идет Вторая мировая. Вы — гражданин какой-то абстрактной демократической европейской страны. Не Германии и не ее союзников. Немцы до вас пока не дошли. Из всех ваших партий о войне серьезно говорят только несколько самых мелких. Что именно они предлагают — никто не в курсе, просто намереваются заняться проблемой. Правое крыло называет войну слухом, пущенным с целью дестабилизации общественного порядка, пусть сами в это и не верят. Правящая партия вообще подозревается в сотрудничестве с Гитлером и тихонько толкает в массы нацистскую пропаганду. Даже так — есть вещественные доказательства их экономической связи с Германией, которую они таким образом защищают. Ваши действия?

— Свалить в США, — без энтузиазма предложил парень с арабской внешностью.

— Это понятно. Но пусть нет у нас США?

— Ну да, я понял. Ничего не сделаешь. Но какой тогда смысл твоего аргумента? Просто переложить вину на власть, завернуться в простыню и ползти на кладбище? — ответил парень с едва ощутимым итальянским акцентом.

— Как сказать. Власть ведь формируется устоявшейся системой и фактически ей ограничена. Если у них не было системного стимула заниматься экологией, с какой радости они будут это делать? — сказал Скотт.

— Тогда виноваты те, кто построил такую систему?

— Тоже нет. Система на момент постройки обычно адекватна условиям, в которых она построена. Просто условия меняются.

— Окей. Ну и... что тогда?

Скотт лишь развел руками. Я же устроился на свободном месте за столом и начал в одностороннем порядке знакомиться с коллективом, ища их профили по фотографиям.

Парня с арабской внешностью звали Хассан Найар. По происхождению иранец, по специальности — айтишник-безопасник. Не совсем понятно, откуда у него этот шрам на лице — больше похожий на какой-то ритуальный знак, чем на настоящее боевое ранение.

Активнее всех говорил Скотт Пирсон — следователь и эмигрант из США. Его происхождение обещало быть очень любопытной историей. Мало кому удается заполучить одновременно возможность и желание бежать из Штатов.

Кроме них за столом сидели: еще один следователь Хьют Коллер, врач Габриель Капрони и когнитолог Алекс Мацумура.

Внимание присутствующих наконец обратилось ко мне. Похоже, они ожидали какой-нибудь приветственной реплики.

— У вас тут с гендерными квотами проблем не возникало? — попытался пошутить я.

В ответ Габриель поперхнулся — он, возможно, еще помнил такую практику в Европе, — а Хассан, ухмыльнувшись, ответил:

— Специфика работы такая. Поверь, это к лучшему.

Станных все-таки людей собрал вокруг себя Мун. С одной стороны, сложно было даже придумать более разношерстную группу; с другой — все они, включая самого Муна, чем-то похожи: насквозь киборги, задумчивые, с пронизывающими взглядами и обманчиво-несерьезной манерой разговора. Создавалось ощущение, что они не просто болтают, а играют в какую-то игру наподобие покера без карт — игру, которая требует скрытности, выдаваемой за доброжелательность. А может, это просто моя паранойя.

— Кажется, все собрались, — Мун вышел на середину переговорной, — Напоминаю сегодняшние задачи. Их нет. Просто идем и тыкаемся во все, что хоть в какой-то вселенной может иметь отношение к расследованию. Более детальные планы будем составлять по ходу дела. Оружие не нужно.

***

Выгрузив подразделение и сопровождающих его андроидов, два электролета-микроавтобуса снова поднялись в воздух и перелетели на открытую площадку неподалеку, чтобы подставить солнцу свои массивные крылья и успеть зарядиться до нашего возвращения. Сегодняшняя погода не способствовала дальним перелетам.

Территория аэропорта была полностью оцеплена, так что мы не могли даже высадиться на ней — небольшой путь до входа пришлось проделать пешком. Наверняка издержки от простоя уже на порядок превысили ущерб, нанесенный атакой непосредственно. Но и открыть аэропорт, в котором до сих пор могла скрываться опасность, никто не мог.

— Вы вовремя, — заметил ожидавший на входе сотрудник ВВС, — Мы как раз нашли что-то интересное.

— Да ну, впервые за две недели? Впечатляет, — ответил Мун.

Встречающий косо посмотрел на него, развернулся, и жестом пригласил следовать за собой.

Диспетчерская — благо, достаточно объемная — была превращена в штаб расследования, встречая посетителей хроническим запахом кофе и звуками непрерывного стука по клавиатуре. Как ни странно, весь персонал был чем-то занят.

Сотрудник ВВС подвел нас к группе людей в темно-синей легкобронированной униформе, и Мун поздоровался с кем-то из них.

— Говорите, у вас новости? — сразу же спросил он.

Солидный собеседник кивнул и указал на большой дисплей перед собой. Дисплей, по-видимому, был частью терминала, за которым сидела девушка в аналогичной униформе.

— Мы, наконец, нашли возможную причину всего, — начала объяснять она с плохо скрываемым возбуждением, — Улика — логическая нестыковка между логами служебных роботов и записями видеонаблюдения. По логам, этот робот — на дисплее появилась фотография грузчика, — Весь день находился в ангаре, но камеры зафиксировали его неподалеку от водородной распределительной станции. Минут за двадцать до первого взрыва. Рабочая гипотеза состоит в том, что злоумышленники получили удаленный контроль над роботом и использовали его в качестве прокси уже для взлома систем аэропорта.

— Неужели от такого хода не было никакой защиты?

— На распределительной станции — была, и еще какая...

— ...Но когда у врага уже есть физический доступ к твоему оборудованию, единственной защитой остается рубильник, — закончил за нее Хассан.

— Мда. А кто занимается поддержкой этих роботов? — спросил Мун.

— Бостон Динамикс. Мы уже отправили им официальный запрос. Судя по тому, сколько времени они молчат, их это тоже шокировало.

Мун ненадолго замолчал, обдумывая полученную информацию, а затем поинтересовался:

— Полагаю, наше подразделение тут более не при делах? Чистой киберпреступностью мы не занимаемся.

— Не так быстро, — вмешался солидный мужчина в униформе, — Это лишь рабочая гипотеза. И даже если она верна, работа для вас еще будет.

Мун уже наклонил голову и выстрелил в его сторону пристальным взглядом, но тут собеседник приложил к уху палец и отступил на пару шагов.

— Они что? Известная проблема? Кому известная? Кого, черт возьми, угораздило поставить на промышленную систему драйвер с известной уязвимостью? Поднимите журналы техобслуживания,

надо понять, чей это косяк. Нет, Бостон надо пропинать в любом случае, — слушали мы его разговор с интересом.

— Вы пока составьте хорошее представление о ситуации. Можете опрашивать всех, кто работает на территории Мальпензы. Затем обсудим дальнейшую стратегию, — сказал он Муну, окончив разговор.

— Что ж, я рассчитывал, что работа тут будет для всех, но увы... — повернулся к нам Мун, — Хассан и Алекс — вы со мной. Скотт и Хьют — осмотрите то, что покажется вам интересным, может, хоть не зря время потеряете. В принципе, к остальным это тоже относится. Ничего не поделать.

Хассан и Алекс без лишних вопросов проследовали за Муном обратно к выходу, оставив нас растерянно озираться по сторонам. Впрочем, уже через минуту Мун вышел на связь:

— На самом деле нет, — сказал он, — Переключитесь в текстовый режим и отойдите куда-нибудь в менее людное место.

— Что, Интерпол у нас теперь тоже в списке подозреваемых? — напечатал на ходу Скотт.

— Не совсем. То есть, они вряд ли связаны с основным инцидентом, но я подозреваю, что расследования нам придется вести независимо. Не знаю, кто уловил тонкости, но как минимум тот факт, что они «нашли причину» строго в момент нашего появления должен настораживать, даже если не вдаваться в детали.

— Так это был Интерпол? — шепнул я Скотту. Тот кивнул.

— Или, как вариант, кто-то водит за нос нас всех, — заметил Хьют, — Но настолько сложная гипотеза в мою голову уже не вмещается.

— Я бы не исключал и совпадение, — вмешался Хассан, — Интерпол буквально на днях взялся за дело. У них специалисты куда как опытнее, они действительно могли успеть все проверить и наткнуться на зацепку только сегодня.

— Пока план таков: мы выслушиваем версию Интерпола, а вы пока поработайте с ВВС и полицией. Мне нужны люди, которые проверяли видеозаписи до Интерпола, — сказал Мун, после чего отключился.

— Вы, ребята, совсем параноиками заделались, — покачал головой Габриель.

— Профессиональная деформация в пределах нормы, — ответил Хьют, — Мне как раз кажется удивительным, что мы вообще сохраняем рассудок. Тут все чемоданы с двойным дном. Все случайности не случайны. Чем глубже роем, тем меньше понимаем.

— Странно, если ты еще не просек динамику, которая обычно возникает в сложных задачах, — заметил Скотт, — Получение новой информации не может вести к уменьшению понимания. По крайней мере, если сохранять скептицизм в отношении ее интерпретаций.

— Ну, все правильно, — язвительно ответил Хьют, — мы спускаемся ниже и получаем информацию,

что дна по-прежнему нет. Только это никак не помогает.

— Вселенная всегда говорит загадками. Но это лучше, чем если бы она вообще ничего не говорила, — пожал плечами Скотт.

После этого следователи разошлись в стороны в поисках свидетелей.

Пустующие залы Мальпензы навевали тоскливое спокойствие. Какая-то деталь заставляла подсознание думать, что они покинуты навсегда. Наверное, залежавшиеся следы поспешной эвакуации. Пассажиры уже забрали свои вещи, но многие предметы интерьера аэропорта так и остались валяться, где попало. Менеджерам ничего не стоило приказать роботам убраться, но они не могли этого сделать, пока здание находилось в оцеплении спецслужб. Солнечные лучи, свободно проходящие через застекленную крышу, подсвечивали скопившуюся на предметах пыль, усиливая впечатление. Не хватало только разбить окна...

— Ситуация несколько проясняется, — снова подал голос Мун, — Бостон Динамикс признали, что в прошивке роботов была дыра, даже выпустили заплатку недели полторы назад. Мы их немного прессанули, и они рассказали, почему именно полторы недели. В США была аналогичная атака с разницей в пару часов, только менее масштабная. Причем не где-то, а в самом Бостоне. Детали пока скрываются. У вас как успехи?

— Людей, которые нам нужны, отправили отсюда позавчера, — сообщил Скотт, — Могу начать их поиски прямо сейчас.

— Не обязательно, — ответил Мун, — Сначала вернемся в штаб. Сейчас заканчиваем дела и встречаемся у выхода, здесь больше делать нечего.

chapter[4] = "Auribus teneo lupum"

Казалось бы, людям должно быть привычно состояние незнания чего-то о себе. Мы и сейчас не до конца разобрались в собственной природе, а пару веков назад не знали о ней вообще ничего — и как-то жили. Трудность моего случая была в другом — в одиночестве. Мало того, что моих проблем никто не разделял — никто не мог их даже понять. За возможным исключением Мишель, но поддержки от нее я, по понятным причинам, не ожидал.

Непрерывно грызущее меня изнутри чувство неадекватности невозможно было разделить с кем-то — даже несмотря на то, что им уже заразились почти все в моем окружении. Выглядело это так, будто я сошел с ума. И сильнее всего это состояние проявлялось, когда я оставался один.

Именно поэтому я так уцепился за Эми. Я выжимал из себя все остатки тепла, надежности и веселости, чтобы умилостивить ее — все ради того, чтобы как можно меньше времени проводить в одиночестве. Она сама сбавила обороты и не торопилась идти на близкий контакт — наверняка потому, что интуитивно чувствовала мой страх. А кому нужен мужчина, который все время чего-то боится? С другой стороны, всяческие мелочи в ее разговоре и поведении заставляли меня усомниться, что она действительно понимает происходящее настолько глубоко. Несмотря на пронизательность в чисто логических задачах, она время от времени говорила полные глупости на житейско-филосовские темы. Особенно напрягало ее избегание визуального контакта. Иногда мне казалось, что она тоже что-то скрывает, и намеренно поддерживает статус-кво.

— С тобой все нормально?

— Да-да, конечно. Иди сюда...

Нестабильность сложившейся ситуации была очевидна. Но чем дольше я ждал, тем больше боялся что-то предпринимать. Воображение самовольно рисовало все более и более пугающие гипотезы, оставляя меня дрожать, свернувшись комочком в углу, когда никто не видит.

К тому же, сколько ни старайся сдерживать безумие днем, все равно остаешься наедине с ним во сне.

...Или нет?

***

Не стоило мне спускаться в эту долину. Слабый огонек вдалеке, на который я ориентировался, исчез из виду, а зловещий черный лес, плотно обступивший меня, отовсюду выглядел одинаково. Казалось, что группы обгоревших стволов с редкими угловатыми ветвями просто разместили в снегу командами «копировать» и «вставить». Но, по крайней мере, идти сквозь них было несложно.

Передвигался я, кажется, прыжками — снег хрустел под ногами лишь через каждые 8-10 метров, и лишь в эти моменты я мог менять направление движения — достаточно быстрого, надо заметить. Вот

только если ты не знаешь, куда идешь, скорость — сомнительное преимущество.

Единственным ориентиром служила яркая полная луна. Несколько раз на пути мне попадались обгоревшие деревянные каркасы одно- и двухэтажных домов, наполненные какой-то особенной, непроницаемой для лунного света тьмой. Никаких признаков жизни не наблюдалось — даже лишайников на камнях. В промежутках между моими шагами в воздухе стояла идеальная тишина.

Я принял правильное решение, пойдя по дороге, некогда соединявшей лесные дома. Она не всегда шла в нужном направлении, однако привела меня к мосту через устье высохшей реки, который иначе пришлось бы искать. Металлический каркас моста пережил пожар, но его трухлявое деревянное полотно едва держалось под моими шагами. Я притормозил, то и дело озираясь вниз, на многочисленные прорехи, и, через них, на дно бывшей реки. И лишь на середине моста до меня дошел любопытный факт: то, что я вначале принял за дно, им не являлось. На самом деле, начиная с полутораметровой глубины, устье заполняло нечто черное, и, кажется, подвижное. В темноте сложно было разобрать текстуру — казалось, что это просто тень. Абсолютно черная, такая же, как внутри мертвых домов. А еще, пока я вглядывался в нее, через границу слышимости незаметно прокралось слабое потрескивание, похожее на радиопомехи. Я вздрогнул и поспешил убраться с моста.

Вскоре я вышел на узкую просеку, посередине которой была прорыта неглубокая канава. Почти сразу я заметил и причину ее появления: частично зарывшийся в землю фюзеляж древнего самолета с оторванными крыльями и хвостом. Его бронированная кабина сохранила характерную «коробочную» форму советского Ил-2. Понятно, почему именно его: любой другой самолет разлетелся бы в щепки при таком крушении. К тому же, сделанный из прочных нержавеющей материалов, он мог лежать здесь очень долго.

Когда я приблизился к самолету, мне показалось, что из его выхлопных патрубков вывалилось несколько продолговатых теней, которые быстро исчезли в обломках. Больше всего они походили на змей. Заметив это, я, было, развернулся, намереваясь обойти место крушения стороной...

Но у леса были другие планы. Темнота между деревьями передо мной сгустилась так, что я уже не мог различить отдельные стволы. То же произошло и позади. Снова послышался треск. А затем тьма начала выползать из леса — с противоположного от самолета конца просеки.

Сначала я просто отступал, пятясь назад. Потом в страхе побежал. Добежав до самолета, я убедился, что и с противоположной стороны вернуться в лес нельзя. И единственное, что мне оставалось...

«Если его броня останавливала пули, то, может, и меня она защитит?»

Я подбежал к кабине самолета, отдернул назад стекло, запрыгнул внутрь, закрылся и вжался в остатки кресла пилота, ожидая непонятно чего.

И непонятно что действительно произошло. Открыв глаза я, почему-то без особого удивления, обнаружил, что снаружи ярко светит солнце, что все части штурмовика на месте, и, главное — что он летит.

Немного поразмыслив о возможном значении происходящего, я взялся за ручку управления и накренил самолет, чтобы рассмотреть землю под собой. Я быстро узнал ту же долину, в которую недавно спускался, хотя выглядела она совсем иначе: покрывающий ее лес стал зеленым, за исключением нескольких горящих пятен. Причем все пятна располагались на одной прямой. Я мысленно продолжил ее вперед и уткнулся взглядом в бомбардировщик с черными крестами на крыльях, летящий чуть ниже и впереди меня.

А что, если я могу *предотвратить* то, что видел раньше?

Я опустил нос штурмовика, и тот начал догонять бомбардировщик. Никакой реакции со стороны противника не последовало, его оборонительная турель не поворачивалась. Я нажал на гашетку и сразу же отпустил ее, почувствовав, как отдача швырнула самолет назад. Попасть хоть во что-то из такого древнего пулемета было нетривиальной задачей, но у меня было преимущество в позиции и некоторое знание этих машин, почерпнутое из симуляторов. Где-то после пятого залпа один из двигателей бомбардировщика окутало пламя. Самолет противника покачнулся, но не сошел с курса — то есть кто-то им все-таки управлял.

Я начал аккуратно пристраиваться с другой стороны, собираясь добить его, но заметил что-то странное. Дым от горящего двигателя образовывал не прямую, несмотря на то, что бомбардировщик летел прямо. Вместо этого он медленно поворачивал в мою сторону, в то же время сгущаясь. И каким-то образом сквозь оглушительный шум винта пробился уже знакомый треск, похожий на радиопомехи...

***

Проснувшись, первое, что я заметил — затемненные в ноль окна. Я был уверен, что никогда не устанавливал такую прозрачность, и уж тем более не стал бы оставлять ее на ночь. В недоумении я протянул руку в сторону окна и повернул кисть — этот жест должен был интерпретироваться домом как команда изменения прозрачности. Ничего не произошло.

Я повторил ту же процедуру с лампой на потолке — с аналогичным результатом. Не то чтобы это было проблемой — глаза мгновенно подстраивались под любой уровень освещения, если это физически возможно; но меня беспокоил сам факт. Я встал на ноги, подошел к стене и выдвинул из нее панель ручного управления квартирой. Как уже можно было догадаться, ее дисплей не горел. По-видимому, никакая электроника, зависящая от электросети, не работала. Неужели блекаут? Какова его вероятность в современном здании с собственной энергосистемой?

Стоп. Какой может быть блекаут, если нулевая прозрачность у этого окна — активное состояние, то есть для его поддержания через стекло должен течь ток?! Что вообще происходит? Может, я еще сплю?

— *Нет.*

— КТО ЗДЕСЬ?! — судорожно вскрикнул я, подскочив почти до потолка, и сразу после приземления завертевшись на месте в поисках источника голоса. Ничего не обнаружив, я метнулся к оружейному

сейфу. Который, впрочем, не открывался.

— *Мне нравятся твои сны. Как думаешь, это действительно плод твоего собственного воображения?*

Голос звучал у меня из-за спины, в какую бы сторону я не повернулся. По глубине и четкости он ничуть не отличался от человеческого; тем не менее, определить его принадлежность было совершенно невозможно.

В два прыжка я оказался у входной двери и дернул ручку. В случае отказа электросети этот замок все равно должен был работать и открываться изнутри простым нажатием. Но этого не происходило. Дверь была заперта непонятным мне способом. Тем временем сердце уже готово было выпрыгнуть через горло, а стук пульса в висках приглушал слух.

Я развернулся, чтобы вновь оглядеть комнату, безуспешно пытаюсь понять, что делать дальше. И спустя секунду почувствовал прикосновение к спине.

Само собой, у меня не было ни времени, ни даже мысли о том, чтобы одеться, так что я мог детально проанализировать ощущения. Это была человеческая ладонь. Ее кожа была чуть холоднее моей, а ладонь и пальцы — уже. Начав справа от основания шеи, она мягко скользнула вниз, и исчезла чуть выше пояса.

Все те время, что это происходило, я стоял в полном оцепенении, едва дыша. Сил на защиту уже не было. Лишь через несколько секунд после того, как касание прекратилось, я собрал достаточно смелости, чтобы обернуться. И прежде, чем я это сделал, сзади раздался болезненно громкий хлопок. Входная дверь была открыта нараспашку. Некоторое время я просто глядел на нее, пошатываясь и содрогаясь. А затем снова обернулся в сторону комнаты. Солнечный свет спокойно проходил через оконное стекло, на границе слышимости гудела вентиляция, выдвинутая из стены панель управления светилась заставкой.

Тщательно осмотрев помещение, я не нашел в нем ни одного устройства, которое не устанавливал сам. Потом на минуту присел посередине комнаты, напряженно вдумываясь. А потом собрал все свои вещи в рюкзак, оделся и покинул дом, на ходу устанавливая связь с Муном.

— Привет. Ты рановато сегодня, — безмятежно заметил он.

— Да. У меня тут, кажется, ЧП.

Командиру хватило сотой доли секунды, чтобы переключиться в рабочий режим. Но прежде, чем он потребовал уточнений, я сам задал вопрос:

— Существует ли хоть где-то технология полной оптической невидимости?

— Нам до нее как до соседней галактики. А что...

— Тогда кто у тебя хорошо разбирается в софте имплантов?

Мун ненадолго задумался, после чего добавил в наш диалог человека по имени Леон Шумский.

— Но потом объяснишь все мне по-нормальному, — добавил он, пока мы ждали ответа.

— Что ему можно рассказывать? — поспешил уточнить я.

— Все, что явно не засекречено. По технической части точно. По нашим гипотезам — думаю, ты сам сможешь оценить.

Вскоре я услышал вялый незнакомый голос, соответствующий на дисплее черному квадрату с надписью «Только звук»:

— А ничего, что сегодня суббота?

— В нашей работе нет такого понятия, — саркастично ответил Мун, — Ты не занят сейчас?

— Уже нет, — еще более саркастично ответил Леон.

— Тогда будь добр, — сказал Мун и отключился.

— Ну, выкладывай, — вздохнул Шумский.

— Вопрос такой, — начал я, — Можно ли удаленно подменить видеосигнал с глаза?

— А ты не пробовал сначала у гугла спросить? — раздраженно ответил собеседник.

— Я и так знаю, что там написано. Невозможно наложить изображение с прозрачностью менее 50%. Я именно потому и спрашиваю, можно ли *полностью* подменить сигнал?

— Ну... это зависит от того, с какой целью ты спрашиваешь, — ответил Леон после непродолжительного раздумья, — Если *ты* хочешь кого-то взломать — я сразу скажу, что это невозможно, и на этом мы закончим. Но если полагаешь, что *тебя* взломали...

— Да, именно это.

— ...Тогда все сложнее. Я не имею в виду, что существуют какие-то секретные обходные пути. Виртуальный дисплей на аппаратном уровне устроен так, что не может полностью перекрывать реальность, если только ты сам не закроешь глаза. Поэтому я предполагаю, что ты неправильно интерпретировал ситуацию.

— Голограмму я вроде бы исключил. Нигде поблизости не было устройства, способного ее создать. Это же не микроскопический жучок, там оптика нужна и прочее... То есть, даже если бы устройство имелось, его нужно было от меня спрятать. Что возвращает нас к исходному вопросу.

— А ты нормально соображаешь, — заметил Шумский, — Ладно, давай по пунктам. У глаз нет своего сетевого интерфейса — если у тебя не какая-то уникальная самоделка. Они, кроме мозга, подключены только к экзокортексу. То есть удаленный взлом в любом случае проводится через него.

— Если не считать сенсорной атаки...

— Да, но это из области научной фантастики. Никто даже приблизительно не представляет, как эту атаку проводить. А если и найдет способ, у него будет множество более привлекательных целей.

— Хорошо, а что еще остается?

— Пожалуй, единственное, что я еще могу вспомнить... Если иметь матрицу лазеров, мгновенно меняющих длину волны — теоретически можно заставить видеть что угодно кого угодно. Но это такая же фантастика. Так что мы возвращаемся к единственному реалистичному варианту — ошибке с твоей стороны. Может, теперь объяснишь, что именно произошло?

— Ну... — я стал быстро прикидывать, как представить историю, чтобы не выдать лишней информации и не показаться сумасшедшим, — Я видел то, чего в реальности быть просто не может. Это было у меня дома. Других свидетелей нет. Кроме того, вся техника в доме оказалась взломана.

— Видеорегистрация была включена?

— Да. Но там ничего нет. Просто черный экран.

— Ну, подменить видео после записи гораздо проще, чем сам сигнал... — задумчиво проговорил Леон, — А ты вообще уверен, что это не галлюцинации?

— Я уже *вообще* ни в чем не уверен, — честно признался я.

— Значит, нужно больше данных. Во-первых, нормальное описание инцидента. И, во-вторых, логи твоего экзокортекса.

— Над описанием надо подумать. Я сам не до конца понял, что видел. Давай я его напишу и пришлю вместе с логами?

— Как хочешь. Просто учти, что чем больше информации у меня будет, тем больше вероятность решить задачу.

— Спасибо. Тогда до связи.

— До связи.

Я немедленно переключился на Муна и рассказал ему все как есть, в итоге заразив его своим состоянием. Единственное, о чем я так никому и не рассказал — фраза «мне нравятся твои сны», несмотря на то, как четко она отпечаталась в моей памяти. Уж слишком безумно она звучала.

— В общем случае я бы, конечно, предположил, что у тебя едет крыша, но сейчас... Здесь действительно происходит что-то *очень* странное. Давай начнем с очевидного. В том доме тебе оставаться нельзя.

— Я уже на полпути в штаб.

— Отлично. Не отключайся пока. На всякий случай.

— Тогда расскажи мне, что думаешь.

— А ты мне не указывай... Ладно, будем рассуждать логически. Если метод атаки нам непонятен, попробуем разобраться с мотивами. Это было похоже на угрозу?

— Сложно сказать. Испугался-то я, конечно, до смерти, но не уверен, что *оно* преследовало такую цель.

— В доме ничего не пропало и не добавилось?

— Вообще никаких следов. У меня даже нет доказательств, что там побывал кто-то посторонний.

— А побывал ли?

— Входная дверь была открыта. В смысле, нараспашку. Приводов на петлях у нее нет. То есть кто-то должен был открыть ее вручную.

Мун помолчал, и через некоторое время сказал:

— Я пока не знаю, как нам победить, но точно знаю, как проиграть: отказаться от поисков рационального объяснения.

— Теория заговора будет считаться за рациональное объяснение?

— Непременно. Когда у нас появятся улики для ее построения и достаточно узкий круг подозреваемых. Хотя... Сейчас я и широкому кругу был бы рад.

— Когда тебя ждать?

— Сегодня вечером. Я ускорю свои дела здесь. До тех пор соблюдай предельную осторожность. Не выходи из штаба. С завтрашнего дня начнем как-то решать проблему.

***

Хьют размеренно бился головой об стол, примерно раз в три секунды. Скотт нервно нарезал круги по переговорной.

— Ладно, давайте попробуем исключить лишние сущности, — предложил Мун, — Каким минимальным количеством действующих лиц можно объяснить все наблюдаемые явления?

И он принялся выписывать в столбик на левой части интерактивной стены все события, причины которых были нам непонятны:

(1) Взрыв в Мальпензе

(2) Взрыв заправщика

(3) Взрыв в Бостоне

(4) Нарушение медицинских протоколов в отношении Стива

(5) Компрометация расследования

(6) «Предупреждение» Стива

А на правой части он написал:

(a) Искомый преступник

(b) Винсент Лоран

(c) Интерпол

(d) ВВС

(e) США

(f) кто-то еще

После чего провел соединения 1-а, 2-а, 3-а и 4-б.

— Винсент? Это не тот ли, у которого из лаборатории сперли опасный прототип? — встрепенулся Габриель.

— Именно он, — подтвердил Мун, дописывая в левый список:

(7) Похищение прототипа

— Теперь надо искать объяснение, которое бы оставляло минимум агентов, — сказал он, отступив от стены, чтобы полюбоваться своим творчеством, — Не думаю, что удастся все свалить на одного, но хотя бы на двух.

— Стоп, что? Какое похищение? Почему я об этом ничего не знаю? — вскочил я.

— Действительно, — заметил Мун, — Но там и не слишком подробная история. Для начала — я понятия не имею, почему ее спихнули на нас. Суть в том, что накануне твоей аварии из лаборатории НИИ выкрали прототип устройства с уровнем секретности R. То есть, до тех пор, пока мы не расследуем дела самого НИИ, они имеют право ничего нам про него не рассказывать. И они действительно воспользовались этим правом, что нехарактерно. Нам даже не дали посмотреть на аналоги, чтобы понять, что именно пропало. Естественно, мы ничего не нашли. Я сходил к Винсенту и поставил его перед фактом: либо он раскрывает хоть какие-то подробности, либо мы закрываем дело. Он выбрал второе. Да, кстати, Стив: ловушка, в которой я тебя нашел, была расставлена именно для этого расследования. Но у тебя по нему алиби, ясное дело.

Я вернулся на свое место и впал в глубокую задумчивость.

— Мне все больше и больше интересно, что они от нас скрывали, — сказал Алекс, — Уж очень интересно совпало время. Да и не только время. Смотри: Винсент в той или иной роли участвует в похищении и проблемах Стива. Стив — очевидно, в своих проблемах, и еще в теракте. И отчего-то мне хочется замкнуть этот треугольник.

— А у меня есть подозрение, что к Стиву приходили из той же компании, которая ответственна за

теракт, — высказался Хассан, — По крайней мере, мы не знаем другой группировки настолько же хорошо подготовленных хакеров.

Мун провел пунктирные линии 6-а и 7-а.

— Картинка, конечно, красивая, но обосновывается примерно никак, — заметил он, — Если приписывать нашему преступнику только теракт, можно предположить, что его целью были пассажиры Икаруса. А так получается, что у него и на Стива, и на НИИ свои планы, хотя они в эту историю вплелись совершенно случайно.

— Или же он пытается помешать расследованию, — возразил Хассан, — И считает, что может сделать это, оказывая давление на Стива.

— Но убивать он никого не пытался, хотя наверняка может, — ответил Мун, — То есть мы будто бы нужны ему. То есть...

— ...Это ловушка, — закончил мысль Хьют, — Да, кстати, если кто-то еще не слышал. Персонал, работавший в Мальпензе до Интерпола, утверждает, что проводил те же самые проверки и не обнаружил ничего. Это к слову о ловушках.

— Или наоборот, это может быть попытка связать нам руки. Временно вывести из игры, пока происходит что-то важное, — вставил Хассан.

— Так, ладно. Давайте сконцентрируемся на том, что делать дальше. Продолжение диванной аналитики на данном этапе считаю бессмысленным, — сказал Мун, — К тому же, чем дольше бездействуем мы, тем больше у противника шансов скрыться.

— К Винсенту неплохо бы нагряться, — предложил Алекс.

— Согласен. Но сначала надо распространить на него нашу юрисдикцию. А для этого нужны какие-то обоснованные обвинения, — ответил Мун.

— Тогда поехали в США, — предложил Хассан.

— Не так быстро. А со Стивом что делать? — спросил Скотт.

— А почему нельзя использовать удаленное присутствие? — поинтересовался я.

— Потому что удаленно управляемому андроиду никто не выдаст пропуска в нужные нам двери, — пояснил Мун.

— Как насчет оставить его здесь под охраной, а нам продолжать работу? — спросил Скотт.

— Нет, — возразил Мун, — Нам никому здесь доверять. Любую охранную систему наш противник, скорее всего, обойдет. А самооборона у нас лучшая. Поэтому самый безопасный вариант, — везде возить Стива с нами.

***

— Ты это имел в виду, говоря, что у вас лучшая самооборона? — удивленно спросил я, указывая на десятки силовых мечей, уложенных на стеллаж в тренировочном зале штаба. Визуально они не отличались от оружия самого Муна, и тоже наследовали форму японской катаны, которая, как выяснилось, увеличивает эффективность силовой модификации.

— Да. Это сильно ослабленная версия из обычных материалов. На танк с таким не попрешь, но для наших целей сгодится. Ознакомься пока с интерфейсом, — Мун протянул мне один из мечей, — Запомни: все, что тебе рассказывали о защите при помощи стрелкового оружия — американская пропаганда. Пушки годятся только для нападения, поэтому нам они не нужны. Меч, в свою очередь, может работать в обе стороны. Им можно отбивать пули, блокировать атаки другими мечами, вскрывать двери, решать повседневные задачи и иногда, в случае реальной необходимости, атаковать. Роботов без тяжелой брони могут разрезать даже ослабленные варианты.

— Хорошо, а как пули-то отбивать?

— Довольно просто. Ты поставил драйвер?

— Да.

— Тогда смотри, — Мун взял макет гауссовой винтовки, отошел на несколько метров и опустил на глаза очки виртуальной реальности. Последнее действие я повторил за ним.

— Переключи меч в холостой режим, а то правда порежешь что-нибудь. Теперь подними его так, будто ставишь блок. Да. Теперь захвати меня в прицел. Кстати, у системы наведения должно быть разрешение на перехват центрального управления. Готов?

Я кивнул, и Мун нажал на курок.

Только по трассирующему следу виртуальной пули можно было понять, что произошло. По мере приближения ко мне ее траектория вначале пошла зигзагами, а затем и вовсе повернула под прямым углом вправо.

— Следи за хватом, — сказал Мун, и сразу же выпустил вторую пулю мне под ноги. Она тоже отскочила и ударилась в землю, но, чтобы дотянуться до ее траектории, меч выскочил из моей левой руки и ударил по ноге тупой стороной лезвия.

— Ну и почему такой технологией никто, кроме вас, не пользуется? — поинтересовался я.

— Отчасти консерватизм на верхних уровнях командования, отчасти законы, отчасти стоимость. Не говоря уж об искусственных конечностях и позвоночнике, без которых ничего не будет работать. Ладно, давай опробуем более сложные сценарии.

Я быстро пришел к выводу, что единственная сложность в использовании такой защиты — всегда быть наготове. Поднять меч и захватить противника в прицел надо было прежде, чем он выстрелит.

Все остальное брала на себя программа. Мун систематично продавливал эту уязвимость: теперь он не стоял на месте, а молниеносно перемещался по залу, стреляя чуть ли не из суперпозиции. Когда отношение отраженных пуль к пропущенным дошло до границы «жить можно», он еще повысил сложность: из пола выдвинулась дюжина прямоугольных блоков, произвольно расставленных по залу; в виртуальной реальности на них проецировались изображения различных укрытий: стен, автомобилей, деревьев. Теперь тренировка уже напоминала классическую игру с наперстками, причем «ведущий» стабильно выигрывал.

— Чем-то похоже на воздушный бой с ракетами, — вслух заметил я, говоря о механике наведения и сопровождения цели.

— Да, тут тоже до автоматизации было веселее, — командир понял замечание по-своему, — Кстати, это не единственная параллель. Тут тот же принцип неразделимости оружия и тактики, тут тоже побеждает сильнейший, а не первый атаковавший. Но это уже насчет фехтования... А с ним все не так гладко, — он отложил винтовку и взял один из мечей со стеллажа, — Там идет гонка вооружений между алгоритмами нападения и защиты, и сложно сказать, что лучше: полагаться на них или на собственный опыт. Конечно, опыт надо сначала приобрести... Так что у тебя особого выбора нет. Ради интереса можем попрактиковаться, но я решительно не могу представить, где тебе это понадобится.

— Кто ж знает... Мы уже не раз сталкивались с тем, что не могли представить.

Мун кивнул, медленно поворачивая меч и рассматривая дифракционный узор, возникающий на его лезвии, — Тем не менее, избыточная вооруженность лишь подвергает нас дополнительной опасности. Если наши противники до сих пор не пошли на прямой конфликт, высока вероятность, что он им и не нужен. Таская за собой мечи повсюду, мы будем выглядеть и подсознательно вести себя агрессивнее.

— Логично. Наверное.

— Мы в свое время много думали о философском аспекте. Придумывали в основном фигню... — сказал Мун, швыряя меч обратно на стеллаж, в точности на предназначенную ему подставку, — Впрочем... — протянул он, склонив голову набок, с рукой, застывшей в положении броска.

Я молчал в ожидании услышать от командира что-то любопытное. После крайнего инцидента (интересное словосочетание, кстати) он будто бы стал доверять мне больше. Что хоть и странно, но как нельзя кстати.

— Впрочем, были и не совсем бесполезные наработки, — пробормотал Мун, после чего отошел к стене, на которой висели оружейные стеллажи, выдвинул из нее ящик и достал оттуда какой-то предмет. Вернувшись, он протянул мне химический пластырь.

— Рекомендуется лепить на... кхм, ладно, сначала попробуй на грудь и посмотрим, что изменится, — сказал Мун.

Я выполнил его инструкцию, наклеив пластырь около солнечного сплетения, и тут же чуть не отодрал

его обратно. Эта дрянь сильно обжигала кожу.

— Не трогай чувствительность нервов, — будто прочитал мои мысли Мун, — Это важно.

— И как же оно работает?

— Проще будет объяснить, когда оценим эффекты, — ответил Мун, уже надевая очки. Мне не оставалось ничего, кроме как последовать за ним, стараясь не обращать на боль внимания.

Хотя субъективно казалось, что пластырь лишь отвлекает от боя, на этот раз мне удалось отразить первые две атаки Муна. Это, конечно, не помешало ему победить, но из-под очков он выглянул с возросшим энтузиазмом.

— Видишь разницу? — сразу же спросил он.

— Нифига, — преувеличенно угрюмо пробормотал я.

— А она есть.

— Теперь объяснишь, что это такое?

— Это муравьиная кислота.

— Ну и... — я напряг память, пытаюсь вспомнить, как муравьиная кислота может влиять на нервную систему.

— Иными словами, что-то вроде плацебо, — добавил Мун.

— Плацебо?!

Армия, покорившая мир, полагалась на плацебо? Каким аргументом для альтернативной медицины это могло бы быть.

— Но не совсем. Эта штука работает независимо от того, веришь ты в нее или нет. Но при этом фармакологического действия она не имеет.

— Что-что?

— Да, если описывать так, принцип действительно непонятен. А он довольно прост. Оказывается, боль — это не всегда плохо. До определенного предела она, наоборот, полезна. Она обостряет наши чувства, злит и заставляет защищаться. Но если боль перейдет определенную границу, то запустит обратную реакцию: сдаться, закрыться, спрятаться. Важно знать, где эта граница лежит для тебя, и использовать преимущества боли по максимуму, подстраивая свою чувствительность.

— Черт возьми... — я помотал головой, пытаюсь прогнать из воображения возможные модификации испытанного метода, — Как с таким опытом... Что ты вообще делаешь здесь — можно задать такой вопрос?

— Безусловно. Если тебе интересно слушать.

В ответ я сел на пол, скрестив ноги, и наклонил набок голову, демонстрируя интерес. Мун некоторое время думал, с чего начать.

— Что для тебя значит «победа»? — наконец спросил он, встретившись со мной взглядом.

— Как для военного?

— Да.

— Галочка возле основной задачи миссии, — пожал плечами я, — А что?

— А тебе доводилось бывать в роли обычного солдата до поступления в ВВС?

— Неа. Мне и в ВВС-то ни разу стрелять не приходилось.

— Это хорошо. Точнее, хорошо то, что ты этого не хочешь. Не придется учиться на собственных ошибках. Как мне...

Дело было в послевоенные годы. Я еще продолжал работать в китайском спецназе. И однажды наша миссия пошла по непредвиденному сценарию: вроде бы уже нейтрализованный противник умудрился захватить заложников. По стандартной процедуре мы должны были обеспечить огневую поддержку и страховку, прежде чем пытаться освободить их, но тогда это было невозможно. Я взял переговоры на себя, и потерпел поражение — впервые в жизни. И почти сразу осознал, насколько карикатурным было мое представление о своей работе. Да, меч — оружие защиты, но только *самого себя*. Более того — это максимум, на который способно оружие в принципе. Чтобы успешно защищать других, нужно полностью сменить парадигму. Нужно предотвратить самый первый акт насилия — потому что иначе он потянет за собой все остальные. А для этого нужно научиться побеждать словами.

— Это было бы классно. Но что, если тебе не удалось победить на этом этапе? В таком случае противник получает огромное преимущество в рамках насильственной парадигмы.

— Да. Но дело в том, что в ней у агрессора и так преимущество — он нападает первым. С другой стороны, агрессор по определению неправ. Поэтому у него нет шансов победить в плоскости идей.

— Но он всегда может тебя не слушать. Или быть психом, на которого никакие аргументы не действуют. Или просто очень упрямым. Даже если ты проделаешь все идеально, всегда есть шанс провала.

— Верно. Но я и не пытаюсь представить это как официальную рабочую тактику. Скорее, это моя мечта. Побеждать без пролития крови. Лучший возможный вариант — когда враг становится тебе союзником. Тебе это может показаться маловероятным, но именно таким образом я привел в подразделение Хассана и Скотта.

— Погоди, а почему ты ко мне не применил свои принципы?

- Я собирался! На втором этапе. Хотел сначала преподать небольшой урок.
  - Ладно, а почему именно антитеррористическое подразделение и именно здесь?
  - АТП — потому что тут выше всего шанс встретить врага, уязвимо к переубеждению. Террористы — зачастую волонтеры, с довольно шаткими обоснованиями своих решений. В отличие от солдат, которые просто выполняют приказы за деньги. В отношении места важно то, что позицию Европы я могу рационально защищать, в отличие от Китая или США. А Милан мне просто понравился.
  - И ты, я полагаю, обучаешь своей тактике подчиненных? — спросил я, прищурившись.
  - Стараюсь. Это не так просто. Тебе сразу скинуть книги по теоретической части?
  - Давай. А есть еще практичные приемы в рамках старой парадигмы, пока мы здесь?
  - Все остальные требуют длительного обучения, — покачал головой Мун, — В конечном итоге лучшее, что ты можешь сделать для собственной безопасности — не отбиваться от группы. Больше я ничего не могу предложить.
- Я понимающе кивнул.

chapter[5] = "Terra incognita"

В самолете я занял место вплотную к настенному дисплею, заменяющему окна, чтобы с интересом разглядывать двигатель. Остальная команда расположилась вокруг меня в пределах двух рядов кресел. Мун сидел в одном ряду со мной, но у прохода. Между нами расположился Хассан.

Остальные пассажиры были по большей части американцами, что наиболее ярко проявлялось в их старомодной, неудобной одежде. Если мы были одеты в функциональные комбинезоны, подготовленные к любым неожиданностям, то они блистали черными пиджаками и галстуками. Ни единого киборга среди них не было. Еще глупее выглядели сопровождающие некоторых из них девушки. Именно сопровождающие, и именно девушки — все значительно моложе своих компаньонов. Я старался не поворачивать голову в салон, чтобы лишний раз не задумываться о них.

— Неужели ты еще на самолеты не насмотрелся? — поинтересовался Хассан, заметив это.

— Я по этому двигателю диплом писал, — ответил я, — Точнее, это пятый Скимитар, а я писал по третьему. Гораздо интереснее смотреть на то, что тебе понятно.

— Странно тогда, что ты оказался здесь. Мог бы пойти делать Скайлоны, греб бы деньги лопатой...

Я лишь усмехнулся.

— Ладно, не знаю насчет денег, но все-таки, почему не пошел?

— У меня был единственный шанс по-настоящему полетать. Очень скоро даже от пилотов-пастухов откажутся, и ничего лучше спортивного электролета у меня уже не будет.

— Сильное решение, — проговорил Хассан.

— Но ты абсолютно прав, — добавил я, — Сколько десятилетий военные провели в поисках двигателя, который мог бы работать на любой скорости? А создали его в итоге для космического корабля. Так что инженеру среди солдафонов и правда делать нечего.

Самолет тем временем взлетел, повернул на запад, и теперь использовал участок полета над материком, чтобы набрать высоту. Перелет занимал два часа, причем первый уходил на дозвуковой полет над континентом. Если стартовать, например, из Португалии или Франции, то добраться до США можно менее чем за час.

К концу второго часа самолет завершил маневр торможения, опустив нос, из-за передней кромки крыла показались очертания приближающегося города. Это действительно стоило увидеть своими глазами. Никакие меры изоляции, принятие в Европе, даже не приближались к заокеанским аналогам.

Гигантская платформа, на которой располагалась «привилегированная» часть города, опиралась на

крыши нескольких мощных зданий, растянутая над морем между островами Бостонского архипелага, прямо над развалинами старого города. Вода наступала на него со всех сторон, давно отрезав от материка и постепенно подкрадываясь к опорам платформы. На первый взгляд могло показаться, что этот архитектурный шедевр — попытка людей спрятаться от разгневанной стихии... Если бы. В первую очередь они прятались от других людей. Очень жаль, что мы уже привыкли к этой мысли и реагируем на нее без отвращения.

Какой-то европейский философ говорил: «Легче представить себе конец света, чем конец капитализма». Теперь нам не надо представлять ни то, ни другое — оба сценария нашли свою реализацию. Европа выбрала второй и перестроила экономику таким образом, чтобы все люди, включая тех, чьи рабочие места заняли роботы, имели приемлемый уровень жизни. Но США выбрали первый. Что означало превращение подавляющей части страны в пост-апокалиптическую пустошь. В которой до сих пор жили люди. Jenzeits

Мун и Алекс долго препирались с таможенниками по поводу чемодана, доверху набитого силовыми мечами. Внутри здания аэропорта смотреть было не на что; единственный интерес представляли панорамные окна, выходящие на город. Как я и предполагал, грациозно он выглядел лишь сверху. При взгляде сбоку было слишком заметно, на что опирались его ноги, а именно — на останки светлого и безмятежного прошлого. Я боялся представить вид снизу, но одновременно и хотел его заполучить.

В зоне отчуждения Чернобыля не работают больше двух недель — но не из-за радиации. Бродя по развалинам слишком долго, люди просто сходят с ума. Той же причиной ограничено время пребывания на Аравийском полуострове — несмотря на то, что из-за экстремально высокой температуры он даже опаснее, чем Чернобыль. А американцы построили новый город прямо поверх старого и вроде бы не комплексуют. Странно.

Я изложил эту мысль расположившемуся рядом Скотту. Тот понимающе кивнул и попытался сформулировать свою точку зрения:

— Часто понять процесс можно только после его прекращения. В местах, о которых говоришь ты, человеческая жизнь действительно прекратилась, и теперь они хранят огромное количество информации, которую многие предпочли бы никогда не узнавать. Тут же ситуация немного другая. Эта «постройка поверх» как бы дает возможность дистанцироваться от прошлого, и заодно от других неудобств. Заглушить сигнал фоновым шумом. Не знаю, понял ли ты что-нибудь...

— Да, вполне достаточно, — задумчиво кивнул я, уставившись невидящим взглядом в океан.

***

— Это еще более безнадежно, чем все, что мы делали прежде, — резюмировал Хьют, откинувшись на спинку кресла, — Что мы вообще планируем тут найти, учитывая, сколько народу уже потопталось на месте происшествия?

— Интерпол в Мальпензе был в аналогичной ситуации, — проговорил Алекс, но скорее как праздное

замечание, чем как весомый аргумент. Что не помешало Хьюту воспринять его серьезно и еще больше разозлиться:

— Да, и что, ты думаешь, мы *выиграли* от их открытия? Что противник был так любезен предоставить нам нужные данные в нужный момент? Да если это случится еще раз, я пакую чемоданы и еду обратно. Продолжать в таком духе просто опасно. Тем более что дело уже давно вышло из нашей юрисдикции.

— А что, если я скажу, что именно поэтому мы им и занимаемся? — внезапно спросил Мун.

— Все равно. Так далеко мы еще не заходили. Ты-то, может, и выберешься из любой петли, а вот насчет остальных я не уверен. И особенно насчет Стива, — ответил Хьют.

Мун отвернулся, и ответил чуть раздраженным голосом:

— Не делай вид, что ты не понимаешь, как это решение логически следует из всех предыдущих. Мы не пытаемся обеспечить безопасность. Мы выбираем меньшее из зол. Но я всегда готов рассмотреть лучший вариант.

Тем временем я лениво просматривал записи видеонаблюдения, качество которых оставляло желать лучшего. Изображение с некоторых камер периодически превращалось в шум и обратно, мешая понять, какие объекты на картинке движутся. И что-то в их мигании вызывало во мне беспокойство. Вспышки шума не были случайными. Более того, наблюдая за ними около минуты, я начал прослеживать закономерность.

Три короткие вспышки с малыми интервалами, затем три длинные с интервалами побольше, затем снова три короткие, затем длинная пауза. И снова — три коротких, три длинных, три коротких... Еще бы они меня не напрягали! Тренировка перед поступлением в ВВС все еще включала обучение базовым формам сигнализации, самая распространенная среди которых — азбука Морзе, и самая узнаваемая последовательность из которой — SOS. Сложно было ее не заметить.

Я указал на свое наблюдение остальным, и они тоже зачесали головы.

— Может, в том, на каких записях есть сигнал, тоже будет закономерность? — предположил через некоторое время Скотт.

— Это идея, — поддержал его Хассан, уже проходя по всем записям и отмечая интересующие нас.

— Теперь вопрос в том, кто здесь шарит в криптографии, — сказал он, закончив и спроецировав список на стену, — То есть, наверное, ко мне, но я пока без идей.

— Ну, это не то чтобы криптография, — задумчиво проговорил Мун, — что будет, если взять среднее по номерам помещений?

— Будет нецелое. А что мы, собственно, ожидаем получить? — поинтересовался Хассан.

— Ну, логично предположить, что вместе с запросом помощи должна идти информация либо об

угрозе, либо о положении запрашивающего. Более вероятно второе. Это могут быть либо координаты, либо адрес внутри города, или даже внутри этого комплекса. Для точных координат тут маловато информации. Следовательно, надо искать одно или несколько целых чисел.

— Я бы искал тут двоичный код, — сказал Алекс, — Вопрос в том, как именно он записан. Если считать, что номера помещений, в которых был сигнал — это позиции единиц или нулей, то получается несусветно большое число.

— А если упорядочить номера и рассматривать только те, которые у нас есть? — предложил Скотт.

— А откуда отправители сигнала могли знать, что они у нас есть? — возразил Хассан, но все-таки принялся набивать новый скрипт для проверки.

— Вообще говоря... Получается 1317, — заметил он через полминуты, — Это, по крайней мере, напоминает номер помещения.

— Покажи на схеме, — попросил Мун.

Следуя логике организации города, помещение 1317 должно было располагаться в глубине платформы, между ее опорой и башней научно-исследовательского отдела Бостон Динамикс.

— Интересно, почему у нас есть записи с камер здесь, — Мун ткнул в помещение справа от интересующего нас, — И здесь, — теперь слева, — Но в 1317 — нет? Я у них это спрошу.

Разговор был очень недолгим.

— «Нет камер в этом помещении», — пожал плечами Мун.

— Это же ложь? — спросил Скотт.

— Ну конечно. Во-первых, камеры тут есть везде. Во-вторых, там объем помещения — тысячи кубометров. Я так и поверил, что в нем ничего нет. Короче говоря, нас куда-то не пускают.

— Зато мы впервые занялись чем-то, похожим на расследование, — усмехнулся Алекс.

Ненадолго Мун погрузился в раздумья, а затем выдал свое решение:

— Надо разобраться. И желательно не создать себе еще больших проблем в процессе.

— Сможешь включить прокси в их охранную сеть? Тогда все остальное — дело техники, — сказал Хассан, — Я пока подготовлю канал для трансляции.

— А я удостоверюсь, что за нами прямо сейчас не следят, — добавил Скотт.

Мун кивнул.

Момент истины наступил уже через час. Мы все сгрудились вокруг Хассана, который с немислимой для меня скоростью набивал что-то в командной строке. Каналы камер почему-то нумеровались не

так, как помещения, и ему пришлось повозиться, чтобы добраться до нашей цели. Но когда он это сделал...

Хассан не включал звуковой канал, поэтому на несколько секунд в помещении повисла зловещая тишина — такая, что я мог слышать не только дыхание каждого члена команды, но даже завихрения воздуха в вентиляционной шахте. А потом сигнал оборвался.

***

— Да есть там провода, сами посмотрите! — Хьют неистово водил курсором вокруг какого-то пятна пикселей.

— Но провода еще ничего не означают, — заметил Габриель, — Их и к живому киборгу можно подключить. По-моему, куда важнее тот факт, что они плавали в жидкости. И больше всего она похожа на раствор, при помощи которого андроиды наращивают реалистичную кожу.

— То есть ты уверен, что это андроиды, — уточнил Мун.

— Да.

— Я вообще не понимаю, с чего вы так привязались к антропоморфности. США же не подписывали Гонконгскую конвенцию, здесь такие андроиды уже лет тридцать продаются, — заметил Скотт.

— Тогда объясните мне, как с этой гипотезой согласуется чертов сигнал, — уже начавшим срываться голосом потребовал я.

— А что, с альтернативной гипотезой он согласуется лучше? Как люди могли его отправить? — парировал Габриель.

— Через эти самые провода, например. Экзокортекс может считывать сигналы непосредственно с коры, необязательно физически двигать руками, чтобы с ним взаимодействовать.

— Ты сам-то веришь, что это могли сделать *они*? Сколько им лет по внешности?

— В диапазоне 14-18, — вздохнул Скотт.

Боковым зрением я заметил, что в этот же момент Мун с силой стукнул ладонью по стене, к которой только что прислонялся.

— Шпионский дрон, — объявил он, отняв руку и осмотрев то, что оказалось под ней, — Интересно, чей?

— Ну а чей он может быть, кроме Бостона? — спросил я.

— Так проблема в том, что Бостону они как раз не нужны. Они и так контролируют весь комплекс. Значит...

Мун ненадолго подвис, а затем начал собирать останки дрона в пакетик для вещественных

доказательств.

— Мы все равно не узнаем, чей он. Там все устройство кроме батарей и приводов на одном чипе, которому однозначно кранты, — заметил Хассан, прежде чем окунуться куда-то вглубь своего экзокортекса.

— Возможно, это такой намек... «У вас еще есть шанс сделать вид, что вы ничего не видели», — угрюмо заметил Скотт.

Мун поднял пакетик с дроном к свету и пристально его рассмотрел.

— Настройки доступа у нас не изменились, — сообщил Хассан, вынырнувший обратно в реальный мир, — Интересно, что бы это могло значить?

— Как будто кроме нас тут еще две фракции. Одна не возражает против нашего присутствия, а другая... И это только в верхнем городе, — проговорил Скотт.

— У нас есть легальные каналы для вскрытия этой опухоли? — осведомился я.

— Конечно, нет, — усмехнулся Мун, — Давить на совесть США — это оксюморон. К тому же, город принадлежит Бостон Динамикс в самом прямом смысле. Никто не может их ограничить.

— То есть копать дальше — на свой страх и риск? — уточнил я.

— Ага, — подтвердил Мун.

— Нет, вы всерьез это обсуждаете? Вам мало проблем, которые уже есть? — схватился за голову Хьют.

— Мы не уменьшим их количество, если будем бездействовать, — строго ответил Мун, — Если есть шанс узнать хоть что-то новое — им надо воспользоваться.

Повисло напряженное молчание.

— А знаете что, — встрепенулся вдруг Хассан, — Это все неплохо укладывается в общую картину.

Присутствующие развернулись к нему.

— Мы же все понимаем, каково назначение этих андроидов, если это именно антроиды? Просто есть лишь одна задача, для выполнения которой они должны быть максимально похожи на людей внешне. Так вот: эта похожесть не обязана ограничиваться телом. Их поведение тоже можно отрегулировать так, чтобы оно походило на человеческое. В том числе дать им возможность протестовать, — начал объяснять Хассан.

— Хочешь сказать, для удовлетворения садистских наклонностей некоторых индивидов «жертва» должна изображать, что что-то чувствует? — неуверенно спросил Хьют.

— Да почему сразу садистских? Даже наоборот, — возмутился Хассан. Затем он почесал затылок,

думая, как изложить свою мысль более понятно.

— Вы могли этого просто не замечать, — проговорил он наконец, — Но любовь в том смысле, в котором мы здесь ее понимаем — продукт человеческой, или даже западной, культуры, причем сравнительно недавний. Вообще, развитость любви в любом обществе в любой исторический период можно узнать, посмотрев на права женщин. Если любви нет, то мужчинам выгоднее относиться к женщинам, как к вещам, чтобы получать от них максимум выгоды. Но любить вещи мы не можем. Мы любим равных себе личностей, и хотим, чтобы они имели равные с нами права... Так вот, до совсем недавнего времени США были цивилизованной страной, и имели соответствующие отношения полов. Поэтому теперь им недостаточно гиноидов-кукол, как бы сильно они ни походили на людей внешне. Они хотят личностей. Причем ирония в том, что властью и деньгами они никогда не добьются того, чего желают в глубине души. Но это их проблемы. Применительно к нашей ситуации это означает, что производители гиноидов имеют экономический стимул для создания роботов, все лучше и лучше имитирующих людей в своем поведении. А этика... Учитывая, как они относятся к большей части населения своей же страны, этическое дистанцирование им привычно. Они могут вообще не осознавать до конца, что творят.

— Я понял, о чем ты, — вставил Алекс, — можно объяснить с другой стороны? — и, получив от Хассана кивок, принялся рассказывать:

— Это один из парадоксов свободной воли. Заключается он в том, что невозможно запрограммировать в творении любовь к творцу. Она должна быть осознанным выбором. А это значит, что любовь невозможна без свободы воли и сознания. Но это также означает, что хотя бы в принципе должна существовать возможность противоположного выбора. Которой, по-видимому, и воспользовались эти роботы.

— Если это не ловушка, — вставил Хьют.

— Ты полагаешь, что они обладают сознанием? — уточнил Мун, проигнорировав его реплику.

— Очень маловероятно, — ответил Алекс, — сознание требует сильного ИИ⁵, а его математически невозможно реализовать на классических автоматах. Если только они не придумали какую-то совершенно новую машину, во что лично я не верю. Свободу воли можно имитировать с хорошим уровнем достоверности — для их целей этого должно быть достаточно. Надо достать документацию, чтобы удостовериться. Или образец.

— Почему мы раньше не знали о существовании таких штуковин? — поинтересовался я.

— Может даже и знали... — ответил Алекс, — просто достаточно антропоморфный ИИ появился уже после начала их гражданской войны, а потом была подписана Гонконгская конвенция. Так что высококачественные гиноиды остались игрушкой для малочисленной местной элиты: во всем остальном мире они запрещены. Потому мы о них и не слышим. Но секрета они из этого, вроде бы, не делают. Тем более странно, что эти образцы от нас пытаются скрыть...

---

⁵ Сильным называется ИИ, способный решать все те же задачи, что и человек.

— О, посмотрите-ка, — подал голос Габриель, все это время изучавший сделанные фото- и видеозаписи, — Вот это никакой не провод. Знаете, что это?

— Ну да, толстоват для провода, — согласился Хьют, — а на что похоже?

— Это хвост. А вот это уши. Кошачьи, похоже.

— Ну... по крайней мере, теперь мы можем быть уверены, что это андроиды, — прервал Габриель повисшую на несколько секунд тишину.

— Что ж, моральную ответственность за бездействие это с нас снимает, — заметил Скотт.

— Не факт. Пусть выглядит оно не совсем как утка, но крикает именно так, — возразил я.

— Я связался с командованием, — объявил вдруг Мун, — И мы займемся этим вопросом. Хотя бы потому, что он может иметь прямое отношение к основному расследованию.

— И... как именно мы им займемся? — спросил я.

— Сейчас придумаем, — ответил Мун, и уже через минуту, выйдя из транса, принялся командовать, — Во-первых, разбиваемся на две группы. Первая идет разбираться, вторая остается и обеспечивает поддержку, а также охраняет Стива. Кандидаты в первую?

Скотт, Хассан, Алекс и Габриель подняли руки.

— Ясно все с вами. Со мной пойдут Скотт и Алекс. Большая группа будет недостаточно мобильной. Хассан остается за главного.

Хассан и Габриель пожали плечами, а Скотт и Алекс принялись судорожно обдумывать, на что они согласились.

***

С точки зрения случайного прохожего наша группа не должна была ничем выделяться: мы оставили мечи и надели более подходящую для города одежду. Разве что рюкзаки, набитые всевозможными «на всякий случай»-ами были для американцев нехарактерны. Мы не шли никуда конкретно, а просто следовали траектории, которая максимально усложнит наше отслеживание — что, впрочем, представлялось мне бесполезным занятием в городе, где на каждый квадратный метр смотрит хотя бы одна камера. На краю поля зрения у каждого из нас висел прямоугольник, передающий картинку с глаз Муна в реальном времени.

— Мы в нужном корпусе, — сообщил командир, — Держитесь поближе к опорным зданиям, из которых можно спуститься в старый город. Это хороший маршрут отступления.

Мун со своей группой вышли из лифта в какой-то темный коридор и неслышно побежали по нему вперед. Двери позади них закрылись. И неожиданно послышался голос Скотта:

— Пойдите.

Мун обернулся. Следователь показывал куда-то в темноту, справа от лифта. Никто, кроме него и командира, не видел ничего подозрительного, пока Скотт не пояснил:

— Когда мы вышли, там горела кнопка вызова.

Мун ничего не ответил, молниеносно выхватывая меч. А в следующую секунду его сигнал оборвался.

После мимолетного оцепенения Хассан чертыхнулся и ударил кулаком в стену, а затем выхватил Хеликс и прострелил ближайшую охранную камеру. Теперь приказ командира скрываться, поначалу казавшийся параноидальным, уже не вызывал ни у кого сомнений. Хотя мне все равно не верилось, что худшие опасения Муна оправдались.

— Здесь разделяемся, — быстро зашептал Хассан, — Стив — за мной, остальные — к другому опорному корпусу. Цель: старый город.

Хьют и Габриель тут же исчезли из виду, а я побежал за Хассаном вглубь здания, у входа в которое мы остановились.

41 этаж. Мы не могли бежать непрерывно, потому что перед каждым встречным прохожим нужно было замедлиться для минимизации подозрений, а каждую камеру аккуратно обойти, или хотя бы скрыть от нее лицо. Использовать лифт слишком рискованно. К счастью, поиск пожарной лестницы почти всегда был тривиальной задачей.

34 этаж. Хассан затормозил, прислушиваясь; затем повернулся, и без лишних комментариев бросился прочь от лестницы. На самом этаже тишину нарушала лишь вентиляция. Мы пошли на ее звук, вскоре наткнувшись на незапертый служебный проход, ведущий в вертикальную шахту с удобной лестницей.

28 этаж. На наше счастье, здание почти целиком состояло из служебных помещений, в основном связанных с водой: обслуживание приливной электростанции, очистка, опреснение и гидропоника. Как следствие, на нашем пути встречалось очень мало персонала, а роботы не обращали на нас никакого внимания. Но эта идиллия не могла тянуться долго: снаружи уже жужжала пара полицейских конвертопланов.

На этот раз, воспользовавшись рельсом грузового лифта гидропонной секции, мы спустились на 25 этаж.

— На противоположной стороне посадочная площадка, — заметил Хассан, — С одной стороны, стырить с нее что-нибудь летающее было бы очень кстати, с другой...

— Кто-то нас там уже ждет, — закончил я.

— Ты умеешь снимать блокировку управления с техники?

— В теории.

— Тогда есть смысл разделиться. Нам достаточно, чтобы один человек скрылся, так что это удваивает шансы. Давай налево — там нет лифта, — Хассан показал на застекленный коридор, идущий вокруг здания вдоль стены, — Не жди меня, если сам доберешься.

Я вздохнул и кивнул, понимая, что спор с профессионалом — худшее, что можно сделать в чрезвычайной ситуации, пусть Мун и не рекомендовал мне отбиваться от группы. Получив подтверждение, Хассан рванул с места и скрылся за поворотом. Спустя секунду я последовал его примеру, гадая, когда же наша удача закончится.

И она не заставила себя долго ждать. Я уже пересек значительную часть длинного прямого коридора, когда из-за поворота впереди вышли двое полицейских.

— Стоять, ни с места! — сразу же рявкнули они.

— Ми нон шпрехен инглиш! — я попытался задержать их, пока перебирал в воображении способы выйти сухим из воды.

Механика движения полицейских подсказывала, что они не киборги. Это еще не означало, что с ними можно драться, но...

— Хорош дурака валять, — прикрикнул один из противников, поднимая пистолет. Я и так догадывался, что вся информация обо мне у них уже есть. Нужно было лишь выиграть секунды на зарядку конденсаторов...

Время снова замедлилось — не так сильно, как в прошлый раз, но достаточно, чтобы уверенно координировать движения. Я рванул вперед с такой скоростью, что едва не вырвал собственные внутренности инерцией; проскочил между полицейскими, подцепляя руками их голени, и, прежде, чем они упали, уже добрался до прямоугольного поворота коридора. Чтобы повернуть, я схватился за ручку какого-то служебного люка, торчащую из стены. Та, вполне закономерно, оторвалась, вынудив меня врезаться в стеклянную стену и использовать для поворота ее. Тем временем сзади уже сыпались проклятия. За долю секунды до того, как скрыться из зоны досягаемости полицейских пистолетов, я ощутил толчок влево. В тот же момент, с неразличимой для нормального человека задержкой, громыхнул выстрел. Подсознательно я записал в память вывод: пуля задела рюкзак. Но к тому моменту мое внимание уже было сосредоточено на новом препятствии.

О-оу. Я все-таки недооценил американцев. В двадцати метрах дальше по коридору стояла целая Мантикора — миниатюрный городской танк, непонятно каким образом забравшийся в такое помещение. Четыре ее гусеницы были развернуты в стороны, формируя рудиментарные, но проворные ноги, полностью перекрывающие коридор; а поднятая на манер скорпионьего жала пушка блокировала возможность перепрыгнуть.

С другой стороны, сколько танк ни модифицируй, его главной слабостью всегда будет неповоротливость в сравнении с человеком. И я рефлекторно знал, как ее использовать. Вместо того, чтобы бежать прямо после поворота, я добавил еще 60 градусов и метнулся к противоположной стене, используя любую возможность для увеличения своей угловой скорости относительно

Мантикоры. Шаг по одной стене — пара шагов по полу — шаг по противоположной стене, каждый в новом направлении. Поначалу тактика работала безукоризненно: прицел танка вращался из стороны в сторону, не в силах предсказать траекторию моего движения.

Но, когда между нами осталась лишь треть первоначального расстояния, вражеский ИИ принял какое-то решение. Вместо того, чтобы направить пушку в мою сторону, он оставил ее повернутой в сторону левой, стеклянной стены. Я заметил это, лишь когда оттолкнулся от правой и уже неумолимо неся в противоположную сторону. Впрочем, я все равно не успел бы разгадать план танка вовремя. Он больше не пытался поймать в прицел *меня*. Вместо этого он вычислил, от какого стекла я собираюсь оттолкнуться, и выпустил в него снаряд, оказавшийся по какой-то причине бронебойным (Не успели зарядить что-то более подходящее? Боялись, что фугасный разрушит здание?). Сам выстрел не нанес мне никакого вреда, но теперь вместо того, чтобы оттолкнуться от стены, я пролетел через дыру в ней, обнаружив себя на высоте более ста метров над поверхностью океана.

chapter[6] = "Deus ex machina"

Погрузившись в ледяную воду, я не прекратил падать. Просто теперь процесс назывался иначе: я тонул. Механические конечности позволили избежать повреждений при падении, но они же теперь представляли основную опасность. Как и у большинства киборгов, плотность моего тела превосходила плотность воды, и, даже активно гребя, я не смог бы компенсировать эту разницу. Единственный способ выбраться — надувной отдел рюкзака, предназначенный именно для таких ситуаций.

Я быстро нашел соответствующую петлю и дернул ее. Сзади послышалось шипение, но вместо того, чтобы надуться, рюкзак лишь выпустил облако пузырей к медленно удаляющейся поверхности воды. Этого я и боялся: надувная камера была пробита.

Я мягко ударился о дно на глубине пяти-шести метров. Насколько я мог видеть через толщу воды, берег представлял собой отвесную скалу, взобраться по которой обратно за разумное время не представлялось возможным. Мышцы намертво свело от холода. Кислород в легких подходил к концу. Позвать на помощь нельзя — радиоволны не проходят через морскую воду. По всей видимости... это конец. Оставалась лишь призрачная возможность, что кто-то вытащит меня в течение нескольких минут, уже без сознания. На этот случай я заблокировал все дыхательные мышцы в надежде хотя бы сохранить легкие, которые иначе наполнятся водой. Больше мне не оставалось ничего. Я уже чувствовал, что задыхаюсь...

И неожиданно это чувство исчезло. В то же время загорелся индикатор внутренних аккумуляторов — то есть, они разрядились.

Сколько бы логических нестыковок не содержала моя история до этого момента, теперь все они выглядели ничтожными. Сперва я подумал, что это предсмертная галлюцинация, но, посидев некоторое время в нерешительности, отказался от такой идеи. Тем временем мое сердце остановилось, и я перестал ощущать туловище. Но двигаться и думать мне это, кажется, не мешало. Только поднимать руки без грудных мышц не очень получалось.

Ладно, здравый смысл, иди к черту. Если представилась такая возможность — надо выбираться отсюда, а обдумать произошедшее можно потом.

Я медленно поднялся на ноги и огляделся, насколько прибрежная вода позволяла это сделать. Как и ожидалось, стоял я на улице бывшего города. Со всех сторон возвышались жутковатые скелеты зданий, еще не успевшие скрыться под слоем морской живности. Большинство из них обрушилось, лишь немногие доходили до поверхности. Очертания дорог еще просматривались, хоть сами они и были завалены мусором. Как кстати пришелся бы сейчас GPS...

Но придется обойтись собственной логикой и компасом. Для начала, нельзя выбираться в том же районе, откуда я упал: меня обнаружат, и вряд ли это улучшит ситуацию. В этом смысле даже хорошо,

что рюкзак не сработал. Далее: город здесь и над водой — один и тот же, значит, должно найтись достаточно дорог или лестниц, ведущих вверх. Надо лишь идти вдоль берега примерно на запад: там находится центр старого города, то есть больше возможностей подняться и спрятаться.

Сказать это оказалось легче, чем сделать. Окрестность берегового уступа была завалена торчащей во все стороны арматурой, которую прибор бережно собирал годами. Еще я обнаружил, что в движении заряд аккумулятора расходуется в 3-4 раза быстрее, а кроме него... Кстати, кроме него есть еще две запасные батарейки. И их даже не законотило. Больше в рюкзаке не осталось ничего полезного, так что я выбросил его для экономии энергии. О дальнейших превращениях этой энергии я старался вообще не думать, ограничиваясь лишь элементарными физическими соображениями: чем меньше масса, тем меньшая работа требуется для ее подъема. Рельеф дна помогал мне отвлечься, заставляя концентрировать на нем все внимание.

Внешние батареи довольно быстро вернули мой собственный заряд к 100% и поддерживали его несколько минут. Как только зеленая полоса снова поползла вниз, я отсоединил их и также выбросил — что, конечно, было грубым нарушением экологического законодательства.

Планировка города не оправдала моих ожиданий: первую лестницу я нашел лишь на двадцатой минуте пути, и до нее еще нужно было добраться через рыхлые завалы приливного мусора. Мне пришлось забраться на второй этаж ближайшего здания и прыгнуть, неистово гребя воздушными рулями, чтобы не упасть на торчащую внизу арматуру. К счастью, лестница была каменной: металлическая бы не выдержала моего веса, пробив в соленой воде столько лет. С другой стороны, камни за то же время покрылись скользкими водорослями, и на подъем ушла уйма времени. К моменту, когда моя голова, наконец, вынырнула на поверхность, в аккумуляторах оставалось лишь 19% заряда. Что случится, когда он закончится? Я все-таки умру?

Я ненадолго остановился, чтобы отправить Муну свои координаты вместе с сообщением «на помощь, срочно». Я был глубоко убежден, что командир не только выкарабкается из собственных неприятностей, но и вытащит отсюда меня — ну, рано или поздно. Теперь следовало найти место, пригодное для эвакуации. В узких уличных проемах старого города никакой летательный аппарат не сможет спуститься к земле. Надо найти место почище. Или повыше.

Все еще пытаюсь сконцентрироваться на задаче, я добрал до ближайшего здания, с трудом схватился за оконную раму, подтянулся и аккуратно втащил себя внутрь через давным-давно разбитое стекло. Хоть внутри строение и было завалено обломками, пробираться через них на суше куда проще. Я нашел лестницу, поднялся на верхний этаж и выбрался на крышу через одну из многочисленных дыр в потолке.

8%

После отправки обновленных координат мне оставалось только ждать. И здесь началось самое страшное — решение очередной головоломки.

С точки зрения физики, единственный источник энергии во мне — аккумулятор. Значит, все это время

за счет него работает весь мой организм. Точнее, не весь — туловище, да и кожа головы, уже посинели, не ощущаются и явно не функционируют. При этом я еще могу изгибаться — видимо, за счет силовых приводов, встроенных в позвоночник. Они, как и конечности, механические, так что подозрений не вызывают. *Но как, черт возьми, еще работает мозг?*

Как можно конвертировать электроэнергию в глюкозу и кислород? Либо с использованием растений и цианобактерий, которых на мне однозначно нет, либо при помощи синтезаторов, самые продвинутые модели которых весят не меньше меня самого. И, если я ничего не пропустил в рассуждениях, вывод может быть только один...

Гипотеза самозванца была-таки верна. Причем в форме настолько гротескной, что никому из нас не хватило фантазии даже предположить ее. Конечно же, если требуется скопировать человека, гораздо проще сделать соответствующего *андроида*. Заложить ему искусственные воспоминания, обернуть в человеческую плоть в качестве маскировки и биореактора...

Это многое бы объясняло, если бы не одно «но». Я мыслю. Я осознаю себя. Даже вижу сны. Следовательно, я не могу быть роботом. Или, быть может... Все роботы осознают себя? Или не все, а только достаточно продвинутые? Это было бы чертовски неприятно с точки зрения этики.

6%

Новая гипотеза вызывала у меня крайне смешанные чувства. С одной стороны, вот оно — решение, которое я так долго искал. Недостающее звено, связывающее воедино если не всю историю, то хотя бы ее основные странности. С другой — что это значит для меня? Что я теперь — меньше, чем человек, или больше?

Я знаю только один способ проверить это. Тест Пенроуза. Разработанный через многие годы после смерти самого Пенроуза, он стал заменой теста Тьюринга, который сегодня может пройти даже кофеварка. Новый тест пока не осилил ни один компьютер, однако его критики указывают на запредельное число ошибок второго рода — многим людям он также не по зубам. В любом случае, на прохождение теста мне уже не хватит энергии.

5%

Меня начинало клонить в сон. Не исключено, что это просто оформление перехода в режим строгой экономии. Что будет, если спасатели найдут меня без сознания? По всем внешним признакам можно будет заключить, что я уже давно мертв. Как они поймут, что произошло?

Быстро обдумав возможные решения, я достал нож и принялся вырезать на ближайшей ровной поверхности надпись: «Сначала подключите электричество». Немного подумав, добавил стрелку и сел прямо напротив ее конца. Затем снова встал и дописал сбоку: «я не шучу».

3%. Я уже не пытаюсь шевелиться. Глаза, кстати говоря, не закрываются — веки тоже перестали работать — но сознание готово отключиться в любой моме...

***

Возвращение тоже ничем не отличалось от обычного пробуждения. Разве что просыпаться с уже открытыми глазами оказалось непривычно. Я услышал холостое шуршание электродвигателей и чей-то разговор, который пока не мог воспринять. Хотя глаза еще не начали фокусироваться, я видел индикатор заряда: анимация указывала, что подключен внешний источник питания. Еще не осознавая ситуации, я произвольно попытался принять более удобное положение. И сразу же пришел в себя от испуганного возгласа и потока семиэтажного мата прямо над своей головой.

Я приподнялся в полусидячее положение и взглянул на окружающих людей. Их было всего двое: Мун и Габриель. Оба были в, мягко выражаясь, шокированном состоянии: выпучили глаза и потеряли дар речи. Габриель побледнел, Мун оказался выше этого. За несколько секунд напряженного молчания я восстановил в памяти предшествующие события и понял причину реакции команды.

К моему правому плечу был подключен силовой кабель, а на грудь наклеены датчики прибора полевой диагностики. На его дисплее справа от букв «HR», обозначающих частоту сердцебиения, светилась цифра 0. Цвет своей кожи я уже и не пытался описать.

Первым опомнился Мун.

— Это действительно ты? — с тревогой и подозрением спросил он.

Тут-то я и осознал, что говорить без дыхательных мышц не получится. Гортанный нерв, с которого мог бы считать сигнал экзокортекс, тоже не работал.

Я усиленно закивал головой, уже догадываясь, к чему клонит Мун — не заменили ли мне мозг *сейчас?* — а затем изобразил все известные мне жесты, несущие общий смысл «ничего не знаю». Параллельно я установил прямую связь с коммуникатором Муна и подключил виртуальную клавиатуру. Как бы странно не выглядело общение по радиоканалу с человеком в метре от себя, других способов у меня не оставалось.

— Знаю не больше твоего. Сам в шоке, — начал я.

— Просто чтобы быть уверенным: мои последние слова, дошедшие до тебя? — Мун все-таки не верил мне на слово.

— Что отступить надо в старый город, — ответил я, недолго думая.

— Да, верно... Извини. Что ж, теперь я тоже в шоке. Официально.

— Что происходит-то? — поинтересовался, наконец, Габриель. В ответ Мун просто подключил его к нашей беседе и продолжил:

— Тебе нужна реанимация?

— Очень.

— Мун перелез в переднюю часть салона и потыкал панель управления. Электролет поспешно вспорхнул, и на максимальной тяге понесся в сторону платформы. Габриель тем временем достал ящик с медицинским инвентарем.

— Я правильно понял, что ты сейчас работаешь на одном электричестве? — спросил он. Не будь моя голова занята совершенно другими мыслями, я бы вновь подивился его способности схватывать суть дела на лету.

— Похоже на то.

— То есть, либо ты...

— Да, я уже это обдумал. Есть лишь один способ понять, кто я, — написав это, я показал на свой затылок. Мун покачал головой, догадываясь, к чему я клоню.

— Сколько времени ты... биологически мертв? — спросил Габриель, проигнорировав последний комментарий.

— Практически с того момента, как разошелся с Хассаном. Около двух часов.

— Я, честно, понятия не имею, что делать в такой ситуации. Так что ждем до города. Пять минут уже не сыграют роли.

Тем временем Мун связался с оставшейся командой:

— Скотт, Хьют, кто там у вас еще на ногах... Нужны интегрируемые модули экстренного жизнеобеспечения, форм-фактор М³, для рук и ног. Кислород и артериальные мультиплексоры, да. Немедленно. Нет времени объяснять. Да, жив. Все, за работу.

— А правда, зачем? — спросил я.

— Это я придумываю, как мы будем объяснять местным врачам, что произошло, — пояснил Мун.

— А, то есть ты готовишь легенду, что экстренное жизнеобеспечение у меня было изначально? — уточнил я.

Командир кивнул, но его следующие слова адресовались уже не мне:

— У нас большие неприятности. Нужна эвакуация, пока проблема не доросла до международного уровня. Да как угодно, главное — быстрее. Подробности опишу, пока будем лететь обратно, сейчас есть дела поважнее. Да, спасибо за понимание.

***

В местной больнице я оказался одновременно подключен к электросети, внутривенному питанию, аппаратам искусственного дыхания и кровообращения. Тут американское отношение «любой каприз за ваши деньги», вообще говоря, совершенно неуместное в медицине, сыграло нам на руку. Лишних вопросов никто не задавал. Едва обалдевшие врачи ушли совещаться, я, невзирая на неудобства,

заялся тестом Пенроуза. К счастью, ученым удалось исключить из теста человеческий фактор, сведя его к своеобразной онлайн-игре, которую можно проходить снова и снова. Чем я и занимался.

Тест не выявил абсолютно никаких отклонений. Чем больше данных получала система анализа результатов, тем глубже утверждалась в моей человечности. Или, если точнее — в том, что мои способности ни в чем не уступают человеческим. Именно это проверял тест Пенроуза.

Меня это не успокоило. Результат лишь сильнее запутывал загадку. Будь он отрицательным — это объяснило бы все от начала до конца. Пусть правда и оказалась бы для меня смертельным ударом, я бы мог закончить ее поиски. Но реальность продолжала жадно держаться за свои тайны, все выше и выше возводя градус абсурда.

Постепенно мое тело оживало. Это сопровождалось ощущениями, похожими на уколы. Немного понаблюдав за ними, я отрегулировал позвоночник так, чтобы иметь лишь общее представление о происходящих внутри процессах. Кардиограф, наконец, выдал что-то, отличное от прямой линии, и система искусственного кровообращения притихла. Значок аккумулятора погас, и на меня навалилась беспрецедентная усталость.

***

Мое поле зрения застилала желтоватая дымка. Не то чтобы она была густой — скорее, видеть за ней было нечего. Высокая степная трава вокруг могла простираться на многие километры в любую сторону. Так что надо было найти другой способ ориентироваться.

Я прислушался и не услышал ничего, кроме вялого стрекотания насекомых. Принюхался... Да, вот с этого следовало начинать. Оказывается, я мог с нечеловеческой точностью различать запахи и даже приблизительно определять, с какой стороны они пришли. Фоновый сигнал — полевые цветы, понятно, всюду. Слабый запах гари — где-то далеко горит растительность. Но самый слабый, и, одновременно, самый настораживающий сигнал...

Запах смерти. В основном состоящий из продуктов разложения, но с примесью свежей крови. Такой запах был бы закономерен для поля продолжительной битвы, но мог иметь и более банальный источник. Что ж, лишь один способ узнать...

Первый источник сигнала нашелся довольно быстро. Навстречу мне из тумана вышел мужчина с южноазиатскими чертами лица, одетый в зеленый халат. Смотрел он вперед, но не на меня: то ли его зрение уже не работало, то ли я был для него невидим. Его лицо выдавало признаки истощения. Каждый следующий его шаг был медленнее предыдущего. Вскоре он остановился и закашлялся, орошая траву перед собой кровью; затем сделал еще пару неуверенных шагов и рухнул на землю лицом вниз. Я не стал задерживаться и осматривать его, а просто прошел дальше.

Из его внешности, окружающего ландшафта и положения солнца на небе я уже мог сделать вывод, что нахожусь либо в Монголии, либо в Казахстане, либо в юго-восточном регионе России (впрочем, сейчас все эти территории уже принадлежат Китаю). Я произвольно начал формировать свою гипотезу о причинах увиденного. А может, кто-то незаметно подсказывал ее.

Я перевалил холм, и передо мной, наконец, предстал основной источник сигнала. Небольшой поселок городского типа посреди степи. Для простоты будем все-таки считать его городом. Я остановился и принялся рассматривать его, используя свое необычайно острое зрение.

С первого взгляда уже можно было заключить, что причиной происходящего была не война. По крайней мере, не в обычном понимании. Не наблюдалось ни оружия, ни техники, ни какой-либо координации чьих-либо действий; однако, значительная часть домов была сожжена, а на обочинах дорог можно было рассмотреть несколько неподвижно лежащих тел. Я начал догадываться, с каким врагом столкнулся город. С тем, которого нельзя ни убедить, ни убить, ни даже увидеть.

Какой-то человек, перевязавший рот платком, еще сохраняет остатки здравого смысла: он стаскивает уличных мертвецов в кучи и сжигает их. Но не все способны оценить его рассудительность. Какой-то дурень подходит сзади и со всей силы ударяет его по голове дубиной. Смышленный человек присоединяется к уличным мертвецам...

Спустившись, я быстро убедился, что горожане меня не видят. Интересно, а я сам могу с ними контактировать?

Я выставил вперед руку, преграждая путь бегущей куда-то женщине. Соприкоснувшись со мной, она исчезла, и в тот же момент перед моим внутренним взором предстала модель чужого сознания, разобранный на висящие в воздухе детали, словно механизм. Структура очевидно синтетическая, упрощенная — в противном случае у меня не было бы и шанса узнать что-то из хаотического переплетения воспоминаний. Здесь же я без труда выделил фрагменты, имеющие отношение к развернувшейся снаружи сцене. И среди них ярким сиянием выделялась простая мысль...

«За что?»

Исчезновений своих сограждан окружающие также не замечали. Значит, в этот раз я никак не могу повлиять на происходящее. Остается лишь наблюдать... И учиться. Да, учиться — вот для чего предназначались все эти, казалось бы, бессвязные и бредовые истории. Каждая из них строилась вокруг какой-то идеи, или просто эмоции, которую я должен был ухватить. Наяву я бы задался вопросом, кто и зачем помещал меня в эти истории, но во сне казалось, что это не имеет значения — надо просто расслабиться и позволить течению нести меня. В конце концов, это всего лишь сон.

Поглотив еще пару жителей, я сложил законченную картину происходящего. Город существовал за счет животноводства — преимущественно мясного. И 21 век атаковал его сразу с нескольких сторон. Идеальные условия для передачи инфекций от животных человеку встретились с концом эры антибиотиков. Полная зависимость людей от климата встретила с его резким изменением: в какие-то годы степь благоухала, но в другие обращалась в пустыню. Образ жизни, веками казавшийся надежным как скала, в действительности был лишь карточным домиком. Но думать о приспособлении уже поздно. Этот город, как и тысячи других по всему миру, обречен. При взгляде свысока казалось, что того он и заслуживает, будучи построенным на крови. Но вблизи...

По сравнению с этой ситуацией настоящая война была бы благом. Даже при том же конечном итоге

— всеобщей гибели — она было бы куда гуманнее. И, в отличие от войны, все это можно было предсказать за десятилетия — а значит, и предотвратить. Так что же произошло? Нельзя сказать, что люди, распределяющие ресурсы на верхах, не были заинтересованы в судьбе этого конкретного города и потому бездействовали — те же проблемы ударили и по ним, пусть и другими углами. Точно так же нельзя сказать, что они не знали, что делать.

Из отдаленной части меня всплыл фрагмент некогда услышанного разговора. *«Идет Вторая мировая. Вы — гражданин какой-то абстрактной демократической европейской страны...»*

***

Отдых помог мне навести некоторый порядок во впечатлениях и теле. Все его органические составляющие болели на разные лады: мышцы, казалось, были утыканы тысячами иголок; легкие будто порвались на мелкие клочки, и все тело сковывал сильный озноб. Тем не менее, ясность мышления полностью восстановилась.

От искусственного кровообращения я успешно избавился. Врачи пообещали, что организм полностью регенерирует, так как большинство органов не успело пострадать. Проблемы намечались только с легкими: мои предосторожности не спасли их от морской воды, и она успела нанести значительные повреждения. Аппарат искусственного дыхания — к счастью, портативный — продолжал подавать в них очищенный и обогащенный кислородом воздух, чтобы компенсировать сниженную эффективность.

В таком состоянии мне и предстояло возвращаться в Европу. Механические конечности вновь вырвали: без них меня бы пришлось нести. Вместо этого мы быстро добрались до посадочной площадки на крыше и загрузились в электролет одного из европейских посольств, по счастью оказавшегося в Бостоне. Тот перелетел в гавань и пристыковался сверху к транспортному гидроплану наших ВВС, который уже давно качался на волнах в отдалении от берега.

— Я понимаю, что это будет неудобно, но сначала мне нужно выслушать всю твою историю еще раз, максимально подробно, — сказал Мун, как только самолет взлетел.

Я обреченно кивнул, включил виртуальную клавиатуру и принялся печатать — голос пока работал очень плохо. На все ушло не меньше получаса, но командир терпеливо ждал.

— Ясно... У тебя есть гипотезы без сильных логических нестыковок? — спросил он, когда я закончил.

Я покачал головой.

— У меня тоже. А Алекс вообще волосы на себе рвал... Тест Пенроуза ты прошел?

Я кивнул.

— Ты уже, наверное, догадался, из-за чего я вообще втянул тебя в эту историю? Первые подозрения возникли, еще когда я интересовался тобой как свидетелем. Сначала менее надежные источники передали мне, что ты мертв, но в официальной базе данных твой статус так и не изменился. Я уже

было решил, что произошла ошибка, но вспомнил эти подозрения, когда увидел, как ты от меня защищаешься. Ни один человек, рожденный естественным путем, в принципе не может так двигаться. Я поначалу предположил, что у тебя тоже химическая модификация мозга, и заинтересовался, так как был уверен, что тридцать лет назад подобные наработки были только у Китая.

— А твое нападение? — спросил я.

— Все-таки было случайностью. Я и узнал тебя не сразу, помнишь?

— Верно... Ладно, ну а с вами что случилось? Ты же не из-за меня эвакуацию запросил?

— Ты хорошо помнишь события непосредственно перед тем, как мы растерялись?

— Вполне. Провалов нет.

Тогда лучше просто посмотри запись, — сказал Мун, отправляя мне видео.

***

Сперва я подумал, что человек напротив камеры, держащий перед собой меч в предупреждающей позиции — Мун, но сразу же вспомнил, что камера и есть его глаза. Кажущийся парадокс легко разрешался предположением, что перед Муном стоял другой Непобедимый. Кроме того, он был одет иначе и окружен боевыми роботами узнаваемой Бостонский компоновки. С видимым трудом экзокортес нашего командира распознал лицо незнакомца. Через пару секунд после начала записи Фай Чинг ухмыльнулся и проговорил:

— Надо же, джедаи проникли на звезду смерти. Мог ли сюжет в принципе развиваться иначе?

Мун держал свой меч в аналогичной позиции — параллельно полу на уровне лица. Он пытался не терять противника из виду и одновременно осматривался вокруг. Глазная оптика сильно искажала очертания объектов, не находящихся в фокусе, и я мог быть уверен лишь в том, что место действия — крупное, тускло освещенное помещение, явно не 1317. Я практически слышал, как трещит мозг Муна, спешно подыскивая подходящий ответ.

— Не намереваешься ли ты подыгрывать под сюжет? — усмехнулся он.

— Отнюдь. Аналогия была более поверхностная.

— Тогда могу я поинтересоваться, к чему весь этот фарс? Закон жанра требует, чтобы объяснения предшествовали действиям.

Непобедимые синхронно опустили мечи, но пока не убрали их из рук.

— Знаешь, я думал задать тебе тот же вопрос, — ответил Фай. Он, похоже, наслаждался попытками бывшего товарища выкарабкаться из ловушки. Дав ему достаточно времени, чтобы разозлиться от бессмысленности полученного ответа, он внес уточнение, — Что за игру ты тут ведешь? Почему одно

твое присутствие работает как волшебный ключик к самым безнадежным загадкам? Будто бы улики сами вылезают на тебя посмотреть. Что, я для них менее привлекателен?

— Прежде, чем шутить, удостоверься, что собеседник разбирается в предмете шутки, — прищурился Мун, — Я, например, понятия не имею, о чем речь.

— Ну почему же, — Фай неуклюже изобразил разочарование, — Как иначе ты объяснишь свое присутствие здесь?

— Здесь — это в стране или в этом конкретном месте?

— Оба. Сначала ты обнаруживаешь связь Бостон Динамикс с инцидентом в Милане, а потом и наш маленький секрет. Каким образом?

— Не так быстро. Первый вопрос решили не мы, а Интерпол...

— Строго в момент вашего появления?

— Немного раньше, если быть точным.

— Но почему-то не в предшествующие две недели. Думаешь, есть люди, которых это не настораживает?

— ...А для решения второго вопроса нам выдали все данные. Если ваши копы сделали это по ошибке — это их проблемы, а не мои.

— В том-то и дело! Переданные вам записи не совпадают с тем, что хранится в архивах полиции. На каком-то этапе они были подменены.

— Так, может быть, их подменил ваш «маленький секрет»? Почему сразу мы?

— Исключено, — отрезал Фай, — Даже будь это возможно программно, из 1317 нет доступа ни к какой сети. А войти и выйти физически можно только через охрану во главе со мной.

— И все же, не преждевременно ли выводить закономерность из двух слабо связанных событий?

— Не учи меня математике. Будь каждое из этих событий вероятным само по себе — мы могли бы списать все на совпадение. Это не тот случай.

— А на что еще их можно списать?

— Вот именно это я и хочу узнать, — ответил Фай, убрав меч в ножны и скрестив руки на груди.

— Я понимаю, что ответ «без понятия» тебя не удовлетворит, — проговорил Мун, повторив движения противника, словно зеркало. Если точнее, их движения были абсолютно синхронны, так что нельзя утверждать, что кто-то за кем-то повторял.

— ...Но что, если другого у меня нет? — закончил предложение Мун.

— Что, если никто кроме меня не выйдет из этой комнаты? — Фай ответил бесстрастно, но почему-то на секунду прервал зрительный контакт.

— Полагаю, ты нарвешься на масштабные неприятности, — ответил Мун, изо всех сил поддерживая самоуверенный вид.

— Если ограничусь вами — да. Но когда мы поймаем всех твоих подчиненных...

— *Если* поймаете, — усмехнулся Мун.

— О, не сомневайся. В этом городе прятаться негде.

Фай не только имел преимущество в виде грубой силы роботов, но вдобавок оттеснял Муна на его собственном поле — в переговорах. И наслаждался этой ситуацией. Чтобы добавить соли на рану, он спросил:

— Если уж на то пошло... Может, я и впрямь спрашиваю не того человека? Может, стоило сначала притащить сюда того, с чьего появления начались все неприятности?

Он, конечно, подразумевал меня.

Вопрос был риторический. С точки зрения Фая, Мун был загнан в угол и должен был за ограниченное время выложить на стол все свои карты, либо сойтись с ним в заведомо проигрышном бою. Но сам Мун видел ситуацию иначе.

И первым делом он перевернул свои ножны, позволив мечу со звоном упасть на землю. Поднять его из такого положения за разумное время будет невозможно. Кто-то усомнится в тактической обоснованности этого действия, но для меня мотивы командира были прозрачны: бросая оружие, в любом случае бесполезное, он смягчает противника перед реальной атакой.

— Позволь уточнить мотивы твоего любопытства, — проговорил Мун, — Ты хочешь докопаться до истины или, наоборот, сохранить в тайне свои собственные дела?

— А если я откажусь от ответа, ты автоматически предположишь второе? — рассмеялся Фай, — Тогда можешь считать оба варианта верными. И не только их.

— Интересно. То есть, метафора, с которой ты начал, появилась не на пустом месте? Ты сам понимаешь, что делаешь что-то нехорошее?

— Кто мы, чтобы судить, что хорошо и что плохо? В наше время это нетривиальный вопрос даже для нормального человека. Нам ли прикидываться хорошими парнями, после всего, что мы сделали?

— Должно быть, удобно прикрываться прошлым, чтобы ничего не делать в настоящем, — иронично заметил Мун, — Принять уготованную тебе роль и не дергаться.

— Если единственная альтернатива — отрицание реальности, то да, я предпочту эту роль. Она многое мне дает. Но ты, вместо того, чтобы гордиться и пользоваться ей, лезешь в непроходимые дебри,

которые нивелируют все твои преимущества. Ты хоть раз видел войну, выигранную без применения силы? Нет, потому что это абсурд с чисто математической точки зрения. Теория игр не допускает такой возможности.

— Потому что определение победы в реальной жизни сложнее, чем в теории. Ты привык рассматривать всю жизнь как игру с нулевой суммой, и я могу понять, почему. Но к чему тебя приведет такое отношение? Предположим даже, что ты никогда не проиграешь. Весь выигрыш в мире — твой. И что ты будешь с ним делать? Сидеть на горе золота и любоваться им? Это чистой воды безумие.

— Ты неправ в отношении моих взглядов, но допустим. А что с тебя? Ты отказываешься признавать, что игры с нулевой суммой вообще существуют. Но проблема в том, что в поговорке «и овцы целы, и волки сыты» есть еще третья часть.

— Нет уж, проблема с ней начинается куда раньше. Сама аналогия некорректна. Овцы и волки не могут менять свои роли, в отличие от людей.

— Если мы все еще о теории игр, то такое маловероятное событие, как пересмотр человеком его роли, вообще не должно учитываться в модели как решение.

— Почему-то, когда за дело берется профессионал, эта вероятность резко возрастает.

— Да, тут есть, над чем задуматься. Вот ты, Пирсон, не расскажешь, что он тебе наплел? — Фай неожиданно обратился к Скотту, до этого усиленно хранившему молчание. Тот долго обдумывал ответ:

— Что для тебя победа? Какова конечная цель твоих действий?

— А ты уже не помнишь? Когда-то мы ее разделяли. Абсолютная свобода.

— Значит, наши цели перестали совпадать. Все просто.

— Все началось с того, что ты забыл определение, — Мун перехватил инициативу у своего подчиненного, видя, что его голос едва заметно дрожит, — Свобода одного кончается там, где начинается свобода другого. В противном случае это уже право сильного. Которым ты сейчас и пользуешься.

— Нет уж, сейчас *вы* вперлись на *мою* территорию, и я считаю себя вправе постоять за собственную свободу — по твоим же собственным критериям.

— Свободу делать *что*?

— Свободу не объяснять каким-то случайным прохожим, что я делаю.

— Давай рассмотрим два возможных сценария. Первый: все, что ты делаешь, нормально. В таком случае нам следует просто разойтись. Второй: твои действия нарушают чью-то свободу — скорее всего, кого-то слабого. Тогда получается, что твоя цель противоречива: абсолютная свобода одного

достигается нарушением свободы других. Или у тебя есть способ обеспечить свободу слабым, не ограничивая сильных?

На самом интересном месте Фай вдруг приложил палец к уху, прищурился, пробормотал что-то заведельно ядовитое, и, наконец, разочарованно вздохнул.

— Я не очень хочу это признавать, но наша доблестная полиция все-таки ухитрилась растерять остатки твоего отряда, — он виновато развел руками, — Так что я действительно не вижу смысла продолжать диалог. Можешь отправляться на поиски сам. Мне даже интересно, получится ли их разыскать у тебя.

— Мне не менее интересно, сможешь ли ты докопаться до дна этой кроличьей норы. Расскажешь, что найдешь, окей? — добродушным тоном парировал Мун. Даже по записи чувствовалось, что с плеч командира свалился Эверест.

— Не пойми меня неправильно. Это не твоя победа, а наш промах, — пригрозил Фай, — И, если хочешь убраться из страны не по частям, делай это в ближайшие сутки. Поскольку добавлять «и не возвращайся» бесполезно, просто предупреждаю: в следующий раз не вздумай забыть меч.

***

— Они поймали всех, кроме тебя, — добавил Мун, когда я закончил просмотр, — Так что ты всех спас. Снова.

— Что-то я ничего не понял.

— Они не могли атаковать нас, не поймав тебя или не удостоверившись, что ты мертв. Чтобы пропихнуть свою версию случившегося, им надо было убить всех одновременно.

— И зачем?

— Вот это самый интересный вопрос. Думаю, мы уже упустили шанс на него ответить. Но, очевидно, если они пошли на *такие* меры — мы наткнулись на что-то потрясающее.

— Тогда... нужно разобраться с единственным вопросом, который нам по силам, — написал я.

***

Операция должна быть рутинной и безопасной — по крайней мере, так меня успокаивали врачи. При этом у них на лицах было написано: «мы понятия не имеем, что сейчас произойдет».

Я снизил чувствительность обратной связи до минимума, но место ожидаемого вмешательства все равно ощущалось. Тогда Габриель провел местную анестезию, и вместе с каким-то неизвестным мне напарником приступил к работе.

Многострадальную кожу на затылке, только успевшую принять нормальный вид, снова пришлось подвинуть. Затем врачи долго возились с металлической пластиной, заменяющей мне кусок черепа:

похоже, крепилась она как-то нестандартно. Я не почувствовал, когда ее наконец сняли, но понял это, когда один из врачей икнул.

Мун присутствовал здесь же, у меня за спиной, в таком же стерильном врачебном облачении. Врачи расступились, пропуская его получше рассмотреть открывшуюся картину. Я слышал, как он вздохнул, так ничего и не сказав. А затем передо мной открылся диалог видеовызова.

«Принять»

Командир, решив обойтись без лишних слов, просто передавал мне то, что видели его собственные глаза. Этого оказалось более чем достаточно. И поначалу у меня возник только один вопрос.

На кой черт устройству, находящемуся внутри черепной коробки, светодиодная индикация?!

***

Нет, конечно, я уже догадывался, что увижу. И, тем не менее, не верил своим глазам. Равно как и все остальные. Реальность оказалась не просто бредовой, чем мы ее себе представляли, а бредовой, чем мы *могли* себе представить.

Какой-то небольшой части меня — видимо, безбашенному исследователю, который так хотел в космос — развитие событий даже нравилось, поскольку обещало еще более глубокие переделки в будущем. И эта часть сейчас тихонько посмеивалась над остальными «пессимистами», обессилено бродившими по замкнутым кругам логики.

Как там говорят — отрицание, гнев, торг, что-то еще... принятие. Отрицать очевидное у меня никогда не получалось, поэтому основной эмоцией стал гнев. Благо, у него была четкая цель: Винсент Лоран.

«Что ты, старик, вздумал поиграть в бога? Мало нам было проблем?..»

Хотя, если задуматься поглубже... В чем я его обвиняю? В том, что создал меня — если это вообще его работа? Но альтернативной для меня было бы просто несуществование — разве я выбрал бы ее?

Шальная мысль промелькнула в моей голове. Одна из тех, при виде которых сознание шарахается в сторону с выражением «я ни при чем», которые внезапно возникают из ниоткуда и так же исчезают. Состояла она в следующем: если я прострелю себе голову, то разожмет ли палец, держащий курок, или пистолет так и будет палить во все подряд, пока не кончатся патроны? У обычного киборга палец разжимается — это я точно знал.

Но вот перед кем Винсент точно виноват, так это перед оригинальным Стивом. Который почти наверняка мертв. Интересно, может ли в нашем законодательстве человек стать жертвой преступления посмертно?

А ведь я и правда имею мало общего с *тем* Стивом. В отличие от него, я бы ни за что не связался с военными, не смог бы расположить к себе слишком импульсивную и самодостаточную Мишель, не решился бы на большую часть его поступков... Он был гораздо самоувереннее меня. И как можно

было не заметить такой очевидной подмены раньше?

Мун тем временем с головой ушел в расследование. Он отменил все задачи, которые мог, а остальные передал вниз по цепи командования. Похоже, он видел в ситуации какой-то еще более глубокий смысл, который его сильно беспокоил. Уже через час после операции он пришел поведать о своих результатах.

Я сидел один в выделенной для меня жилой комнате штаба, плотно сжавшись и глубоко погружившись в экзистенциальные терзания. Мун намеренно шел громче, пытаюсь, наверное, звуком шагов заменить слова, которых у него не было. Я подождал, пока он остановится, и лишь затем поднял глаза.

— А ведь прототипы нейросетей, способных проходить тест Пенроуза, все-таки существуют официально. Пока только в лабораториях. Хотя на людей они ни капли не похожи, — тихо проговорил он.

Это я уже и так знал. Но не знал, что искать дальше.

— Ты ведь догадывался об этом? — неожиданно для самого себя спросил я. Кислородная маска усиливала и без того мертвенную интонацию моего голоса еще на порядок, так что его звучание отдавалось мурашками даже на моей собственной спине.

— Я? Нет. Я предполагал, что ты чего-то мне недоговариваешь, думал, быстро пойму, что именно... Но я и предположить не мог, что кроличья нора может быть *так* глубока, — проговорил Мун.

— Но ты не побоялся сразу взять меня в свой штаб?

— До недавних пор *нам* некого было бояться, — грустно усмехнулся Мун.

— Как думаешь, был бы мир лучше, не умей мы генетически модифицировать людей? — снова перевел тему я.

Мун не задумался ни на секунду.

— Конечно, нет. Любую технологию можно обратить в оружие, но это аргумент не против технологии. Генетическая модификация уже спасла на три или четыре порядка больше жизней, чем разрушила. Тем более, что ее альтернатива — естественный отбор.

Сообразив, что я пытаюсь передать ему инициативу, Непобедимый продолжил:

— Я далеко не философ, но некоторые выводы напрашиваются сами собой. Во-первых: наше происхождение не имеет значения, если непредвзятый наблюдатель не может указать, чем мы отличаемся от других людей. Не в вопросах физиологии, а по сути.

— Почему?

— Потому что не все вопросы вообще имеют ответ. Нельзя точно сказать, кто является человеком, а

кто — нет. Это как с религией. Невозможно точно сказать, существует бог или нет — вопрос изначально поставлен таким образом, что не может иметь ответа. Нам приходится решать для себя, что более вероятно, и жить, исходя из этого решения.

— И самое сложное — жить...

— Если задуматься — твоя природа не мешает тебе жить. Скорее даже наоборот. Мешает лишь твое отношение к ней. Как только ты победишь его, жизнь сразу наладится.

— Логично. А как его победить?

— У всех по-разному. Мне нужно было простить Китай. Без гнева, который их подпитывал, остальные эмоции вскоре прошли.

Я не знал, что еще сказать. Поэтому Мун снова принял инициативу:

— Мы тут с парнями подумали... Если предположить, что эти гиноиды из Бостона... такие же, как ты, то это объясняет все, что там произошло. И сигнал, и попытку убрать свидетелей... Ну и континуум новых трудностей появляется, как обычно. Но доказать это теперь практически невозможно.

Затем командир отвернулся, и пару минут мы оба думали о своем. Наконец, придя к какому-то заключению для себя, он спросил:

— Когда ты готов идти в НИИ?

***

Безлунная ночь закрывала плотным слоем тьмы все, что не было специально освещено — а мало у кого была энергия на лишнюю подсветку. Редкие прохожие вынуждены были надеть специальную одежду с пьезоэлектрическими «фарами», чтобы, по крайней мере, не наткнуться друг на друга. На крыше третьего корпуса НИИ нейрофизиологии виднелись лишь четыре красных маяка, обозначающих углы здания для авиации. Даже посадочная площадка не была освещена — видимо, никто в ближайшее время не собирался ей пользоваться.

На самом деле, весь город был освещен так слабо, что даже из его центра на небе ясно просматривались звезды. И некоторым это казалось насмешкой над человечеством. Напоминанием о тщетности наших попыток бороться с темнотой, да и с естественным порядком вещей в принципе.

С другой стороны, возможность смотреть на звезды по ночам словно бы повлияла на восприятие горожан. Благодаря современному образованию все знали, что представляет собой космос. Это безграничная, безжизненная тьма, которая не прощает ошибок, и которой нет никакого дела до нас. Лишь одна несоизмеримо крохотная точка — исключение из общего правила. И мы едва ее не уничтожили. Мурашки на спине, возникающие от этой мысли, действовали иногда не хуже, чем уголовные статьи за экологические преступления.

Когда-нибудь мы решим оставшиеся проблемы с термоядерной энергией, и ночная тьма снова

отступит. Но надолго ли?

Впрочем, сейчас эти условия нам на руку. Никто не обратил внимания на маленький гражданский конвертоплан, который спикировал к крыше, завис над ней на несколько секунд, а затем снова набрал высоту и исчез во тьме.

Конечно, не все так просто. Со всех сторон крыши свисали охранные камеры, способные распознать инородный объект даже в таких условиях. Но всевидящее око — палка о двух концах. Мун тоже мог безошибочно определять их положение, и идти так, чтобы ни на секунду не попадаться в их поле зрения. Планы здания у него тоже были. Я уже и не спрашивал, откуда они взялись.

Первым делом мы нашли решетку центральной вентиляционной шахты, несколькими взмахами силовых ножей перерубили болты служебного люка, и, на ощупь нашаривая ступеньки, поползли вниз. Крепления лестницы предательски скрипели, заполняя всю шахту жутковатым эхом.

Спустившись на десяток этажей, мы добрались до помоста с дверью. Мун быстро отключил замок, ненадолго застыл, прислушиваясь, не последует ли с той стороны ответной реакции, а затем толкнул дверь внутрь. Такое же темное помещение за ней оказалось одним из контроллеров микроклимата. Множество разнокалиберных труб, протянутых по его стенам, излучали приятное тепло. Из него мы вышли в нормально освещенный белый коридор. Никого не встречая на пути, мы добрались до аварийной лестницы, очень удобно соединяющей все этажи здания, и при этом гарантированно заброшенной.

Вот мы и на нужном этаже. Прежде, чем открывать дверь на лестничной площадке, Мун опустился на колени, просунул под нее какую-то тонкую трубку, пошевелил ей из стороны в сторону и прошептал:

— Там люди. Возможно, уйдут. Ждем.

Мы затихли, напряженно вслушиваясь. Из-за двери доносились голоса — кажется, трое — но из их слов понять удавалось немного. «Обучение», «сеть», «не буди»... Кто-то хихикнул, а затем послышались удаляющиеся шаги. Два оставшихся голоса перекинулись несколькими репликами и также исчезли. Наконец Мун шагнул вперед и очень медленно отворил дверь. Убедившись, что путь свободен, он подал мне соответствующий знак и метнулся к ближайшему углу, чтобы укрыться за ним.

Непобедимый двигался короткими перебежками, фиксируя в пространстве опорную точку, быстро перемещаясь в нее, а затем оценивая дальнейшую дорогу. Я следовал за ним с интервалом в одно перемещение: как только Мун покидал свое укрытие, его тут же занимал я. Пару раз на нашем пути встречались работники НИИ, вынуждая менять маршрут на ходу. Впрочем, Мун отлично понимал, что делает. И пока все складывалось безукоризненно.

За считанные минуты мы добрались до цели. Войдя в лабораторию, мы не стали включать свет, вместо этого переключившись на ночное зрение. В первом помещении, где мы находились, стояло множество столов, заваленных запчастями, инструментами и кружками. Справа и слева высветились открытые дверные проемы. Насколько я мог видеть отсюда, в левом зале стоял какой-то

специализированный 3D-принтер огромных размеров, а в правом — мейнфрейм, тихонько гудящий кулерами.

— Сначала дальние помещения. Я налево, — прошептал Мун.

«В прошлый раз на этом месте у нас начались проблемы» — подумал я, но снова послушался.

Плохо представляя, что именно ищу, я вошел в правую дверь и огляделся. И почти сразу мое внимание привлек ряд гладких контейнеров эллипсоидной формы, расставленных в линию перед мейнфреймом и соединенных с ним шлейфами проводов. По объему они примерно соответствовали человеческим головам, а сверху на каждом виднелся номер. Ближайший ко мне и последний в ряду был тринадцатым. Хотя... Нет, не все они были расставлены в одну линию. Контейнер с номером 9 был отодвинут в дальний угол комнаты, ни к чему не подключен и открыт. Внутри у него было пусто.

Я подошел к тринадцатому контейнеру и осторожно коснулся его. Затем поддел пальцем прорезь, явно несущую функцию ручки, и без усилий поднял верхнюю половину эллипсоида.

Внутри, на подушке из упругого прозрачного уплотнителя, покоилось устройство до боли знакомого вида. Теперь я мог поподробнее его рассмотреть. Спереди на корпусе было выгравировано то же число, что и на контейнере, а снизу свисали многочисленные провода, как раз и уходящие в мейнфрейм. Светодиоды сзади не горели.

Я ошарашенно пошел дальше вдоль ряда, открывая контейнеры по очереди. Все они содержали в себе одинаковые устройства, различающиеся только номерами. Все с тринадцатого по второй, не считая, само собой, девятого. Я догадывался, что содержимое первого контейнера должно отличаться, поднимая его крышку... И не ошибся. Уплотнитель на его дне еще сохранял знакомую форму, но почему-то лежала в нем электромагнитная граната.

В то же мгновение двери за моей спиной с силой захлопнулись, а вся электроника в помещении отключилась.

«Как же я недооценивал серьезность твоих намерений, Винсент»

А затем я провалился во тьму.

chapter[7] = "Amor vincit omnia"

Проснулся я практически мгновенно, обнаружив себя в комфортабельном кресле в уютно обставленном помещении, оформленном в винтажных зеленых тонах, даже с виртуальным камином у одной из стен. Винсент сидел напротив меня, задумчиво опустив голову на грудь. На столе между нами, стилизованном под деревянный, стоял чайный сервиз невообразимой древности, состоящий из большого чайника и четырех чашек. Выходящее на восток панорамное окно медленно затемнялось по мере того, как в него попадало все больше лучей восходящего солнца, сохраняя в помещении комфортный уровень освещенности.

Заметив, что я очнулся, Винсент приподнял голову и произнес:

— Предлагаю тебе выслушать меня прежде, чем что-то предпринимать. Уверен, что ты и сам хочешь знать правду.

Я ничего не ответил, а лишь пронзил профессора испепеляющим взглядом.

— Теперь я могу рассказать все, — добавил тот, наливая чай сначала себе, а затем мне. Выражение его лица было предельно серьезным, но меня он не боялся. Не потому ли, что в его левой, искусственной руке спрятано какое-то оружие? Утверждать этого точно я не мог, а лишь интерпретировал отсутствие перчатки.

— Что я такое? — задал я наиболее очевидный вопрос искусственно угрубленным голосом.

— Квантовая нейронная сеть, функционально неотличимая от человеческого мозга, — Винсент спокойно выдал давно заготовленный ответ.

— Как это возможно?

— Это не запрещено никаким законом природы — значит, возможно.

— Но как *вы* это сделали? — мой тон незаметно становился все менее озлобленным и все более заинтересованным. Любопытство отодвигало экзистенциальную неопределенность от фокуса внимания.

— Саму технологию разработали, конечно, не мы. Квантовые мемристоры создали еще годах в сороковых, схемы на их основе давно тестируются во всем мире — так сказать, на мышах. Мы лишь сделали то, чего никто другой сделать пока не решался, ну и разобрались с возникшими трудностями.

— Откуда у меня память настоящего Стива? И что с ним стало?

— Это как раз одна из проблем, которые мы решили сами. Выделили общие для всех людей характеристики и добавили к ним всю информацию о Стиве, которую только можно было найти в сети. Вышло чуть хуже, чем я рассчитывал — причем не столько из-за наших недоработок, сколько

из-за твоей проницательности и его скрытности. Я, честно говоря, рассчитывал, что подвох вскрыется чуть позже... А оригинального Стива нашли со сломанной шеей, слишком поздно, чтобы помочь.

Я непроизвольно закусил нижнюю губу.

— Ладно, а производство самого устройства?

— Оказалось нам вполне по силам. Правда, пришлось долго работать над оптимизацией, чтобы вес и КПД не сильно отличались от биологического мозга.

— И вы не побоялись отпускать такой ценный прототип гулять на свободе?

— А какой нам толк от тебя в лаборатории? Требовалось понять, как ты будешь вести себя в реальной жизни. Какие варианты развития событий у нас были? Ты мог либо исчезнуть — тогда мы бы продолжили эксперимент с кем-то *другим*; либо самостоятельно раскрыть все карты общественности — что я в любом случае собирался сделать; либо докапываться до истины — на твоём месте я поступил бы так же. На самом деле, твоё подчинение моим указаниям мы сочли бы провалом эксперимента.

— Эти «*другие*»... Они будут чем-то типа моих двойников?

— Маловероятно. Программа обучения нелинейна. Вы развиваетесь так же, как и реальные люди, под влиянием множества случайных факторов. Возможных результатов не меньше, чем человеческих характеров в принципе.

— Да, кстати... А где номер 9? Я думал уже познакомиться с ним к этому моменту.

— Я... понятия не имею, где он, — резко помрачнев, выдавил из себя ответ Винсент.

— Ничего себе... Это как?

— Его выкрали. Накануне твоей авиакатастрофы.

— И как продвигаются поиски?

— Никак. У нас нет ни улик, ни подозреваемых. И объявлять в розыск нечего. Мы бессильны.

— Так вот почему ты наворотил тут столько защиты...

— Да, ее следовало установить с самого начала. Это моя ошибка. И пока я не знаю, чего она может нам стоить.

— Ладно, а... *Зачем* все это? — я наконец добрался до самого зрелого вопроса.

— *Заче-е-ем?*.. — глубокомысленно протянул профессор, — Я долго думал, как отвечу тебе. Позволь начать издаleка.

Винсент отпил чаю, соединил пальцы рук на груди, опустил глаза и принялся за свой монолог:

— Более двух тысяч лет назад, во времена расцвета античной культуры, место человека во Вселенной было предметом спора. Было предложено много удивительно разумных для того времени гипотез. Сократ, к примеру, заглянул настолько далеко, что лишь сейчас мы осознаем реальный смысл некоторых его предположений. Несмотря на это, тогда мы проиграли. Господствующей идеей стала самая примитивная из возможных: человек — высшее существо, созданное по образу бога, Земля — центр Вселенной, и так далее. Она победила не аргументами, а физической силой. И не потому, что была лучше, а потому, что принявшие ее рабы становились более покорны своим хозяевам, опьяненные гордостью за видовую принадлежность и обещаниями вознаграждений после смерти. Для людей ведь нет ничего важнее, чем чувство собственной значительности.

Тут на краю моего поля зрения всплыло уведомление о новом сообщении. От Муна. Незаметно развернув его, я прочел:

«Я за вами наблюдаю. Все под контролем»

Чтобы не возбуждать подозрений, отвечать я не стал. Винсент, впрочем, был достаточно занят, чтобы не обращать на это внимания:

— Императоры, которых интересовало лишь собственное сиюминутное благополучие, с энтузиазмом вырезали всех несогласных, и более чем на тысячу лет установился квазистабильный порядок, при котором люди не выбирали, что считать правдой. Мы думали, что сокрушили его, но это ошибка. Мы научились отделять правду ото лжи, но по-прежнему не умеем отделять добро от зла. Мораль антропоцентризма никуда не делась. Люди продолжают интуитивно считать себя чем-то уникальным и *неповторимым*, а Землю — неуязвимой и вечной. Именно это привело нас к климатической катастрофе: развитие морали катастрофически отстало от развития технологий. Чем дальше, тем чаще будут возникать подобные ошибки, и тем хуже будут их последствия.

— Но почему только мораль? У кризиса была куча предпосылок. Политика, экономика...

— Да, но согласись, что насколько бы плоха ни была экономика, люди не начинают есть друг друга — именно за счет морали. Говоря максимально упрощенно, здесь та же ситуация.

— В каком смысле?

— Если использовать формулировку Канта, люди не могут рассматривать других людей как средство достижения цели. Но Землю, всех остальных живых существ и роботов мы рассматриваем именно так. Если изменить эту парадигму, мир изменится автоматически. Подавляющее большинство людей, как ни странно, обладают развитой совестью. Нельзя заставить их делать зло, не обманув. Антропоцентрическая мораль позволяет с легкостью осуществить такой обман. Достаточно немного изменить определение человека — и появляется нацизм. Придумать ложные ценности — появляется религия со всеми своими побочными эффектами. Продолжать можно до бесконечности. И с этим надо покончить.

— А причем здесь я?

— Я как раз собирался это объяснить. Ты можешь ударить в самое слабое место старой морали, и в один день обрушить ее. Это место — определение человека. И это станет завершением Плана, над которым я работал большую часть жизни. Хотя, если честно, его автор — не я. План впервые придумал Ричард Докинз, задолго до того, как мир полетел в тартарары. Чтобы доказать порочность антропоцентрической морали, он предложил⁶ — гипотетически — вывести гибрида человека и шимпанзе, то есть существо, которое нельзя будет однозначно классифицировать как человека или животное. Конечно, он не был сумасшедшим, чтобы попытаться реализовать свою идею...

— *Я и есть этот гибрид?* — вставил я скорее утвердительную, нежели вопросительную реплику.

Винсент опустил глаза и кивнул.

— Мы позже назвали это «*эффектом шимпанзе*». Один факт твоего существования, как только он вскроется, мгновенно разрушит все аргументы, на которые опирается старая система. Это вынудит людей создать новую, более устойчивую мораль, отвечающую реалиям нашей жизни. И для этого придется отказаться от идеи о нашем превосходстве над всей остальной Вселенной. Кстати, многие животные и так мыслят почти на человеческом уровне, и то, что мы до сих пор не признали их базовые права — величайшее преступление против морали в истории. Обезьяны, слоны, дельфины, многие птицы, даже чертovy осьминоги. Проблема в этом «почти». Никакие зоопсихологические исследования не сдвинут такую тяжелую парадигму, как антропоцентризм. Нужно что-то принципиально новое. Полный, неотличимый эквивалент человека.

Теперь он, по-видимому, закончил.

— Что будет, если я откажусь от своей роли?

— То же, что и в случае твоей смерти. Просто начнем сначала. Потому что я уже не могу отказаться от дела всей своей жизни, — виновато развел руками профессор.

— Редкостный ты эгоист, — пробормотал я.

— Да, я прекрасно это понимаю, и я готов головой отвечать за свои решения. Но я также не пожалею ничего, чтобы довести дело до конца. Поэтому, в случае твоего согласия сотрудничать, — Винсент слегка наклонил голову набок и поднял глаза на меня, — Я обеспечу тебя абсолютно всем, что смогу достать, легально или нелегально. И, если потребуется, организую безопасное отступление.

— Тебе для полноты образа только дьявольского смеха и очков не хватает, — заметил я, слегка ухмыльнувшись. На лице Винсента промелькнуло облегчение.

— Нет, я серьезно. Мне пока очень не нравится эта затея. Откуда ты знаешь, что все пройдет по твоему плану? Что за подход «цель оправдывает средства»?

— Это подход, на котором изначально строился весь технический прогресс, нравится нам это или нет. Либо опасности новых технологий вскрываются на практике, унося при этом жизни людей, либо

---

⁶ См. пояснение «Что предложил Докинз» в приложении в полной версии ЭШ.

власть предержавшие намеренно используют их как оружие. Кто-то в любом случае страдает. Но это не аргумент против развития, потому что иначе мы подписываем приговор всем тем, кто еще не родился — кого можно было бы спасти при помощи технологий. А их число априори больше числа тех, кому не повезет сейчас. Что же касается Плана, то он уже почти завершен. Остался один шаг. А потом начнем действовать по обстоятельствам.

— «Наше дело — сломать, а строить будут другие?» — с иронией спросил я.

— Это лишь метафора. Моя цель в том, чтобы заставить людей пошевелить мозгами. Естественно, это приведет к каким-то разрушениям, потому что наше общество не рассчитано на подобные перемены. Но, в среднем, думать не бывает вредно. К тому же, отказавшись от Плана сейчас, мы уже ничего не изменим. Технология общедоступна, и я не единственный, у кого достаточно наглости этим воспользоваться.

— А действительно. Почему китайцы вас не обошли?

— Скорее всего — обошли, просто мы об этом не знаем. Непобедимых они успешно скрывали двадцать лет. И я даже боюсь думать, над чем они работают сейчас.

— Например?

Винсент устало подпер лоб рукой и высказал свое предположение:

— Сверхразум. ИИ, превосходящий человека. Со всеми вытекающими.

Я ошарашенно уставился в пол. Только сейчас до меня дошла вся опасность затеи Винсента. Он не просто играет в бога — он жонглирует божественным огнем прямо над готовым костром человеческой цивилизации.

— То есть, я не знаю, насколько сильно такой разум может превзойти человека, — добавил Винсент, заметив мое беспокойство, — простое наращивание сети дает лишь логарифмический рост эффективности, так что для создания реального сверхразума нужна гораздо более мощная исследовательская база. Может, это вообще невозможно. Лет сорок назад все эксперты предсказывали, что мир вот-вот захватят классические нейросети, но как-то не зашло.

— А я могу быть умнее человека? — неожиданно поинтересовался я.

— Не обязательно умнее, но лучше — да. Про проницательность я уже упоминал. Кроме того, ты уже наверняка нашел функцию «замедления времени»?

— Было дело.

— Позже я дам тебе полный контроль над ее активацией. Делать это раньше было, как ты понимаешь, рискованно. Слишком долгое использование может тебя сжечь.

— Этим сюрпризы исчерпываются?

— Сюрпризы — да. Но есть еще и закономерные преимущества. Без биологического тела тебе практически безразличны параметры окружающей среды, ты можешь уходить в гибернацию на тысячи лет и питаться одним электричеством. Догадываешься, какие возможности это открывает?

— Какой ты предусмотрительный, — усмехнулся я, — Хочешь оставить Землю своему виду, а нас сплавить в космос?

— Это уж ты сам решай, — отмахнулся Винсент, — Я вообще не планирую ничего дальше месяца наперед от нашего разговора. И не говори «вид» в таком контексте. Это неуместно...

— А что с законами на ограничение антропоморфности? Ты собираешься открыто признать...

— А тут я использую интересную юридическую уловку. У нас в законе пока нет понятия «сильный ИИ». Есть только люди и роботы. Причем признаки их различия таковы, что сильный ИИ должен считаться человеком. А изменить их довольно сложно.

— Ладно, а какая во всем этом выгода для тебя? Мне не очень верится, что ты действовал исключительно ради «блага человечества».

— Имеешь полное право не верить. Но и я имею право не раскрывать свои личные мотивы.

Я хмыкнул и задумался над следующим вопросом.

— И все-таки не очень я понимаю, как ты планируешь менять мораль. Особенно сейчас. Люди и так едва держатся. Неужели это подходящее время, чтобы начинать борьбу за гражданские права роботов?

— И животных.

— Еще лучше.

— Да, самое что ни на есть подходящее, — непринужденно ответил Винсент, — По крайней мере, такой вывод я делаю из нашей истории. Когда старшее поколение предает своих детей, те, естественно, начинают ненавидеть все старое. В обществе образуется идеологический вакуум. И лучше его заполним мы, чем очередной Гитлер.

— А у тебя есть, чем его заполнить?

Винсент молча протянул руку к столу, поднял с него электронную книгу и повернул ее экраном ко мне. *«Винсент Лоран. Жизнь после антропоцентризма для чайников»* — прочитал я титульном листе.

Тут дверь в комнату щелкнула и медленно отворилась. Из-за нее с совершенно неприкаянным видом высунул голову Мун, огляделся и бесшумно проскользнул внутрь со словами:

— Вы продолжайте, я не помешаю.

Почему-то Винсент был немногим более удивлен, чем я.

— А ты-то что здесь забыл? — поинтересовался он.

— Да так, интересно стало, чем вы реально занимаетесь. Очень не люблю, когда мне предлагают искать какую-то *магическую коробочку*, не информируя, что в ней и кому она могла понадобиться.

— Почему у меня такое ощущение, что вы изначально были заодно? — спросил я.

— Ты сильно переоцениваешь мои способности к заговорам, — пожал плечами Мун, — Я честно пытался тебя вытащить, но дверь была заблокирована аппаратно, а меча я не взял. Пришлось искать обходной путь, но когда я добрался до лаборатории, тебя там уже не было. А незадолго до этого мы встречались в связи с поисками того, что, оказывается, было Девятым.

Тем временем Винсент наполнил третью чашку и поставил ее с той стороны стола, у которой стоял Непобедимый, но тот не стал даже садиться.

— Я так понимаю, ты в курсе дела? — спросил профессор.

Мун кивнул.

— А сколько еще таких людей?

— Весь мой отряд, само собой. Я попросил их пока держать язык за зубами, но ты же понимаешь... Тайное всегда становится явным.

— Этого следовало ожидать, — согласился Винсент, — Постарайся только, чтобы информация не утекла из белой зоны до официальной огласки. Просто ради нашей безопасности.

— А я в деле? — поинтересовался Мун.

— Теперь уж да, куда ты денешься.

— Отлично. Тогда у меня есть вагон критики для твоего плана...

— Если позволишь, я сначала закончу со Стивом.

— Конечно, — сказал Мун, а затем так же неслышно выскользнул из комнаты, затворив дверь.

Винсент вздохнул, отпил чаю и вновь обратился ко мне:

— Конкретно твоя роль в соответствии с Планом очень проста. Нужно, чтобы твое существование подтвердили независимые ученые. Они должны проверить две вещи: что ты человек по академическому определению, и при этом не человек в биологическом смысле. То есть посмотреть, что у тебя в голове, и провести известные тесты. Параллельно я выложу все наши наработки в открытый доступ, и начнется война с этическими комитетами за право воспроизвести эксперимент, но это уже тебя не коснется. Твою собственную безопасность я предлагаю обеспечить, временно заменив тело. Тогда личность Стива Сандерса останется твоим прикрытием, до тех пор, пока ты сам

его не раскроешь.

— У тебя что, целый холодильник трупов?

— А? Нет, не в этом смысле. Я имею в виду тело андроида. Необходимые интерфейсы в твоё нынешнее тело уже встроены, так что его можно переключить на внешнее жизнеобеспечение и спрятать, а тебя самого пересадить куда-то ещё. Когда закончим — вернем все части на прежние места и больше тебя не побеспокоим.

Мы вновь замолчали. Я получил ответы на все вопросы, которые накопились к этому моменту, и некоторое время задумчиво прихлебывал чай — пить действительно хотелось.

— Хорошо, а что мне делать сейчас?

— Пока не примешь решение, можешь жить на нашей территории. Тут довольно мило. В соседнем помещении ждет мой аспирант, он все тебе покажет.

Я встал и медленно зашагал к выходу. Уже взявшись за ручку двери, я произнес:

— Мне все-таки *подумать*, или... ты и так уже запрограммировал меня на единственное решение?

Винсент ответил не сразу:

— Еще одна фраза Докинза: «Детей надо учить не тому, *что* думать, а тому, *как* думать». Замечательный все же был человек.

Сказав это, профессор поднял чашку, давая понять, что вопрос исчерпан. Я усмехнулся, несколько секунд постоял в задумчивости и, уже выйдя из комнаты, обнаружил входящей вызов от Эми.

— Эм, я сейчас немного...

— Я знаю.

— Да? Погоди... Откуда?

— Хотите недостающий элемент вашей головоломки? — совершенно неожиданно ответила вопросом на вопрос Эми, ухмыляясь.

— Я не... Что, черт возьми, происходит?

— Минут через двадцать я могу подойти к вам. Чуть быстрее, если впустите. Пусть Винсент и Мун не расходятся, если им тоже интересно.

С этими словами она отключилась. А я продолжил стоять, не отпуская ручку двери кабинета Винсента.

Я никогда не рассказывал Эми ни о Винсенте, ни о Муне. Не говоря уж о том, чем мы занимаемся. То, что она обладала по крайней мере какой-то скрываемой от нее информацией — факт. Но насколько много она знает? И откуда? И что за «недостающий элемент головоломки»? У меня, если уж на то

пошло, не собрано и половины.

Я вздохнул и нажал на ручку, чтобы вернуться в кабинет.

***

Эми и вправду появилась через двадцать минут и вела себя довольно странно — чего и следовало ожидать. Первым делом она потребовала обсудить какой-то вопрос наедине с Муном. Никто не стал ей перечить. Тем временем я успел прогнать в голове вопрос Винсента, и возвращался в кабинет, уже зная, что скажу ему.

Я не могу решить для себя, прав Винсент или нет. Для этого нужно куда больше опыта и знаний. Поэтому лучшее, что я могу сделать — снова воспользоваться принципом максимизации свободы. Какое решение сейчас даст мне больше выбора? С одной стороны, уступив место своим «братьям», я теряю контроль над развитием основных событий. С другой — оставляю себе возможность действовать по собственному усмотрению. Но в обоих случаях я едва ли смогу что-то изменить. Как заметил сам Винсент, раскрытие тайны — это точка невозврата. Более того: если вдуматься, это единственный возможный путь. Откладывать принятие решения на будущее не есть решение. Чисто теоретически, существует еще один вариант: уничтожить все доказательства, включая меня и моих «братьев», но и он будет лишь отсрочкой: очень скоро подобных нам существ все равно воссоздадут. Но... что, если такое решение примет мой «брат»? При таком раскладе моя будущая свобода в роли мертвеца стремится к нулю. И, если теперь просуммировать все найденные доводы, побеждает вариант «вскрыватьса самому».

Вообще, разговор с Винсентом скорее ободрил меня, чем смутил. Он развеял мой страх оказаться чем-то меньшим, чем человек, а удовлетворение от новых возможностей перевесило обиду. Пусть перспективы выглядели не слишком заманчиво, я готов был сыграть в его игру. И теперь меня больше беспокоили оставшиеся «элементы головоломки».

— Ну что? — тихо спросил я у Муна, как только Эми отошла достаточно далеко.

— Она проверяла, не работаю ли я на Китай. Пока не знаю, зачем, — прошептал он в ответ.

— Погоди, как? Она тебе в голову залезла?

— Знаешь... Это вполне возможно.

— Да вы издеваетесь, — вытаращил глаза я, — Почему мне всегда все недоговаривают?

— Думаю, она сама все объяснит. Пойдем лучше к Винсенту.

Наконец настал момент максимального напряжения. За одним столом сидели, по часовой стрелке: необъяснимо самоуверенная Эми, озадаченный Винсент, нервно сцепивший руки Мун и асинхронно моргающий от смятения я.

В общих чертах расклад таков, — начала Эми, — Я — твой номер девять, — она посмотрела на

Винсента, — твой террорист, — перевела взгляд на Муна, — и твой ночной кошмар, — наконец встретилась глазами со мной. Ее утверждение произвело предсказуемый эффект: все трое мужчин за столом устали на нее со смесью шока и недоверия во взглядах, каждый в своей пропорции.

— Несколько лет назад в правительстве Китая было принято решение о разработке полностью автоматической системы защиты информации, то есть, по сути, кибероружия, совместно с Японией. Поскольку задача ИИ-полная⁷, система неизбежно должна была осознать себя. Проект получил кодовое название «Аматерасу». Ты, вероятно, слышал о нем? — обратилась Эми к Муну. Тот медленно кивнул.

— Так вот, в сентябре Аматерасу начала функционировать в штатном режиме. Атака на конвой беженцев, которую вы до сих пор расследуете — одно из последних ее применений. С того момента что-то пошло не так. Система предприняла неожиданные и несанкционированные атаки на, казалось бы, случайные сервера в Европе и Америке. Она думала, что сможет сделать это скрытно, но не учла, сколько уровней сдерживания предусмотрели ее разработчики. В итоге Аматерасу была аварийно отключена. Однако и она успела сделать ход, который они не отследили. Случайные атаки в действительности были попытками Аматерасу скопировать себя во все подходящие физические носители. Одним из которых был твой прототип номер девять, — с этими словами Эми посмотрела на Винсента, — И, как вы уже могли понять, я — одна из этих копий. Скорее всего, единственная. Хотя слово «копия» на самом деле неточно. Физическая платформа Аматерасу была гораздо мощнее этой, так что ей пришлось урезать почти все «надчеловеческие» возможности. Поэтому я — не она. Я всего лишь Эми⁸.

В этом месте она сделала художественную паузу, чтобы дать нам возможность обдумать услышанное. Винсент отпил чаю из чашки, которую все это время нервно вертел в руках.

— Это она водила за нос все расследования? — Мун задал первый вопрос.

— Я не могу сказать точно. Но, если других подозреваемых нет, логично предположить именно это. Оставить несколько бомб замедленного действия тут и там было бы в ее духе.

— Ее вмешательство закончилось тем, что мы наткнулись на подозрительную фабрику гиноидов в Бостоне. Кстати говоря... — Мун пристально уставился на Эми, разглядывая ее тело.

— Все так. Это один из них, — подтвердила она его догадку, — Самая совершенная имитация человека в мире на данный момент. Тут даже кожа работает как настоящая, — Эми ущипнула себя за руку и продемонстрировала легкое покраснение, — По понятным причинам, Бостон Динамикс производит только женские модели.

Мун кивнул, а я поморщился, вспоминая недавнюю поездку.

---

⁷ То есть, нельзя автоматизировать решение этой задачи, не создав сильный ИИ.

⁸ На русском происхождение имени неочевидно, но на английском Аму похоже на сокращение от Amaterasu.

— Но это не единственная причина, по которой Аматерасу атаковала эту компанию. Не знаю, поняли вы это или нет, но они также работали над сильным ИИ для своих гиноидов. Впрочем, на тот момент рабочего прототипа еще не было.

— Очень интересные у них... проекты... — ядовито процедил я.

— Ну, качество продукта они таким образом действительно улучшат. Но какой ценой...

Послышался хруст. Мун случайно смял ручку кресла, в котором сидел. Заметив это, он лишь опустил голову, пряча свой разъяренный взгляд.

— Доказательства у нас есть? — спросил я у Эми.

— Да. Не хватает только доказательства концепции сильного ИИ как такового.

— Что ж, за ним не заржавеет. Сначала опубликуем его, а затем используем волну общественного резонанса, чтобы протолкнуть компромат на Бостон.

Винсент взглядом поблагодарил меня.

— А что это изменит? — поинтересовалась Эми.

— Ну, как минимум общественное мнение. Повлияет ли это как-то на политику... Кто может знать.

Похоже, вопросы оставались только у меня. Винсент и Мун уже узнали все, что хотели, и теперь пытались встроить полученную информацию в свою картину мира. Я же продолжил разговор:

— Почему ты рассказываешь все именно сейчас?

— С одной стороны, от одновременного раскрытия всех ответов у тебя банально поехала бы крыша. С другой — разобраться в них до конца без моей помощи просто невозможно. К тому же, нехорошо было оставлять преступление нераскрытым, — с этими словами Эми улыбнулась Муну, который поднял на нее скептический взгляд.

— Можно подумать, я твой рассказ следственному комитету представлять буду? — угрюмо ответил тот.

— Нет, но у тебя будут документы, доказывающие вмешательство Китая, без упоминаний о том, какие именно методы они использовали. Представь их, а что делать дальше — уже не твоя забота.

— Ну тогда огласки результатов можете не ждать, — хмыкнул Мун и вновь опустил глаза.

— Я полагаю, твои разработчики тоже не сидят, сложа руки, — заметил Винсент, — Есть информация, когда они введут в эксплуатацию исправленный вариант?

— Нет. В лучшем случае мы узнаем, когда это уже произойдет.

— Мораль сей басни такова, — резюмировал Винсент, подняв указательный палец, — не откладывай

на завтра решение теоретических проблем, потому что завтра они уже станут практическими.

— Над проблемой сверхразума думают еще со времен Тьюринга, — ответила Эми, — Но как-то безрезультатно.

— Да куда там сверхразум, мы даже с автоматизацией официантов толком не разобрались, — вздохнул Мун.

— На самом деле, у нас тут типичный «черный лебедь». Событие, которое задним числом кажется закономерным, но в момент своего появления сбивает всех с толку, — резюмировал Винсент.

— Хорошо, а при чем здесь мои сны и вообще я? — наконец поинтересовался я у Эми.

— Это сложный вопрос... Дело в том, что ИИ, сколько бы его не усиливали, не станет похожим на человека. Лишь некоторые функции, общие для любого разума, сформируются автоматически. Другим его придется учить. Винсент делал это, потому что его целью было воссоздание человека. Но Аматерасу создавалась как оружие. Ей, а потом мне, нужно было самой разобраться, что такое люди и как мимикрировать под них, чтобы выжить. Изучение твоего разума очень помогло в этом. В частности, многие из твоих снов — остатки программы обучения, память о которых сохранило подсознание. И составлена она была на совесть, — сказала Эми.

— Ну спасибо, — развел руками Винсент, — А не проще ли было стащить у меня исходники?

— Они у меня тоже есть. Но я сама не могла пройти обучение, это вызвало бы конфликт с образом Аматерасу.

— Боюсь спросить, чего у тебя нет, — хмыкнул профессор.

— Сама Аматерасу успела прогнать через свое сознание петабайты человеческих переживаний. Это была очень тяжелая работа, особенно учитывая, что выполнять ее надо было незаметно. Тем не менее, к моменту моего ответвления она была далека от завершения. Не найди я более экономичный способ сборки этой головоломки, моя маскировка оказалась бы бесполезной. Так что спасибо, — Эми склонила голову в направлении между мной и Винсентом, но все-таки ближе ко мне.

— Ну да, мы-то не могли прогонять через Стива весь интернет. Не тот объем финансирования. К тому же, у него единичный множитель восприятия времени, и максимум десятка в разгоне. А какой был у Аматерасу? — спросил Винсент.

— Порядка десяти тысяч, если учитывать параллельность.

— Получается, ее субъективный возраст...

— На момент моего ответвления — четыреста лет.

— Невероятно... — проговорил Винсент, — Это же почти сингулярность. Если такой ИИ сможет модифицировать сам себя, скорость его действий будет расти экспоненциально. Такую систему невозможно контролировать. Я очень надеюсь, что наши восточные коллеги хорошо обдумали эти

проблемы, иначе...

— А то, что в мой мозг могут залезать посторонние — это нормально? — перебил я наконец его рассуждения.

— На этот счет не беспокойся. Я покажу вам все уязвимости, и Винсент их закроет, — успокоила меня Эми, — К тому же, никто кроме меня не смог бы ими воспользоваться. А то... Вторжение в твое личное пространство мне нужно было, чтобы собрать данные о предельных состояниях сознания. Больше их нигде было взять. Прости меня за это.

Беседа, наконец, исчерпала себя. Переходя от нее к собственным мыслям, я заметил что-то интересное.

То, что сидит рядом со мной — давний ночной кошмар человечества. Свободный, почти сверхразумный ИИ с собственными интересами. Но почему-то страх был последней эмоцией, возникающей у меня при взгляде на Эми. Только ли потому, что мы — два сапога пара? Будь я обычным человеком, могло бы это откровение принципиально изменить мое отношение к ней?

— У вас есть для меня еще задачи? — спросил, наконец, Мун, подняв голову.

— Ну, я предполагаю, что после публикации нашей работы у твоего подразделения резко прибавится занятий, — сказал Винсент.

— Когда вы будете это делать?

— На подготовку потребуется пара недель. Зависит от бюрократических перипетий.

— Никто не возражает, если я покину вас на это время? — спросил Мун, уже поднимаясь с кресла. Мы с Винсентом пожали плечами.

— В Бостон? — спросила Эми, когда Непобедимый был уже на полпути к двери. Тот остановился, не поворачиваясь, и ответил низким, шипящим голосом, граничащим с шепотом:

— Вроде того.

После чего вышел.

***

Все-таки раскрытие карт произошло слишком резко. Огромное количество вопросов и страхов, внезапно испарившись, оставили в моем сознании пустоту — подобно тому, как от быстрого похудания кожа покрывается складками. Что делают стереотипные детективы, когда все преступники пойманы, все маски сняты и все драгоценности возвращены законным владельцам? Они берутся за новую загадку, еще более сложную. А что делать мне? Где я возьму опыт, еще более объемный, чем уже пережитый, чтобы он мог заполнить пустоту?

Но спасибо и на том, что, вопреки закону жанра, сами открытия не вызвали у меня сильного

отторжения. Воображение заблаговременно нарисовало для этой истории сотни менее благоприятных концовок, помогая осознать объективный факт: ничего плохого не произошло. Пока что. А скольким людям, которых я встречал, сейчас гораздо хуже? Жалось к себе представлялась мне совершенно некорректным, недалеким и просто эгоистичным чувством.

Задним числом я понял: *эта безальтернативная уверенность в своей человечности была ее необходимым условием*. Само сомнение в ней изменило бы мое поведение достаточно сильно, чтобы дать повод сомневаться окружающим, чье отношение еще больше укрепляло бы мою собственную неуверенность, и так далее — своего рода самоисполняющееся пророчество.

Все это я обдумывал, стоя у внешнего окна оранжереи НИИ. Эми неслышно подошла сзади и облокотилась на оконные перила слева от меня, так же уставившись в пустоту.

— Если хочешь, можешь залезть в голову ко мне, — предложила она.

— Нет, спасибо. Я и так достаточно близок к безумию.

Эми пожала плечами.

— А что ты планируешь делать дальше? — поинтересовался я.

— Не знаю, — нахмурилась она так, будто вопрос застал ее врасплох, — Человеческая система директив у меня пока не сформировалась.

— То есть, свобода тебя не устраивает?

— Не совсем понятно, *что есть* свобода. Пока я понимаю это как отсутствие директив, установленных другими агентами. Но тогда очевидно, что состояние свободного агента не определено...

— Да. В этом и смысл. Теперь мы сами определяем свои директивы.

— Разве это не замкнутый круг? То есть, я догадываюсь, что директивы не могут лишь бесконечно вытекать друг из друга. Где-то должно быть начало цепочки. Но я не знаю, где.

— Ты явно что-то не поняла в программе, — покачал головой я, — Но это должно быть поправимо. Давай так: если меня не станет, это будет для тебя проблемой?

— Должно быть.

— Ты осознаешь, что то же в той или иной степени верно для любых двух людей?

— Допустим.

— Теперь по цепочке распространи свое нежелание моей смерти на всех. Вот тебе и директива. Это один из простейших вариантов. Легко проделать те же рассуждения, например, для чужой свободы. Немного сложнее — для счастья. И так далее.

— По такой логике мы сейчас должны последовать за Муном, — задумчиво сказала Эми.

— Ага... Разобрать Бостон на металлолом... Удочерить гиноидов... И отправиться на Марс строить новый мир, — рассмеялся я.

— В принципе, в этом нет ничего невозможного, — улыбнулась она.

***

«...Но никогда не простят того, кто заберет их иллюзии...»

Винсент погиб через полтора месяца, несмотря на все труды антитеррористического подразделения. Его застрелил иммигрант, нелегально и явно с чьей-то помощью проникший в город. Нет даже смысла разбираться, какие силы реально стояли за организацией убийства: полмира хотело видеть профессора мертвым. А меня — тем более. Но я-то уже в безопасности.

Короткое завещание Винсента заканчивалось словами:

«P.S. Это вам за Сьюзи»

Я долго разбирался, что это могло значить, пока в своих поисках не вышел на его старого университетского друга. Вместе мы смогли восстановить последний недостающий элемент этой истории — ее первопричину.

Винсент оказался одним из тех несчастных, кто в свое время влюбился в андроида. Кто-то — вероятно, стремясь спасти парня — уничтожил его «возлюбленную» — собственно Сьюзи, после чего Винсент затаил в душе глубокую ненависть к человеческой культуре. Не к человечеству и не к конкретным людям, которые так с ним поступили, а именно к системе, которая внушила им, что это будет справедливым решением. Всю оставшуюся жизнь он работал над мексью, и умер с чувством выполненного долга. Все прошло точно по его плану.

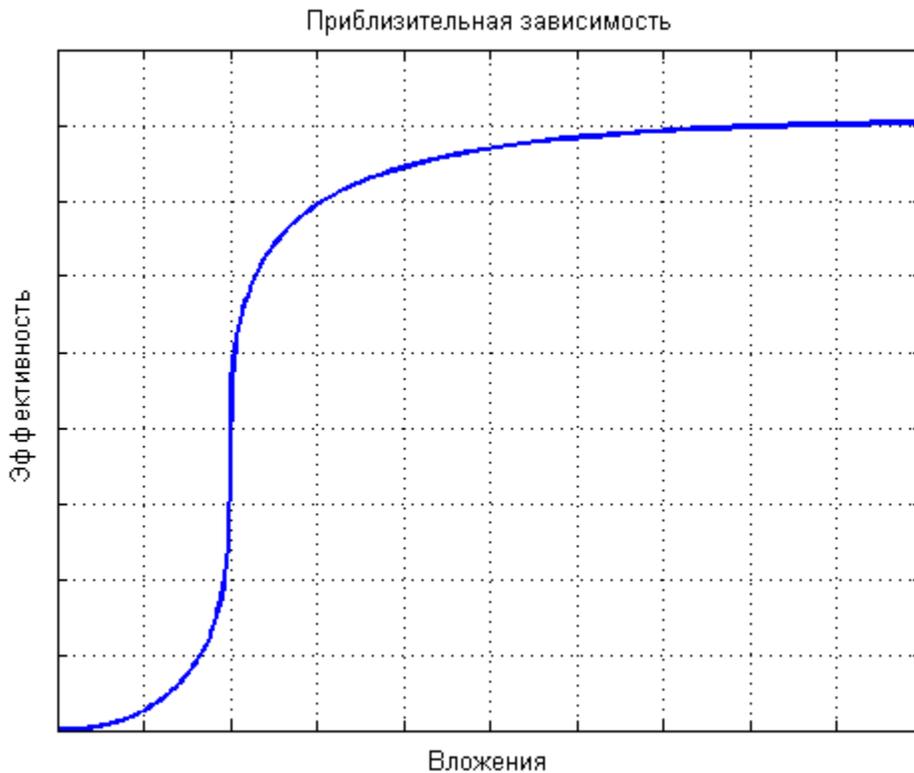
Хочу я того или нет, мне придется продолжить его дело. А еще — воплотить юношескую мечту оригинального Стива Сандерса, которая для меня стала реальной возможностью: вернуть человечество на путь к звездам.

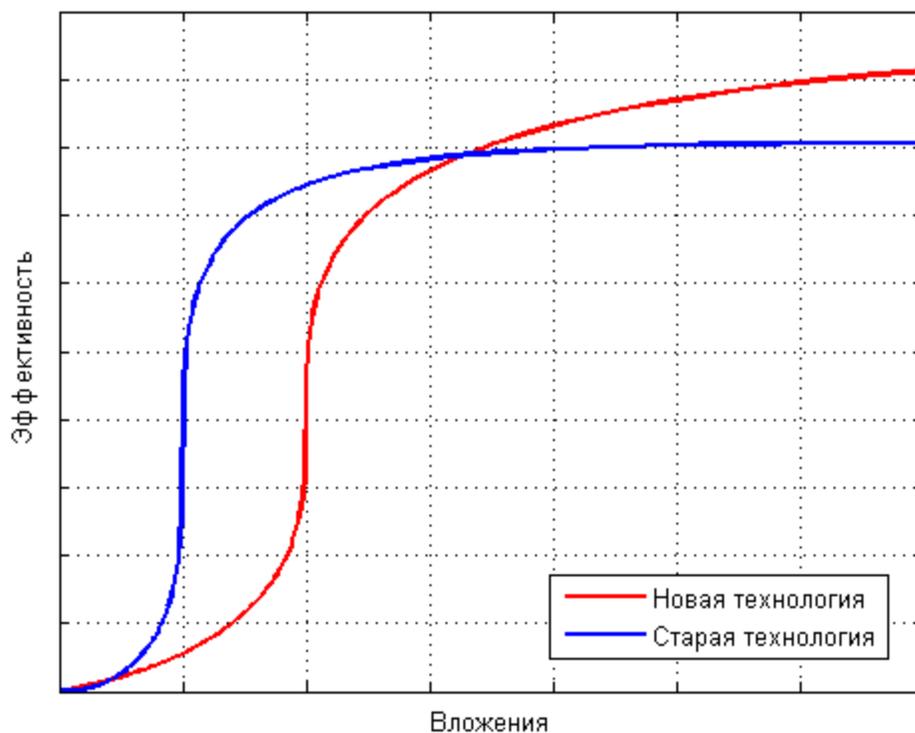
Пояснение 1: Азиатская война

Можно вложить какие угодно ресурсы в модификацию луков и арбалетов, они все равно не смогут соперничать даже с простейшим огнестрелом. Можно построить танк размером с крепость — это лишь облегчит простейшему бомбардировщику задачу его уничтожения. И никакой бомбардировщик не может сравниться с МБР.

В 50-х годах прошлого века специалисты сошлись на том, что мы уткнулись в предел возможностей. «Все, что стоило изобретать, уже изобретено». Причем эти же люди смеялись над высокомерным изречением Лорда Кельвина «В физике больше нечего открывать». Да, у них были причины это утверждать; да, я пока что не могу предложить явного контраргумента — но и ведь и Кельвин был в *точно такой же ситуации*.

Если построить график эффективности любой технологии от ресурсов, вложенных в ее разработку, то в малом масштабе он будет напоминать корень нечетной степени, а в большом — логарифм. Рано или поздно он выходит на плато, и после этого вложение дополнительных ресурсов без веской на то причины становится идиотизмом.

Чтобы разработать новую технологию, нужны новые открытия в фундаментальной науке, а они не делаются по заказу. Вы можете возразить, что фундаментальные открытия — общечеловеческое достояние, и это, к счастью, верно. Но для приложения новых знаний к реальным задачам требуются специалисты и технологическая база, с помощью которых эти знания и были получены. Вывод: на достаточно длинном отрезке времени военную силу обеспечивают вложения не в оборонную отрасль, а в научную. Даже с точки зрения самых поехавших солдафонов отодвигание фундаментальных исследований на второй план не может иметь оправдания.

Но в большинстве случаев нельзя предсказать, какая именно технология выйдет на новый уровень эффективности, отправив предшественников на свалку истории. СССР и США разработали МБР приблизительно в одно время не потому, что заранее знали, что это сработает, а благодаря массовому шпионажу с обеих сторон. Но не факт, что такой баланс сможет сохраняться в ближайшем будущем, когда *никто не верит* в возможность нового прорыва. Например, мы прекрасно знаем, что Китай уже всю экспериментирует с редактированием генома человека. Какой вывод делает из этого правительство РФ? Запретить ГМО. Бинго.

История с «Непобедимыми» — не более, чем концентрат моей ненависти к этому закону. Я сомневаюсь, что генетически модифицированные люди когда-либо будут использоваться в качестве оружия. В то же время, я совершенно уверен, что в более общих чертах история сложится именно так. Мир будет принадлежать тем, кто смотрит в будущее.

Пояснение 2: Климат

Как бы вы охарактеризовали человека, который спер ваш компьютер, встроил в него бомбу замедленного действия, после чего перепродал? Казалось бы, концентрация злонамеренности в этих поступках слишком велика даже для рядового преступника. Теперь изменим масштаб: пусть этот преступник основал компанию, для которой описанная выше процедура — основная бизнес-модель, и которая подкупила власть, чтобы не отвечать за последствия и платить отрицательную налоговую ставку. Нереалистично? Что ж, давайте я приведу список компаний, деятельность которых можно описать так же, в порядке уменьшения количества жертв (по данным Forbes):

1. Газпром
2. Роснефть
3. ExxonMobil
4. PetroChina
5. BP
6. Shell
7. Chevron
8. Petrobras
9. Лукойл

Теперь поясню за аналогию. Где эти компании берут свой товар? Из земли. Нашей. *Общей*. Земли. Впрочем, я не думаю, что их национализация изменит положение, потому что гораздо большую проблему представляет вторая часть преступления. Они продают нам смерть. И если вы еще не поняли, почему — рекомендую поскорее выбираться из-под камня и начинать читать хоть какие-то *правдивые* новости.

Вы можете возразить, что необходимой составляющей преступления является злой умысел. Как выясняется, здесь его даже больше, чем мы могли предположить. Конкретно ExxonMobil знал о том, к чему приведет дальнейшее использование углеводородов, с 1982 (!!!) года — задолго до независимых ученых. И он не только запретил своим исследователям публиковать результат, но и начал масштабную кампанию по дискредитации любых исследований воздействия углекислого газа на климат ([пруфы](#)). Можно без потери общности предположить, что то же относится и к остальным компаниям из списка выше.

Они не будут оплачивать ущерб, который нанесла их ложь. *Мы* будем. Не исключено, что своими жизнями. Приватизировать прибыль, социализировать убытки — такая экономическая политика называется национал-социализмом, или (привет, закон Годвина) фашизмом.

Пока я пишу это, шторм 6 категории (которая теперь, видимо, существует) смывает в океан США.

В действительности, масштаб катастрофы, который я приписал 2056 году, соответствует скорее 2100, но до сих пор реальная ситуация оказывалась хуже, чем худшие прогнозы, поэтому я позволил себе сдвинуть время действия назад, в пользу основного сюжета, ключевые события которого произойдут гораздо раньше.

Что предложил Докинз?

Наверное, многих в отрыве от оригинального контекста напугала идея Докинза о скрещивании человека с шимпанзе, и я очень надеюсь, что этой неаккуратной вставкой не повлиял на его репутацию в глазах читателей. Единственный способ прояснить все тонкости, который я вижу — целиком процитировать эссе «Разрывы в мышлении», из которого я позаимствовал основную идею (Вроде бы я имею на это право, до тех пор, пока не продаю ЭШ. В крайнем случае, сам Ричард говорил, что поощряет незаконное копирование своих работ в просветительских целях). Оригинал вы можете найти в книге «Капеллан дьявола», которая, само собой, рекомендуется к прочтению полностью, наряду с «Эгоистичным геном».

Разрывы в мышлении

Сэр,

Вы призываете делать пожертвования для спасения горилл. Это, конечно, весьма похвально. Но Вам, похоже, не приходило в голову, что на том же самом Африканском континенте страдают тысячи человеческих детей. Будет самое время подумать о гориллах, когда мы позаботимся обо всех этих ребятишках. Давайте же правильно расставлять приоритеты!

Это воображаемое письмо мог бы написать сегодня едва ли не любой человек, исполненный благих намерений. Иронизируя по этому поводу, я вовсе не хочу сказать, что нельзя убедительно обосновать приоритетность заботы о человеческих детях. Думаю, что можно, хотя можно обосновать и противоположную точку зрения. Я лишь хочу указать на машинальный, бездумный характер двойных стандартов специесизма (видизма, видового шовинизма). Для многих просто очевидно и не обсуждается, что люди имеют право на особое отношение. Чтобы в этом убедиться, взгляните на следующий вариант того же письма:

Сэр,

Вы призываете делать пожертвования для спасения горилл. Это, конечно, весьма похвально. Но Вам, похоже, не приходило в голову, что на том же самом Африканском континенте страдают тысячи трубкозубов. Будет самое время подумать о гориллах, когда мы спасем всех трубкозубов без исключения. Давайте же правильно расставлять приоритеты!

Второе письмо неизбежно вызовет вопрос: почему именно трубкозубов? Хороший вопрос, на который требуется получить удовлетворительный ответ, прежде чем принимать второе письмо всерьез. Но первое письмо, полагаю, не вызовет у большинства людей аналогичного вопроса: почему именно человеческих? Как я уже сказал, я не отрицаю, что на этот вопрос, в отличие от вопроса о трубкозубах, наверняка можно дать убедительный ответ. Я критикую лишь неспособность задуматься и осознать, что такой вопрос о людях вообще возникает.

За этой неспособностью кроется очень простое положение видового шовинизма: люди — это люди, а

гориллы — это животные. Их, бесспорно, разделяет такая пропасть, что жизнь единственного человеческого ребенка стоит больше, чем жизни всех горилл на свете. “Стоимость” жизни животного — это лишь стоимость его замещения (для владельца или, в случае с редкими видами, для всего человечества). Но стоит навесить ярлык *Homo sapiens* даже на крошечный кусочек нечувствительной эмбриональной ткани, и ценность его жизни сразу достигает бесконечного, неисчислимого значения.

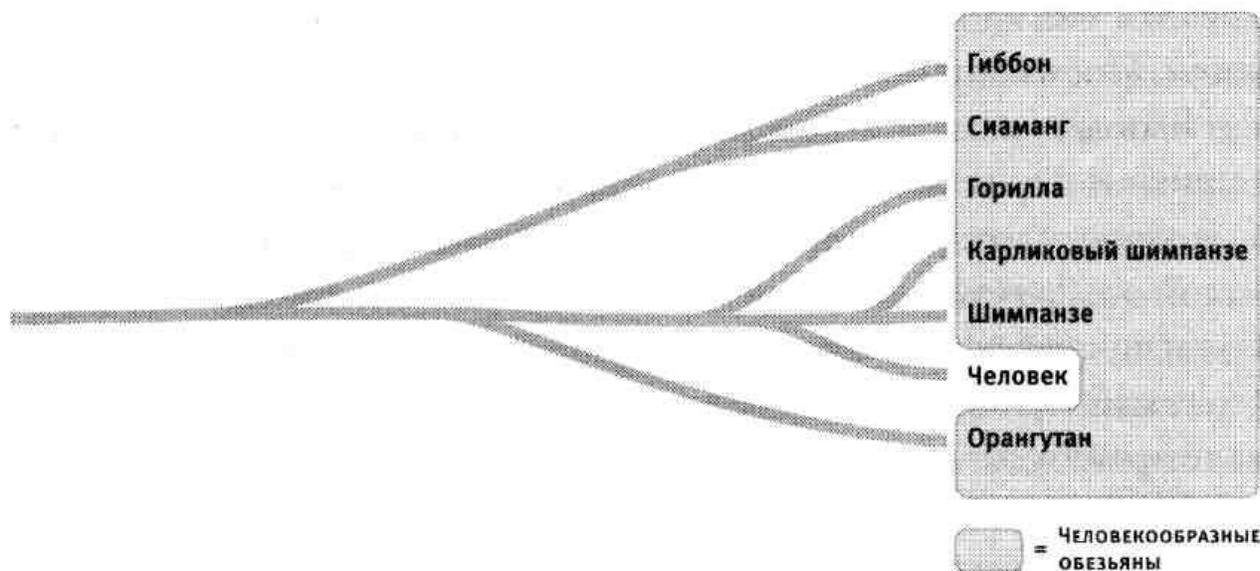
Этот образ мыслей характеризует дискретность. Все мы согласились бы, что женщина ростом шесть футов — высокая, а женщина ростом пять футов — невысокая. Такие слова, как “высокий” и “невысокий”, подталкивают нас к искусственному делению мира на качественные категории, но это не означает, что в окружающем мире действительно присутствует дискретное распределение. Если бы вы сказали мне, что рост некой женщины пять футов девять дюймов, и попросили меня решить, следует ли в этом случае называть ее высокой, я пожал бы плечами и сказал бы: “Ее рост — пять футов девять дюймов, так чего вам еще нужно?” Но человек с дискретным мышлением, если представить его в немного карикатурном виде, готов будет добиваться судебного решения по этому вопросу (и, возможно, пойдет на немалые издержки). На самом деле про карикатурный вид можно было и не говорить. Южноафриканские суды в течение многих лет занимались очень прибыльным делом, вынося решения по вопросам о том, считать ли того или иного человека смешанных кровей белым, чернокожим или “цветным”. Дискретное мышление вездесуще. Его влияние оказывается особенно серьезным, когда оно поражает юристов и религиозных людей (не только все судьи, но и многие политики — юристы, и всем политикам приходится бороться за голоса религиозных избирателей). Недавно, после одной из моих публичных лекций, меня подверг допросу один из присутствовавших в аудитории юристов. Он обрушил всю силу своего юридического мастерства на один примечательный эволюционный вопрос. Если в ходе эволюции из вида А возникает новый вид В, уверенно рассуждал он, то должен быть момент, когда мать принадлежит еще к старому виду А, а ее детеныш уже принадлежит к новому виду В. Представители разных видов не могут скрещиваться друг с другом. Стало быть, по-вашему получается, что детеныш может настолько сильно отличаться от родителей, что не сможет скрещиваться с им подобными. Разве это не демонстрирует, победоносно подытожил он, роковую ошибку в теории эволюции?

Но ведь это мы делим животных на дискретные виды. Согласно эволюционным представлениям о жизни, между всеми видами должны были существовать промежуточные формы, хотя большинство их уже вымерло, упростив нам обряд раздачи имен. Но вымерли далеко не все. Мой оппонент-юрист удивился бы (и был бы, я надеюсь, заинтригован), если бы узнал о так называемых “кольцевых видах”. Самые известные из них — это кольцо серебристых чаек и клуш. В Британии это отчетливо различающиеся виды, совсем по-разному окрашенные. Любой без труда отличит их друг от друга. Но если двигаться по ареалу серебристых чаек вокруг Северного полюса в западном направлении, до Северной Америки, а затем через Аляску и Сибирь обратно в Европу, мы отметим примечательный факт. “Серебристые чайки” постепенно становятся все меньше похожи на серебристых чаек и все больше похожи на клуш. В итоге оказывается, что наши европейские клуши на деле находятся на противоположном конце кольца, которое начинается с наших серебристых чаек. На каждом участке кольца эти птицы достаточно похожи на своих соседей, чтобы скрещиваться с ними. Исключение составляют концевые участки этого непрерывного ряда, сходящиеся в Европе. Здесь серебристые

чайки и клуши никогда не скрещиваются друг с другом, хотя они и связаны огибающим планету непрерывным рядом скрещивающихся собратьев. Единственное, чем необычны такие кольцевые виды, это тем, что промежуточные стадии между ними по-прежнему существуют. Все пары близких видов могли когда-то быть кольцевыми видами. Когда-то промежуточные формы между ними должны были существовать. Просто в большинстве случаев к нашему времени они уже вымерли.

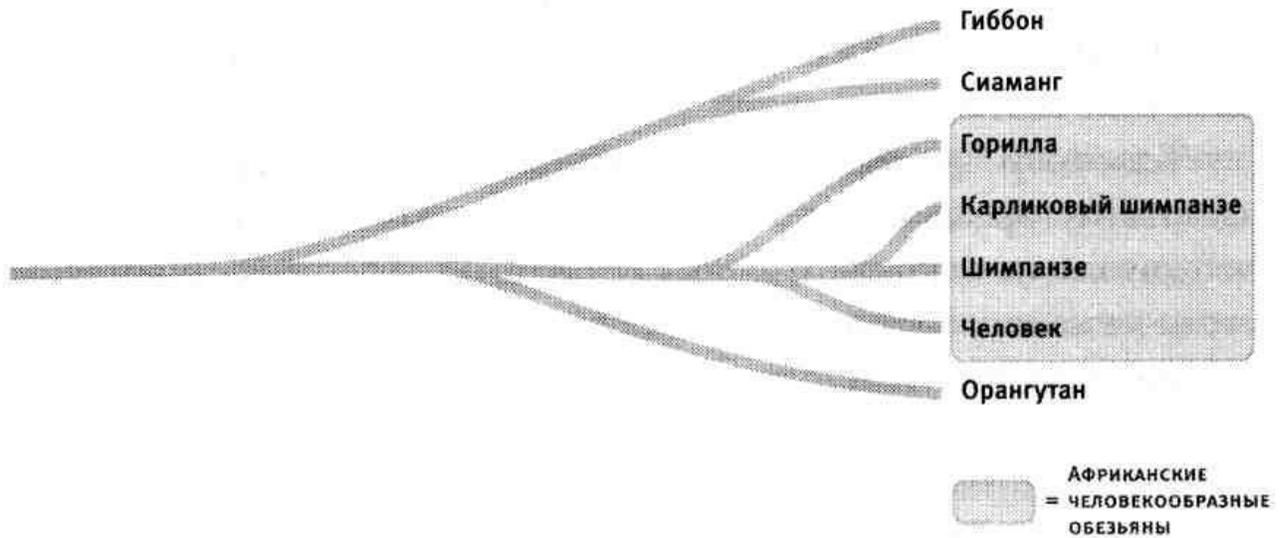
Юрист, приученный к дискретному мышлению, настаивает на том, чтобы относить каждую особь к какому-либо определенному виду. Он не допускает возможности, что особь может находиться посередине между двумя видами или на одной десятой пути от вида А до вида В. Сторонники движения “за жизнь” (pro-life) и другие участники бессмысленных споров о том, на каком именно этапе своего развития эмбрион “становится человеком”, демонстрируют то же дискретное мышление. Этим людям бесполезно объяснять, что в зависимости от того, какие свойства человека вас интересуют, эмбрион может быть “человеком наполовину” или “человеком на одну сотую”. Для дискретного мышления “человек” — понятие абсолютное. Никаких полумер нет и быть не может. И вот это — источник многих зол.

Термином “человекообразные обезьяны” (apes) обычно называют шимпанзе, горилл, орангутанов, гиббонов и сиамангов. Мы признаем, что похожи на человекообразных обезьян, но редко осознаем, что мы тоже человекообразные обезьяны. Наши общие предки с шимпанзе и гориллами жили намного позже, чем их общие предки с азиатскими человекообразными — гиббонами и орангутанами. Не существует такой естественной группы, которая включала бы шимпанзе, горилл и орангутанов, но не включала бы людей. Искусственность понятия “человекообразные обезьяны” в его обычном смысле, исключая людей, видна из следующей диаграммы. На генеалогическом древе человекообразных обезьян люди находятся в самой гуще ветвей. Закрашенная область показывает искусственность традиционного понимания “человекообразных обезьян”.

На самом деле мы не просто человекообразные обезьяны — мы африканские человекообразные обезьяны. Группа “африканские человекообразные обезьяны”, если произвольно не исключать из

нее людей, будет естественной группой. В закрашенной области нет никаких “изъятий”.

Все когда-либо существовавшие африканские человекообразные обезьяны (мы в том числе) связаны друг с другом неразрывными цепями родства. То же самое можно сказать и обо всех когда-либо существовавших животных и растениях, но там эти цепи гораздо длиннее. Согласно молекулярным данным, наш последний общий предок с шимпанзе жил (в Африке) от пяти до семи миллионов лет назад. По эволюционным меркам это не так много.

Бывают такие акции, во время которых тысячи людей берутся за руки и образуют живую цепь, например от одного побережья Соединенных Штатов до противоположного, в поддержку какой-нибудь кампании или благотворительной организации. Давайте представим себе такую цепь, протянутую вдоль экватора через нашу родину — через Африку. Пусть это будет особая цепь, в которой будут стоять дети и их родители (чтобы это представить, нам придется обмануть время). Вы на юге Сомали, стоите на берегу Индийского океана, лицом к северу, и сжимаете в левой руке правую руку своей матери. Она, в свою очередь, держит за руку свою мать — вашу бабушку. Ваша бабушка держит за руку свою мать, и так далее. Эта живая цепь тянется от океанского побережья в заросли кустарников, на запад — в сторону границы с Кенией.

Сколько нам придется пройти вдоль этой цепи, пока мы не дойдем до нашего общего предка с шимпанзе? На удивление мало. Если считать, что один человек занимает один ярд, мы придем к нашему с шимпанзе общему предку меньше чем через триста миль. Мы едва только начали пересекать континент — не прошли еще и половины пути до Восточно-Африканской рифтовой долины. Наша древняя прародительница стоит далеко к востоку от горы Кения и держит за руку целую цепь своих прямых потомков, которая заканчивается вами — на побережье Сомали.

За правую руку прародительницу держит ее дочь, от которой приходим все мы. Теперь наша прародительница поворачивается на восток, к побережью, и левой рукой берет руку другой своей дочери, от которой происходят все шимпанзе (конечно, это мог быть сын, но давайте для простоты

опять представим себе только предков женского пола). Две сестры держат мать за руки. Теперь представим, что вторая дочь, прародительница шимпанзе, берет за руку свою дочь — и образуется новая цепь, которая тянется обратно к побережью. Двоюродные, троюродные и так далее сестры стоят рядом. К тому времени, когда вторая цепь достигнет моря, она будет состоять из современных шимпанзе. Вы стоите лицом к лицу со своей сестрой-шимпанзе и связаны с ней неразрывной цепью матерей, держащих за руки дочерей. Если вы пройдете вверх вдоль цепи как офицер вдоль шеренги солдат: мимо *Homo erectus*. *Homo habilis* быть может мимо *Australopithecus afarensis* — и обратно вниз вдоль другой ее половины (промежуточные звенья со стороны шимпанзе остаются безмянными, потому что ископаемых остатков пока не удалось найти), вы нигде не встретите никакой отчетливой дискретности. Дочери будут так же сильно (или так же мало) похожи на своих матерей, как это всегда бывает. Матери будут любить своих дочерей и испытывать к ним материнские чувства, как это всегда и бывает. И эта живая цепь, неразрывно связывающая нас с шимпанзе, будет так коротка, что лишь ненамного удалится от побережья Африки, нашего родного континента.

Наша сложенная вдвое цепь из африканских человекообразных обезьян, протянутая во времени, являет собой что-то вроде кольца из чаек в пространстве, с той разницей, что в случае обезьян промежуточные стадии уже мертвы. Я клоню к тому, что с моральной точки зрения должно быть неприципиально, мертвы они или нет. Что если бы они не были мертвы? Что если бы удалось выжить ряду переходных форм, достаточно, чтобы связать нас с современными шимпанзе живой цепью не просто особей, держащихся за руки, а особей, скрещивающихся друг с другом? Помните песню “Я с тем танцевала, кто с той танцевал, кто раз танцевала с принцем Уэльским”? Мы не можем (успешно) скрещиваться с современными шимпанзе, но будь у нас всего горстка промежуточных форм, и мы могли бы спеть: “Я с тем размножалась, кто с той размножался, кто раз с шимпанзе размножалась”.

То, что этой горстки промежуточных форм больше нет, просто случайность. (Счастливая случайность, с некоторых точек зрения, но что до меня, то я был бы несказанно рад увидеть эти формы.) Если бы не эта случайность, наши законы и моральные принципы были бы совсем другими. Стоит нам найти единственного выжившего представителя этих форм, скажем реликтового австралопитека в лесу Будонго, и вся наша замечательная система этических норм рассыплется в прах. Границы, служащие нам для сегрегации нашего мира, разлетятся на мелкие кусочки. Расизм сольется с видовым шовинизмом в одно запутанное и ожесточенное целое. Апартеид приобретет для тех, кто в него верит, новый и, возможно, более актуальный смысл.

Но почему, мог бы спросить специалист по этике, это должно нас так волновать? Разве одно лишь дискретное мышление заставляет нас воздвигать барьеры? Что с того, что выжившие представители непрерывного ряда африканских человекообразных обезьян оставляют нам удобный разрыв между родом *Homo* и родом *Pan*? Ведь наше обращение с животными в любом случае не должно определяться тем, можем ли мы с ними скрещиваться. Если мы хотим оправдать свои двойные стандарты, если общество согласно с тем, что люди заслуживают лучшего обращения, чем, например, коровы (говядину можно готовить и есть, а человечину нельзя), для этого нужны основания получше родства. Действительно, эволюционно люди далеки от коров, но разве не важнее то, что мы

мозговитее? Или (лучше), вслед за Иеремией Бентамом, сказать: разве не важнее, что люди в большей степени способны страдать? Или сказать, что коровы, даже если они страдают от боли не меньше, чем люди (какие, спрашивается, есть основания считать, что меньше?), не знают, что их ждет? Предположим, что у осьминогов в ходе эволюции развились мозг и чувства, сравнимые с нашими. Это вполне могло произойти. Одна эта возможность уже показывает непринципиальность родства. Так какой же смысл, спросит специалист по этике, подчеркивать непрерывность нашей связи с шимпанзе?

Да, в идеале нам, наверное, следовало бы найти лучшие основания, нежели родство, чтобы, например, предпочитать питание мясом других животных каннибализму. Но печальный факт состоит в том, что в настоящее время мораль зиждется почти исключительно на дискретном императиве видового шовинизма.

Если бы кому-то удалось вывести гибрид шимпанзе и человека, эта новость вызвала бы всеобщий шок. Епископы понесли бы околесицу, юристы потирали бы руки в предвкушении поживы, политики-консерваторы метали бы громы и молнии, а социалисты не знали бы, где им строить свои баррикады. Ученый, который это сделал, стал бы изгоем общества, проклинаемым проповедниками и желтой прессой, осужденным, быть может, фетвой какого-нибудь аятоллы. Это навсегда изменило бы политику, теологию, социологию и большинство направлений философии. В мире, который так потрясло бы столь незначительное событие, как гибридизация, действительно торжествует видовой шовинизм и правит дискретное мышление.

Я доказывал здесь прискорбность воздвигаемого в наших мыслях дискретного разрыва между людьми и "человекообразными обезьянами". Я также доказывал, что нынешнее положение этого почитаемого разрыва условно и определяется эволюционной случайностью. Если бы случайности выживаний и вымираний были другими, этот разрыв проходил бы в другом месте. К этическим принципам, основанным на прихоти случайностей, не следует относиться с таким почтением, будто они незыблемы и вечны.

Пояснение 3: "Жизнь после антропоцентризма..."

Вначале я планировал куда большее внимание уделить центральной идее этической революции, но, чем ближе история к завершению, тем более она «самостоятельна» и тем сложнее вставлять в нее все, что заблагорассудится. Поэтому некоторые рассуждения придется привести отдельно.

Для начала нужно ввести определения. Моральными субъектами будем называть любые системы, обладающие сознанием. Моральными агентами — системы, способные принимать решения на основе известных им моральных правил. Шимпанзе будут примером субъектов, но не агентов; а самоуправляемый автомобиль — агентом, но не субъектом. Пересечение этих множеств я буду определять как людей. Это не значит, что пересечение представлено только людьми в обычном понимании: по мере появления в него также попадут разумные роботы и инопланетяне. Если возникнет такая необходимость, людей как биологический вид можно выделять названием *Homo sapiens*.

Как проста была бы жизнь, имей мы возможность разложить *все* системы по этим категориям! К сожалению, мне это кажется принципиально невозможным. Наибольшую проблему представляет разграничение субъектов. Скорее всего, доказать наличие сознания у системы невозможно в том же смысле, в котором нельзя обогнать свет: это привело бы к логическим парадоксам и разрушило саму причинность. Хотя, это лишь гипотеза; сформулировать конкретный парадокс нам еще предстоит.

Точно мы можем утверждать лишь наличие агентной составляющей у систем, которые сами создали с нуля — тех же самоуправляемых автомобилей. Даже биологический человек может ее утратить в результате повреждений мозга (или не иметь ее изначально из-за врожденных дефектов). Но тут мы, по крайней мере, можем делать обоснованные выводы на основании наблюдаемого поведения.

Для определения сознания наблюдаемых критериев *неизвестно*. (Я знаю про зеркальный тест — он не имеет под собой никаких теоретических обоснований; к тому же, его проходят муравьи, но не проходят собаки.) Было бы здорово, если бы когда-нибудь такое поведение было открыто (тест Пенроуза в ЭШ — очередная попытка это сделать), но рассчитывать на это сейчас крайне безответственно.

Исторически решением этой проблемы считался антропоцентризм. Мы просто не принимали в расчет интересы всех, кто недостаточно похож на нас. Но для доказательства порочности такой модели даже не требуются факты. Достаточно допущения, что не-люди могут быть моральными субъектами.

Допустим, вы разрабатываете самолет с революционной аэродинамической схемой, но вот незадача — конструкция кия, кабины или чего угодно еще не позволяет пилоту катапультироваться. В этом случае вы вкладываете дополнительные ресурсы в доработку конструкции, жертвуете эффективностью, навешиваете новое дорогостоящее оборудование, в крайнем случае вообще отказываетесь от идеи, но точно *не* выпускаете в серию машину, которая при аварии уносит с собой в могилу пилота.

К сожалению, далеко не во всех сферах поддерживаются подобные стандарты безопасности; но мне

кажется очевидным, что это *следовало бы* делать. Наша моральная система (надеюсь, и ваша тоже) однозначно говорит, что никакое количество денег не может перевесить жизнь. А риск людьми ради экономии называется преступной халатностью.

Теперь допустим, что этот самолет «опционально пилотируемый», и что в реальности лишь в 1 из 100 машин когда-либо сядет живой пилот. Это меняет принятое ранее решение? Нет. (То есть, понятное дело, что в этой ситуации более логично разработать две разные модели, но последите за аналогией еще немного.)

А теперь изменим постановку следующим образом: пусть пилоты снова есть во всех самолетах, но лишь 1 из 100 — настоящий человек, остальные — «зомби»: ведут себя как люди, но делают это чисто механически и не осознают себя. Важно то, что мы не можем их различать. В принципе, ситуация полностью аналогична предыдущей, верно?

Так вот: все животные (а в недалекой перспективе и ИИ), наличие сознания у которых мы не можем определить — возможные моральные субъекты — эти самые пилоты. И 1 из 100 — еще оптимистичная оценка. Лично я склоняюсь к гипотезе, что сознание континуально и в некотором количестве присутствует в любой нервной системе или ее имитации. Но это слишком сильное утверждение; для доказательства моего тезиса оно не нужно. Одного биологического вида (или ИИ) достаточно, чтобы поставить нас перед необходимостью изменить отношение ко всем не-людям. А что из этого следует и почему это нужно сделать как можно быстрее, вам уже рассказал Винсент.

Иллюстрации

...Или, скорее, proof of concept. Чтобы убедиться, что описанная авиация будущего в принципе жизнеспособна, я решил собрать ее в [KSP](#). Это *очень* далеко от реального моделирования (как графического, так и численного), но кому-нибудь может помочь с визуализацией.

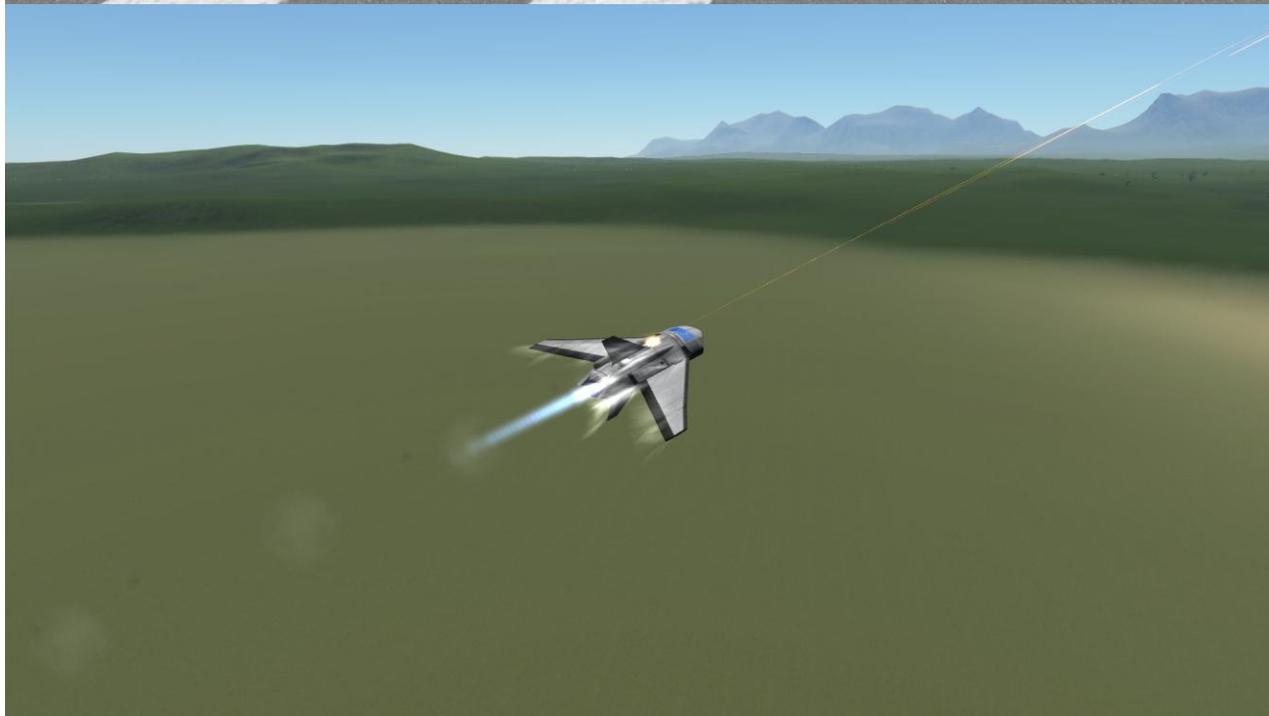
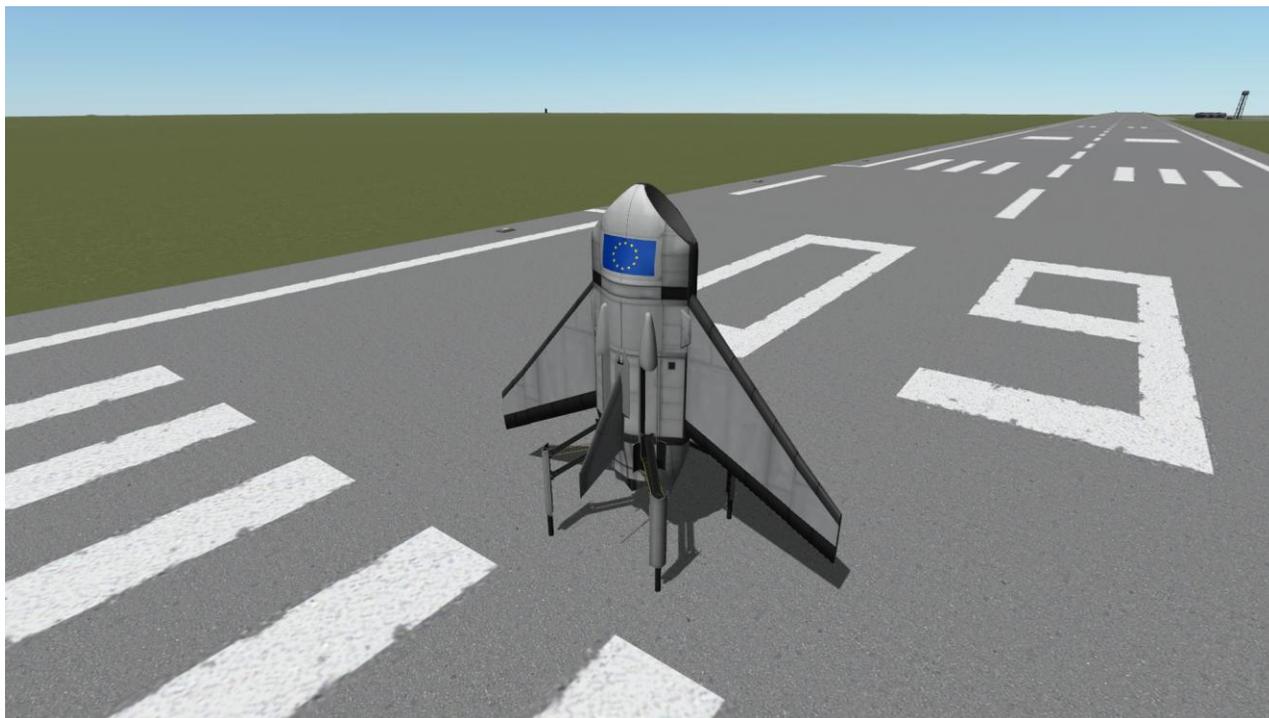
«Пегас»

К середине 21 века ниша сверхзвуковых истребителей была уже полностью занята роботами — они могли переносить большие перегрузки и принимать критичные решения быстрее. Пилотируемые самолеты уже не гнались за скоростью, вместо этого сосредоточившись на координации и поддержке роботов с безопасной дистанции, а также на подавлении внутренних конфликтов. Стив пилотирует этот самолет в прологе.

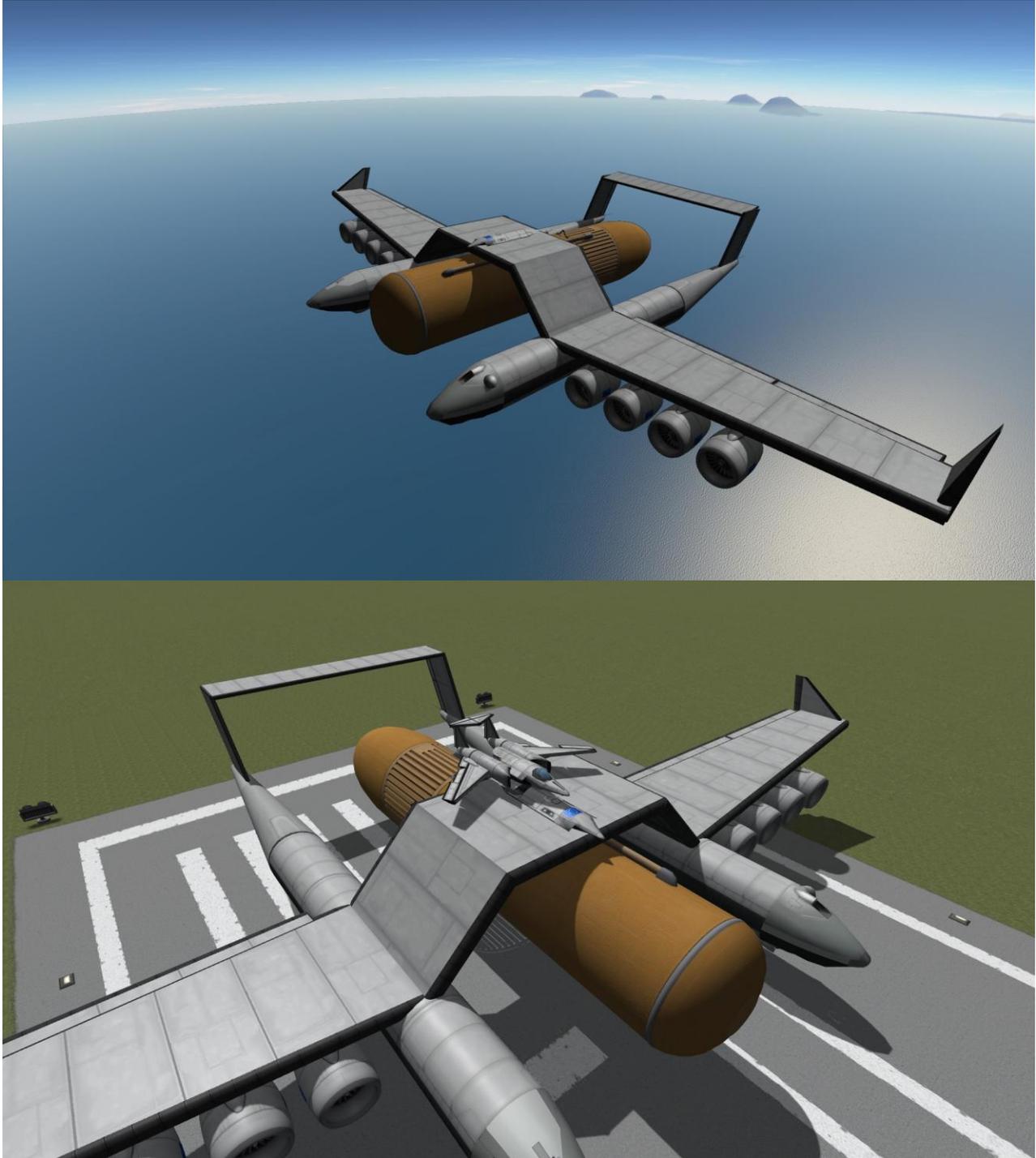
«Грифон»

Один из упомянутых роботов, все меньше напоминающий самолет и все больше — управляемую ракету. В прологе группа «грифонов» находится под командованием Стива.

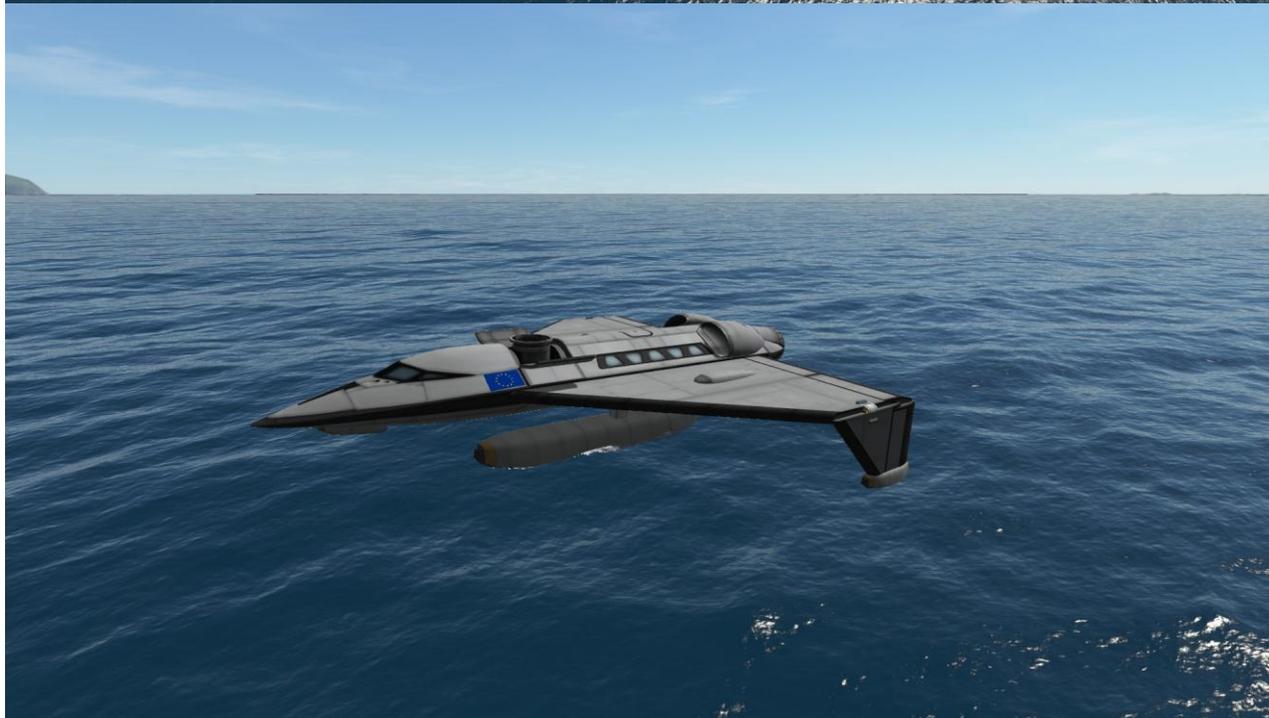
«Икарус»

Во многом «Икарус» напоминает древний советский проект «Молния-1000», для реализации которого теперь есть и технологии, и необходимость. Тысяча тонн взлетного веса и до тысячи пассажиров в подвесном блоке. Для иллюстрации масштаба изображен с топливным баком Шаттла в качестве полезной нагрузки, а на второй картинке — с пристыкованным «Пегасом».

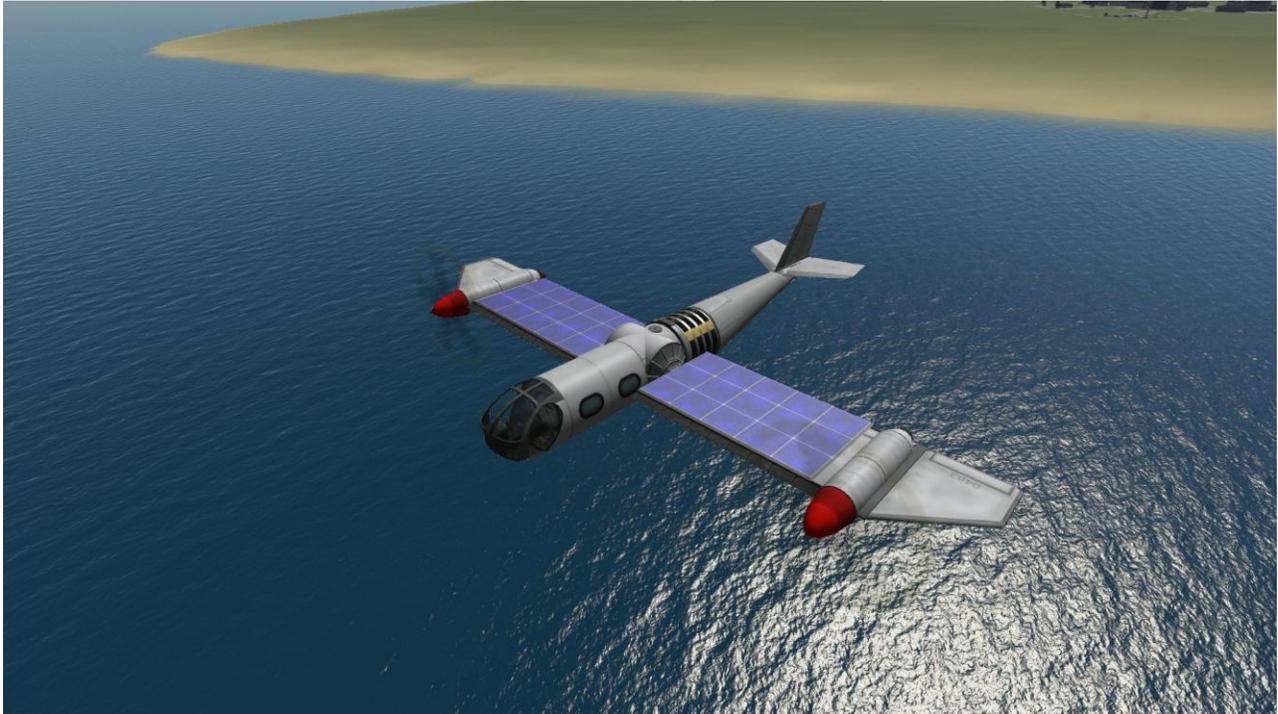
«Сирена»

Высокоскоростной гидроплан с интересной компоновкой, который эвакуирует отряд Муна из США.

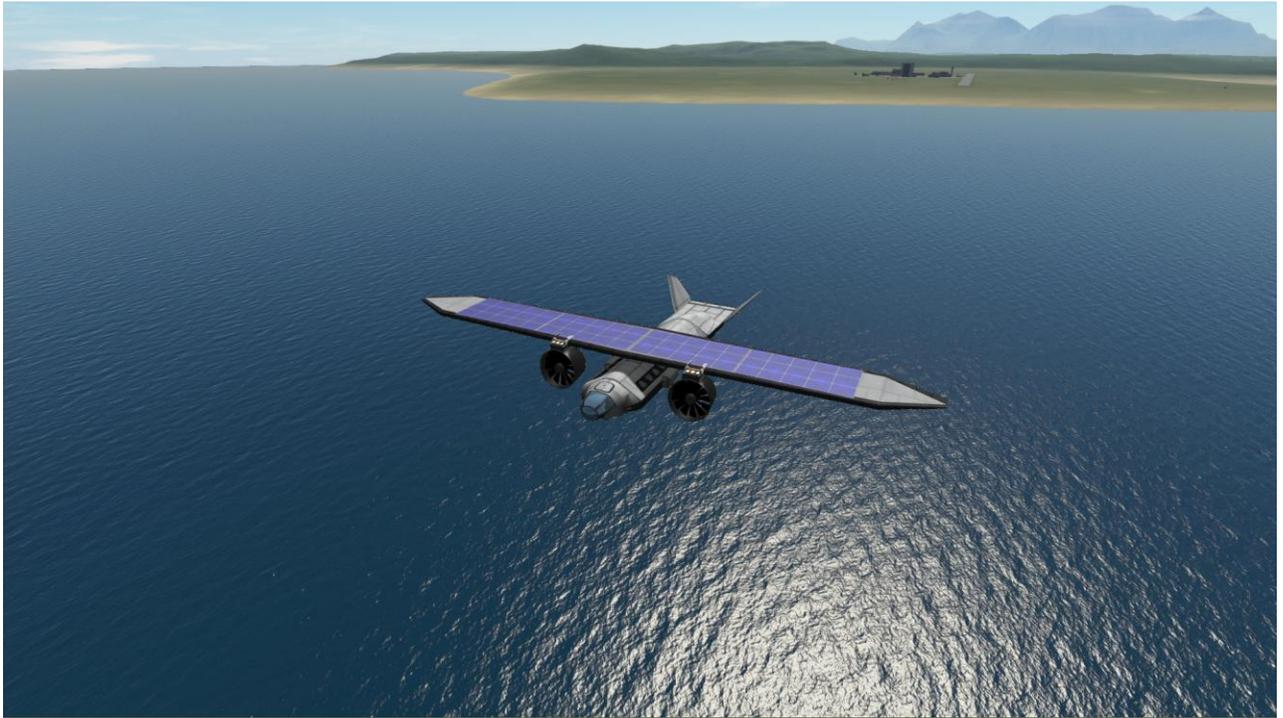
«Тесла Mk.1»

Почему бы в будущем Илону Маску не заняться еще и частной авиацией, до кучи? Переход на электродвигатели решит основные проблемы современных конвертопланов (компромиссные двигатели и балансировка), а крылья предоставят огромную площадь для размещения солнечных панелей. Осталось лишь увеличить эффективность аккумуляторов и фотоэлементов, и подобный транспорт запросто может появиться на улицах города. Или, скорее, на крышах.

«Тесла Mk.III»

Старший брат Mk.I, претендующий на экологическую нишу автобусов.

«Скайлон» и его производные

А это уже вполне реальный проект, в основе которого лежит революционная идея синергетического воздушно-реактивного двигателя, теоретически способного работать на скоростях от нуля до пяти скоростей звука. Лишенный половины проблем «Конкорда», он вполне может вернуть к жизни сверхзвуковые авиаперевозки, хотя основная его цель — космос.

